

Г. И. ХЕТАГУРОВ

ИСПОЛНЕНИЕ ДОЛГА

Георгий Иванович
ХЕТАГУРОВ
(фото 1975 г.)

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ГЕНЕРАЛ АРМИИ
Г. И. ХЕТАГУРОВ

ИСПОЛНЕНИЕ ДОЛГА

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1977

9(с)27
Х41

Хетагуров Г. И.

Х41 Исполнение долга. М., Воениздат, 1977.

216 с., с портр. и ил. (Военные мемуары).

За плечами Героя Советского Союза генерала армии Г. И. Хетагурова — полувековая служба в Советской Армии. Он принимал участие в вооруженной борьбе за установление Советской власти на Кавказе, 15 лет командовал артиллерийскими подразделениями на Дальнем Востоке, активно участвовал в разрешении военного конфликта на КВЖД и в боях у озера Хасан. Великую Отечественную войну генерал Хетагуров начал в Прибалтике, дошел с боями до Берлина, а затем сражался на Дальнем Востоке в составе соединений, громивших Квантунскую армию.

Тепло пишет автор о своих соратниках. Немалый интерес для читателей представляют страницы, посвященные его встречам с известными военачальниками и совместной службе с некоторыми из них.

Георгия Ивановича Хетагурова, к великому сожалению, уже нет в живых. И он не увидит свою книгу, в создание которой вложил много труда и души.

Х $\frac{11202\text{-}177}{068(02)\text{-}77}$ 61-77

9(с)27

© Воениздат, 1977

НА ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ РУБЕЖАХ

За плечами у меня пятьдесят пять лет армейской службы. Естественно, многое забылось. Но не забывается солнечный июль 1926 года, когда, закончив Киевскую объединенную военную школу имени С. С. Каменева, я стал артиллерийским командиром.

Как отличнику, мне предоставлялось право выбора места дальнейшей службы. Не колеблясь, выбрал Владикавказ (Орджоникидзе), где в ту пору размещался 84-й стрелковый полк 28-й Горской стрелковой дивизии имени В. М. Азина. До поступления в военную школу я уже командовал в этом полку стрелковым взводом, имел там много боевых друзей, вместе с которыми участвовал в ликвидации белогвардейских банд на Северном Кавказе. К тому же неподалеку от Владикавказа, в горах Северной Осетии, жили мои родители. Конечно, хотелось быть поближе к ним.

Однако получилось все по-иному. Поступил приказ Народного комиссара по военным и морским делам К. Е. Ворошилова об откомандировании тридцати двух выпускников-артиллеристов в Сибирский военный округ. В числе их оказался и я.

С волнением мы толпились у большой карты СССР, искали на ней Омск, Новосибирск, Иркутск, Благовещенск, Читу. Меня интересовала главным образом Чита: я откомандировывался туда — в 36-й Волжский артполк 36-й Забайкальской Краснознаменной стрелковой дивизии.

Нам устроили торжественные проводы. На вокзальном перроне выстроился весь личный состав школы. Пришли туда и молодые рабочие завода «Арсенал», в том числе

ребята, которых мне довелось обучать военному делу в системе Осоавиахима. Играл духовой оркестр. В неблизкий наш путь мы тронулись под звуки бравурного марша.

Ритмично стучали колеса вагона. Навстречу поезду бежали украинские белые хаты, утопавшие в буйной зелени садов. На станциях розовощекие крестьянки предлагали нам фрукты, молоко, ряженку, пышные поляницы. Во всем этом была какая-то своеобразная праздничность.

Учеба далась нам нелегко. Трудно было всем. А мне досталось, пожалуй, больше других, поскольку я плохо владел русским языком. Помогали товарищи — спасибо им. Особенно благодарен я Александру Брешкову за помощь в изучении материальной части артиллерии. Сам он был опытным артиллеристом — служил фейерверкером еще в старой армии — и умел не столько рассказать, сколько показать мне, что к чему.

По алгебре, геометрии и русскому языку пришлось брать дополнительные уроки за пределами школы. На это уходила значительная часть моего более чем скромного денежного содержания. «Ничего, — утешал я себя, — сдюжу!»

И вот сдюжил. Государственные экзамены сданы успешно. Отмеченный доверием самого наркома, еду служить на дальневосточных рубежах. Это ли не награда за все!..

В Москве нам предстояла пересадка. Закомпостировали свои проездные документы и поспешили на Красную площадь. Нетрудно понять, какие чувства переполняли нас, когда мы приблизились к Ленинскому мавзолею, тогда еще деревянному. Обошли вокруг Кремль, осмотрели центр города и вернулись на вокзал, заняли свои места в дальневосточном экспрессе.

Снова мерно постукивают колеса. В вагоне душно. Целыми днями толпимся в тамбурах, у открытых окон. Нещадно дымим папиросами, шумно делимся впечатлениями.

Всех очаровала Волга. Кто-то запел песню о Стеньке Разине. Остальные дружно поддержали запевалу.

Промелькнули Уральские горы. Они напомнили мне о нашем прижавшемся к скале горном селении Заромак. Мысленно я вернулся в отчий дом, в свое детство. Живо представил себе всегда молчаливого, с виду сурового отца. Он работал дорожным мастером (грунтовщиком) на Во-

енно-Осетинской дороге. С утра и до поздней ночи расчищал на своем участке летом каменные завалы, а зимой — снежные заносы. Мы, дети, неделями не видели его, и я долго был убежден, что отца ничто не интересует, кроме работы. Только став взрослым, узнал, что имелись у него и иные интересы: отец издавна поддерживал тесные связи с кавказскими революционерами. Наше неказистое жилье, сложенное из скальных обломков, много лет являлось местом конспиративных встреч. Когда я был совсем маленьким, к нам иногда наезжал дальний родственник Коста Хетагуров — выдающийся осетинский поэт, живописец и общественный деятель.

Жили мы в беспросветной нужде, питались скудно и однообразно. На двух крохотных клочках земли, расчищенных от колючки и камня, не родилось ничего, кроме ячменя и картофеля, а из домашней «живности» была у нас лишь лошадь, да и та казенная.

Будучи еще мальчиком-подростком, осенью я уходил на заработки в так называемую равнинную Осетию, убирал там чужие поля. Зарабатывал до пяти-шести мешков кукурузы и еще пуд соли. Возвращался домой со сбитыми до крови ногами и руками, но бывал очень доволен, что помог родителям кормить большую семью.

Из смеси ячменной и кукурузной муки мать пекла чурек, соблюдая строжайшую экономию. Летом наш рацион дополнялся ягодами, собранными на склонах гор. Иногда, к праздничному столу, бывала форель, выловленная в горной речке.

После окончания церковноприходской школы отправился я на Садонские рудники, где в ту пору хозяйничали французские концессионеры. Там уже работали два моих дяди — братья отца: один был десятником на руднике, другой — весовщиком на горнообогатительной фабрике. Они всячески старались «пристроить» племянника, однако работы, посильной для мальчишки, здесь не нашлось. Тогда отец отвез меня во Владикавказ и определил в аптеку мойщиком склянок для лекарств. Такую же работу выполняли в этой аптеке еще два мальчика из ингушей. Подружившись с ними, я довольно быстро научился говорить по-ингушски. Платили каждому из нас три рубля в месяц. Кормили скверно. Спали мы в подвале, загроможденном бутылками и свертками с остро пахнущим лекарственным сырьем. Однажды кто-то из провизоров

нечаянно разбил огромную бутыль, и ее ядовитое содержимое разлилось по всему подвалу. Нам дали маски, сунули в руки тряпки и приказали убирать. Мы отказались, боясь отравления. Хозяин аптеки обозвал нас скотами и тут же выгнал с работы.

Иду по улице, думаю: куда же теперь податься? Ничего не придумав, забрел к родственнице отца. Она сжалилась надо мной, приняла в свой дом и вскоре подыскала мне работу в мастерской братьев Туаевых, где шили черкески, бешметы, шапки и папахи для Терского казачества и горцев. Я должен был убирать мусор, подметать и мыть полы. Мастера и подмастерья в насмешку называли меня главным подметалой. Месячный мой заработок и здесь составляли те же, что и в аптеке, три рубля.

Изредка я наведывался к другому нашему родственнику, жившему во Владикавказе, — профессору Абаеву. Здесь однажды повстречал коренастого русского человека с открытым добрым лицом и приятной улыбкой. Родственники мои называли его Сергеем Мироновичем. Позже мне стало известно, что это был С. М. Киров.

Летом 1916 года меня навестил отец. Жалкое мое существование, как видно, очень огорчило его.

— Поедем-ка домой, — сказал он решительно.

Больше года работал я вместе с ним на Военно-Осетинской дороге. Разгребал снег, убирал свалившиеся сверху камни, ремонтировал дорожное полотно. И тут неожиданно произошла опять моя встреча с С. М. Кировым. Он ехал в пароконной линейке и приветственно помахал нам рукой.

— Кто это? — спрашиваю отца. — Я видел этого человека у Абаевых.

Ответа не последовало.

К тому же периоду относятся новые мои попытки устроиться на Садонские рудники. Теперь мне даже самому непонятно, что так влекло меня туда: заработки и там были низкими, а труд не только тяжел, но и опасен для здоровья. Добыча цинка и олова велась здесь примитивным способом. Руду вывозили из забоев на лошадях, впряженных в арбы, взвешивали и опрокидывали в огромную деревянную трубу, перетянутую железными обручами. С грохотом комья руды катились вниз, к обогатительной фабрике. Хотелось заглянуть на фабрику, но туда не пускали.

У фабричной проходной всегда толпился народ, обсуждались последние новости. Именно там в конце 1917 года я узнал, что в России произошла революция и царь отрекся от престола. Там же впервые услышал имя великого Ленина. Потом у проходной все чаще стали говорить о гражданской войне, о красногвардейцах и белогвардейцах. Красные в моем представлении были людьми хорошими, белые — плохими. Пробовал поговорить на эту тему с отцом, но он резко оборвал меня:

— Не суй нос не в свое дело, молод еще!

Однако я догадывался, что симпатии отца тоже на стороне красных.

Как-то вечером к нашему дому подъехала скрипучая арба, набитая овечьей шерстью. На арбе сидел брат матери Дзате Беслекоев. Он спрыгнул на дорогу, огляделся и что-то сказал моему отцу. Потом вполголоса позвал:

— Вылазь, Гино!

Из-под шерсти легко выскользнул человек средних лет и вместе с дядей торопливо пошел в дом. Он явно не хотел, чтобы его заметили. Но я был рядом. Увидев меня, отец сердито прикрикнул:

— Ты чего здесь вертишься?! Выпрягай волов и веди во двор.

До глубокой ночи трое мужчин разговаривали в комнате для гостей. А на рассвете дядя и гость уехали в сторону Алагира.

Каково же было мое удивление, когда я позже узнал, что ночевавший у нас Гино это — Г. Бараков, командующий всеми партизанскими отрядами Северной Осетии! Под его руководством красные партизаны разгромили в Алагире белогвардейский батальон.

Гражданская война пришла и к нам в горы. Совсем рядом с нашим селением действовал партизанский отряд численностью до 150 человек. Говорили, что он прикрывает от белоказаков Кассарское ущелье. В составе этого отряда находился мой дядя Дзате Беслекоев. Вскоре ему удалось уговорить моих родителей отпустить в отряд и меня. Так я стал красным партизаном.

Шесть месяцев партизаны держали оборону в ущелье. Старшие — в большинстве бывшие солдаты — несли боевую службу, а мы, подростки, занимались главным образом обеспечением отряда продуктами питания: охотились

на диких коз и туров. С хлебом было трудновато, зато мяса вдоволь.

Весной, когда Закпнский перевал очистился от снега, к нам подошел из Южной Осетии крупный отряд бывших керменистов * во главе с коммунистами М. Санакоевым и А. Джатиевым. Присоединились еще и заромакские партизаны. Общая численность партизан достигла здесь 1500 штыков и сабель.

Из Кассарского ущелья наш объединенный отряд двинулся на Мизури, Алагир и далее к Владикавказу, где началось переформирование осетинских партизанских отрядов в Южно-Осетинскую стрелковую бригаду. Меня зачислили бойцом во 2-й Кавказский стрелковый полк. Так с 1 января 1920 года началась моя служба в Красной Армии. К тому времени мне еще не исполнилось 17 лет.

В начале 1921 года Южно-Осетинская бригада вместе с другими советскими частями выступила против контрреволюционных сил Грузии. Из состава 2-го Кавказского стрелкового полка выделился отряд во главе с Т. Бекузаровым. Ему предстояло действовать в районе Минеральных Вод, а затем в Пятигорске. Выполнив свою боевую задачу, отряд влился в 294-й стрелковый полк 33-й стрелковой дивизии. Мы прочесывали леса, ликвидировали белогвардейские банды в районе Кисловодска, в станицах Кумсколомская, Михайловская, Бургустанская, в ауле Абукова.

Мне особенно памятен бой за станицу Бургустанская. Наша рота, преследуя белобандитов, двигалась короткими перебежками через скошенное поле к низкорослому леску. И вдруг я провалился в глубокую яму, замаскированную соломой. В яме была обмолоченная пшеница. Попытался выбраться — не получилось: зерно засасывало ноги. Мелькнула страшная мысль: «Пропал — наши уйдут, а хозяева пшеницы, казаки, тут же обнаружат меня и при-

* Так назывались члены революционно-демократической организации крестьянской бедноты «Кермен», возникшей в Северной Осетии летом 1917 года. По всем вопросам революции керменисты выступали с большевиками. Сформированные керменистами боевые крестьянские отряды боролись с контрреволюцией в Осетии и на Тереке. В апреле 1918 года «Кермен» слилась с большевистской партией.

С. М. Киров в 1920 году характеризовал «Кермен» как большевистскую партию, только приспособленную к осетинским условиям.— *Прим. ред.*

бьют». Стал звать на помощь, но никто не откликнулся. И когда я уже затаился в отчаянии, вверху показалось широкое лицо со вздернутым носом. То был красноармеец из нашей же роты, только из другого взвода. Заглянув в яму, он зло сверкнул глазами:

— Ты чего здесь прячешься?

— Да провалился я. Помоги выбраться.

— Нет уж, сиди! — крикнул боец и убежал.

Через некоторое время появился командир роты Андреев. Меня вытащили из ямы.

— Молодец! — неожиданно похвалил командир. — Какой клад нашел!

350 мешков отборной пшеницы выгребли мы потом из этого потайного кулацкого склада. Нечаянно я стал героем события, о котором долго говорили в полку. Сразу же после этого командир роты В. С. Андреев назначил меня своим ординарцем.

— Хороший ты хлопчик, только вот плохо говоришь по-русски, — сокрушался он. — Придется заняться твоим образованием.

И от слов перешел к делу, причем занятия русским языком умело сочетал с моим политическим просвещением. Бывало, принесу ему в обед котелок каши и тут же слышу:

— А ну доставай тетрадь.

Раскрыв тетрадку, я старательно выводил под диктовку командира: «Ленин — вождь мирового пролетариата», «Партия большевиков — авангард рабочих и крестьян», «Советская власть — власть трудящихся». При этом мне разъяснялись значение каждого слова и смысл каждой фразы.

Дядя Дзате посоветовал:

— Иди, Габо, учиться на курсы красных командиров.

— Не возьмут, пожалуй, — засомневался я.

— Возьмут, — убежденно сказал дядя Дзате. — Мне удалось потолковать с Андреевым — он обещал.

— А при чем тут Андреев?

— Как при чем? Его же переводят на должность курсового командира...

И вот я — курсант Пятигорских пехотных командных курсов имени Артема. Курсы были рассчитаны на годичное обучение. Однако курсовую роту, которой командовал В. С. Андреев, почему-то чаще других привлекали

к борьбе с бандитизмом и изъятию оружия, в изобилии оставленного на Кавказе разбитыми деникинцами. Из-за этого нам продлили учебу еще на три месяца. Здесь же, на курсах, в мае 1921 года, по рекомендации В. С. Андреева, я был принят кандидатом в члены РКП(б).

Владимир Семенович стал для меня тогда вторым отцом. Да и не только для меня — все мы души не чаяли в нашем курсовом командире. И когда он надумал жениться, почти вся рота тайком от него копалась вечером на убранных уже огородах и собрала в подарок молодоженам полмешка картофеля. Это очень растрогало Владимира Семеновича. Обращаясь ко мне, он пошутил:

— Эх, к этому бы еще мешочек пшенички, обнаруженной тобой в Бургустанской! Напекли бы пирогов на всю роту...

По окончании курсов я стал командовать взводом в школе младших командиров 84-го стрелкового полка 28-й Горской стрелковой дивизии. У дивизии этой были славные боевые традиции. Бесстрашный ее командир латыш Азин погиб в феврале 1920 года на подступах к Северному Кавказу. В схватке с белоказачьей конницей он был ранен и пленен. Деникинцы предложили ему перейти на их сторону, обещали звание генерала.

— Я большевик и умру большевиком! — заявил им Азин.

После зверских пыток белые повесили начдива.

Когда я получил назначение в Горскую дивизию, она размещалась во Владикавказе. Этим были обусловлены некоторые особенности службы. Владикавказ то и дело подвергался тогда налетам националистских банд. Стоило нам только выйти на стрельбище или полевые занятия, как бандиты врывались в город, грабили магазины, рынки, нападали на милицию, убивали партийных и советских работников. Бандиты пытались проникнуть даже в квартиру нашего командира полка М. С. Хозина. На ночь ему приходилось баррикадировать входные двери и окна.

Бороться с бандитами было чрезвычайно трудно. Они хорошо знали местность и пускались на разные хитрости. Однажды во время облавы в горах нам повстречалась большая группа ингушей. Одни ехали на повозках-тавричанках, другие — верхом на конях. Все всадники были вооружены кинжалами и саблями. На передней повозке си-

дели женщины с закрытыми белой тканью лицами. Видны были только глаза.

К командиру нашего отряда подскакали два всадника. Один из них хорошо говорил по-русски.

— Это свадьба, начальник, — сказал он.

— А почему вооружены?

— Такой у нас обычай.

Когда всадники отъехали, я высказал сомнение:

— Непохоже на свадьбу. Вернее всего, это замаскированные бандиты.

Командир проявил нерешительность:

— А если и вправду свадьба? Есть же инструкция, требующая уважать обычаи горцев...

Прав оказался я: ночью бандиты напали на нас. Хорошо, что сторожевое охранение было начеку. Банда потеряла до 30 человек убитыми. Но несколько наших бойцов получили ранения. Тяжело был ранен и командир отряда.

Вместе с нашим отрядом находилась, тогда и батарея Н. Д. Яковлева — будущего маршала артиллерии.

Не раз участвовал я в подобных экспедициях в качестве коменданта отряда, так как хорошо знал ингушский язык. Много раз приходилось мне конвоировать захваченных главарей банд и злостных укрывателей оружия. Это всегда грозило опасностью получить пулю или кинжал в спину. Родственник моей семьи профессор Абаев предупреждал:

— Будь, Габо, осторожен. Не забывай о кровной мести горцев. Похоже, за тобой уже охотятся...

Но служба есть служба.

...Размышления мои о прошлом были прерваны голосами товарищей: они потащили меня в купе проводника вагона, который оказался коренным жителем Прибайкалья.

— Байкал — чудо-озеро, — рассказывал он. — Нет на земле озера глубже его. Нет воды прозрачней байкальской. И нигде, кроме Байкала, не водится рыба омуль...

В штаб 36-й Забайкальской дивизии мы прибыли втроем. Дежурный по штабу проверил наши документы и сра-

зу устроил на попутную автомашину, следовавшую в летний лагерь 36-го Волжского артполка.

Я первым представился командиру этого полка П. В. Шабловскому. Рядом с ним сидел молодой комиссар А. М. Романов, внешность которого с первого взгляда вызывала симпатию.

— До школы где служили? — спросил Шабловский.

— В двадцать восьмой Горской стрелковой дивизии. Командовал взводом в стрелковом полку.

— Хорошо,— одобрил командир полка. — Артиллеристу полезно знать тактику пехоты.

— Вы член партии? — задал вопрос комиссар.

Я ответил утвердительно и добавил, что с 1920 года состоял в комсомоле.

— А какую общественную работу проводили?

— Обучал военному делу молодых рабочих на заводе «Арсенал».

— Тесна земля! — воскликнул Романов. — На «Арсенале» у меня брат работает! Не встречались?

Нет, брата комиссара я не знал...

Примерно так же протекал разговор с каждым из двух моих спутников, после чего командир и комиссар долго беседовали с нами о положении на Дальнем Востоке. Китайские милитаристы, подстрекаемые иностранными империалистами, провоцировали тогда инциденты на КВЖД, частенько обстреливали из Маньчжурии наши пограничные заставы.

— В общем, надо быть начеку, — заключил Шабловский и объявил, в какие батареи мы направляемся командовать артиллерийскими взводами.

Я получил назначение в 5-ю гаубичную батарею.

Командир батареи И. Г. Барышев встретил меня доброжелательно, даже обрадованно.

— Принимай огневой взвод и готовься к контрольным стрельбам. Огневая подготовка у нас — на первом плане, — подчеркнул он.

Теорию ведения огня взводом я знал прилично, а практики почти не имел. Так и сказал Барышеву, а он посоветовал мне, не стесняясь, обращаться за помощью к командирам орудий, к наводчикам. Совет его был принят, и скоро я почувствовал полную уверенность в своих действиях.

Через месяц начались окружные маневры. На артиллерийском полигоне появился командующий Сибирским военным округом Н. Н. Петин. Он вместе с командиром нашей дивизии М. А. Рейтером подошел вплотную к огневым позициям, когда мне было приказано поразить цель одним орудием. Я подал команду орудию Г. И. Иванова. Расчет орудия выполнил поставленную задачу — цель была поражена первым же снарядом.

Командующий спросил меня, все ли расчеты подготовлены так же. Я взглянул на лица бойцов, и они подсказали мне: «Докладывай, мол, смело, не подведем».

— Все, товарищ командующий! — как можно громче ответил я.

Взвод получил отличную оценку.

На разборе маневров положительно была оценена боевая готовность всей 36-й Забайкальской стрелковой дивизии, а лучшим в ней командующий назвал 36-й Волжский артиллерийский полк.

Счастливые от сознания успешно выполненного долга, маршировали мы по улицам Читы на зимние квартиры. Полковой наш городок мне понравился. Казармы, конюшни, гараж, столовая, клуб и два жилых корпуса для семей комсостава содержались в хорошем состоянии. Общежитие для командиров-холостяков было оборудовано на втором этаже здания, занятого штабом полка.

Началась так называемая зимняя учеба, в которой теория преобладала над практикой. И тут заметней стала сказываться недостаточная общая подготовленность красноармейцев. Многие из них были малограмотны, а то и совсем неграмотны. Пошел я за советом к командиру батареи.

— Ничего с этим не сделаешь, — развел он руками, — других бойцов нам не дадут.

— А давайте попробуем изменить расписание занятий так, чтобы оставалось время на общеобразовательную подготовку людей, — предложил я и сказал, что сам буду обучать своих подчиненных.

Барышев повел меня к командиру дивизиона М. П. Стрямужевскому, потом мы уже втроем ходили к комиссару полка. Романов энергично поддержал меня.

Ликбез спланировали на вечернее время. Малограмотные бойцы прилежно взялись за учебу, и это предопределило успехи моего взвода в боевой и политической подго-

товке. К концу зимнего периода мы вышли на первое место в дивизионе.

Меня вызвали к командиру полка. У него в кабинете находился и комиссар. Пока командир что-то дописывал, Романов первым заговорил со мной:

— Я недавно вернулся из Киева. Был там и у брата на заводе. Арсенальцы помнят вас. Очень похвально отзывались не только о военных занятиях с вами, но и о вашем умении вести партийную пропаганду.

— Вот мы и решили, — подключился к разговору командир полка, — назначить вас политруком в восьмую батарею. Командир там опытный, служит в артиллерии еще с германской войны, а с политработой не ладится. Надо выправить положение.

— Меня тоже никто не учил политработе, — начал было я.

— То есть как это — никто не учил? — прервал меня комиссар. — Вы же член партии!

— Ну вот что, — с подчеркнутой строгостью сказал командир полка, — приказ уже подписан и обсуждению не подлежит. Идите, Хетагуров, к товарищу Буцких — он ждет вас.

Командир 3-го дивизиона И. Т. Буцких в беседе со мной нарисовал непривлекательную, но в общем-то верную картину.

Восьмая батарея — по дисциплине худшая в полку. И виноват в этом прежде всего ее командир — Волосков. Очень уж он груб в обращении с бойцами, злоупотребляет дисциплинарными взысканиями, политрука своего, Григорьева, подмял так, что тот ни на что уже не способен.

Волоскова я на месте не застал. Попросил Григорьева представить меня личному составу батареи.

Люди собрались, а я не знаю, с чего начать разговор. Наконец решился.

— Товарищи, — говорю, — у меня нет опыта политической работы. Так что давайте вести ее сообща, помогать друг другу — вы мне, а я вам. При этом условии я уверен, что наша батарея станет лучшей в полку.

Огневым взводом здесь командовал мой товарищ по Киевской школе Сергей Король. Вечером попросил его:

— Объясни, дружище, в чем дело? На маневрах вось-

мая батарея действовала едва ли не лучше всех, а в другие дни от ее бойцов тесно на гарнизонной гауптвахте.

— Поживешь — узнаешь, — горестно усмехнулся он.

— Ты, Серега, не увиливай!

— А чего мне увиливать? Разве ты не слыхал о нашем комбате? Он же замордовал всех. Придирается к людям по пустякам, может и оскорбить. Вчера вон пришел ко мне на занятия, посидел, послушал, а потом говорит: «Если бы ты попу мямлил так «Отче наш», он бы тебя выгнал». И так всегда. Доброго слова от него никто не слышал.

— Может, ты действительно мямлил? — поинтересовался я.

— Да пошел он к лешему. У него любой замямлит. Работать не хочется.

На следующий день у меня произошла встреча с Волосковым.

— Ты, что ли, батарею собирал? — сердито спросил он, не отвечая на мое приветствие.

— Да.

— Кто тебе позволил?

— А разве для этого требуется чье-то разрешение?

— Не чье-то, а только мое. Смотри, политрук, станешь своевольничать — худо будет.

Мне стоило больших усилий сдержать себя. Ответил ему спокойно:

— Командовать батареей я не собираюсь. Но задача у нас с вами одна — обучать и воспитывать бойцов. Эту задачу будем решать вместе.

— Посмотрим, — неопределенно буркнул Волосков и ушел.

Разговор этот оставил у меня в душе неприятный осадок. Поначалу решил: не сработаемся, сразу доложу об этом комиссару полка. Но очень не хотелось отступать, идти на попятную под натиском Волоскова. Попробовал как-то приноровиться к обстановке. В решение чисто артиллерийских вопросов старался не вмешиваться: видел, что специальность свою Волосков знает лучше меня. А вот там, где дело касалось воспитания личного состава, твердо стоял на своем: не позволял оскорблять людей, искажать дисциплинарную практику. Довольно часто между нами возникали жаркие споры — один на один. И чем дальше, тем все явственнее я улавливал у комбата нотки неудов-

летворенности самим собой и своим положением. Однако до конца он раскрылся мне только в лагерях, когда мы жили в одной палатке.

Как-то вечером, после удачных батарейных стрельб, я похвально отозвался о его умении руководить огнем и откровенно позавидовал превосходным ответам Волоскова начальнику артиллерии округа А. К. Сивкову, когда тот поинтересовался теоретическими познаниями командира батареи.

— У вас,— говорю,— есть чему поучиться. Только никак не могу понять, почему вы такой злой к людям, неуравновешенный. Нельзя же так!

— Это верно, — согласился Волосков. — От меня и дома плачут...

Наступила довольно продолжительная пауза. Я не торопил моего собеседника, не приставал к нему с новыми расспросами. И правильно сделал. Вздохнув, он продолжал сам:

— Вот вы говорите, что у меня есть чему поучиться. А толк-то какой? Известно ли вам, что я с гражданской войны командую батареей. И воевал, кажется, не хуже других, но другие-то мои сослуживцы, даже те, кто был в моем подчинении, уже полками командуют. А мне и дивизион доверить боятся.

Он опять помолчал и неожиданно перешел на дружеское «ты»:

— Тебе спасибо. Помогаешь, чем можешь. И доносов не строчишь...

Как только выдался случай, я рассказал об этом разговоре комиссару полка. Тот обещал в свою очередь переговорить о Волоскове с Шабловским. Через некоторое время Волоскову предложили должность начальника штаба полка. Он принял это предложение охотно. А меня утвердили в должности командира и политрука 8-й батареи.

Однако недолго довелось мне командовать этой батареей. В середине апреля 1928 года последовал приказ о моем переводе на такую же должность в 108-й стрелковый полк нашей же дивизии.

— Почему переводят? — спрашиваю Шабловского. — Двух лет не прошло после выпуска из школы, а меня из батареи в батарею третий раз перебрасывают. Только к людям присмотришься, опять надо начинать все сначала.

Командир полка выслушал меня сочувственно. Сказал, что сам он возражал против нового моего назначения. Поблагодарил за службу:

— Взвод свой вы сделали образцовым. Восьмая батарея тоже пошла на поправку. А главное — Волоскову помогли, совсем другим человеком стал...

Через несколько дней я отбыл в Сретенск.

Новая батарея произвела на меня хорошее впечатление. Люди выглядели опрятно, имели отличную строевую выправку, на мои вопросы отвечали четко. В хорошем состоянии были лошади, в порядке материальная часть.

Несколько огорчила меня недостаточная натренированность личного состава для действий в горно-лесистой местности: медленно осуществлялось развертывание в боевой порядок, не выдерживались нормативные сроки перевода орудий с колес на вьюки и обратно. А ведь батарея-то была горной.

Однако за полмесяца усиленных тренировок это отставание удалось преодолеть. На состоявшихся вскоре учениях расчеты действовали слаженно, поставленные задачи решали быстро, даже перекрывая нормативы.

С первых дней службы здесь у меня сложились добрые взаимоотношения с командованием дивизиона и полка. И Сретенск мне понравился. Он возник в свое время как сторожевой пост на водных путях по рекам Шилка и Амур. До сооружения Китайско-Восточной железной дороги Сретенск являлся конечным пунктом Транссибирской магистрали. Отсюда шли лишь пароходы на Благовещенск и Хабаровск.

Город раскинулся в основном по правому берегу Шилки. Неподалеку высились горные хребты, поросшие таежным лесом с преобладанием лиственницы, сосны, ели, кедра. В лесах полно было зверья — белка, горностай, колонок, соболь, рысь, медведи. Водились и северные олени. В густых приречных зарослях встречались кабаны. Для охотника — раздолье. Для горца — родная стихия, хотя это, конечно, не Кавказ.

Меня так очаровало Приамурье, что, получив свой первый после Киевской школы отпуск, я решил провести его в здешних местах. Целый месяц не разлучался с местным охотником-следопытом Никитой Федоровичем На-

заровым. Узнал много интересного об этом крае и о населяющих его людях.

Окончание отпуска совпало с очередным моим перемещением. Приказом по войскам Сибирского военного округа я направлялся в Даурию командовать батареей 25-го конно-горного артдивизиона 5-й Отдельной Кубанской кавалерийской бригады. Поехал туда в товарном вагоне, так как вез с собой купленную в рассрочку на 10 лет строевую лошадь. Тогда командирам разрешалось покупать лошадей, которых ставили на фуражное довольствие в части по месту службы.

— Наконец-то прибыл! — радушно встретил меня командир дивизиона И. П. Камера.— У нас уже три месяца батарея без командира, а ты где-то по лесам блукаешь. Я тебя присмотрел еще на учениях в районе Сретенска. Вижу, лихо командуешь горной батареей, и давай уговаривать Рокоссовского, чтобы тебя к нам взяли. Разве кто откажет в просьбе нашему комбригу?.. Ну что же, идем, джигит, представлю тебя ему...

Через пять минут мы были в кабинете К. К. Рокоссовского. Рослый, стройный комбриг крепко пожал мне руку, пригласил присесть, стал расспрашивать, откуда я родом, где служил, какое имею образование.

Услышав, что мне довелось командовать взводом в 28-й дивизии имени В. М. Азина, Рокоссовский заметил:

— Знаменитая дивизия. Я хорошо знал товарища Азина. Вместе воевали в Поволжье. Геройский был начдив!— И вдруг поинтересовался: — А коней вы любите?

— Люблю, товарищ комбриг. И прибыл со своим конем.

— Превосходно, — одобрил он.

Лучи заглянувшего в окно солнца играли на двух орденах Красного Знамени, украшавших грудь комбрига. Потом я узнал, что первый орден он получил за отличие в боях с колчаковцами, второй — за разгром белогвардейских банд барона Унгерна в Монголии.

— Что же, Иван Павлович, — обратился Рокоссовский к Камере, — познакомьте товарища Хетагурова с батареей, и пускай он немедленно вступает в командование...

Казарма батареи находилась в одном здании со штабом бригады, а напротив размещался штаб дивизиона.

— Да,— говорю Камере,— тут, между двух штабов, как в бою под перекрестным огнем.

— Ничего, — засмеялся Камера, — зато внутренний распорядок будет на высоте и суточный наряд не заснет.

Порядок в казарме был действительно лучше некуда. Кровати выровнены и заправлены, как на картинке. Дневальный четко доложил, что батарея находится на занятиях в поле. Иван Павлович провел меня в отдельную комнату и сказал, что здесь я буду жить вместе с командирами взводов. Квартир холостякам в бригаде не давали.

— А теперь иди к адъютанту дивизиона Бондареву,— распорядился Камера. — Он познакомит тебя с состоянием конского состава, покажет парки и манеж. После обеда представит личному составу батареи...

М. И. Бондарев тоже принял меня по-дружески. С гордостью рассказал о боевом пути 5-й Кубанской кавалерийской бригады. Она была сформирована в сентябре 1920 года оренбургским казаком-коммунистом, соратником легендарного В. К. Блюхера по боям на Восточном фронте, Николаем Дмитриевичем Томиным. Ее эскадроны рубились с бандами Булак-Балаховича в Белоруссии, громили белогвардейцев в Забайкалье и Монголии.

Потом мы осмотрели парки, конюшни, манеж. Попутно Бондарев коротко охарактеризовал командиров и политработников, с которыми мне предстояло нести службу.

— Тут у нас все на подбор, — говорил он, не скрывая удовольствия. — Твой помощник по политчасти Ефим Иванович Кузнецов — превосходный политработник и душевный человек. На командира огневого взвода Ивана Дмитриевича Безрукова тоже всегда можно положиться — опытный артиллерист, командует уверенно и грамотно. Во взводе управления — Петр Ефимович Иванов — работяга каких поискать. Его взвод, по нашей оценке, подготовлен лучше других...

Вечером я встретился с личным составом батареи. Люди здесь и впрямь оказались отличные, в основном из рабочих Кемерово, Читы, Нерчинска, с Забайкальской железной дороги, с шахт из-под Владивостока. В батарейной парторганизации было пять членов партии и четыре кандидата. Комсомольцев насчитывалось пятнадцать. Соревнуясь с учебной батареей, наши бойцы почти ни в чем не уступали ей, а по конной подготовке имели даже превосходство. Последнее ставилось в заслугу прежде всего Е. И. Кузнецову — прекрасному наезднику и отличному

спортсмену. Я сам потом учился у него рубить лозу, но такого мастерства, как у него, добиться мне все же не удалось.

Очень ревностно нес свою службу и старшина батареи В. В. Карачунский. Как-то подходит ко мне и заводит такой разговор:

— Знаете, товарищ командир, в казарме у нас — порядок и чистота, а уюта нет. Вот бы на окна занавески, а на тумбочки — салфетки. Сразу бы все другой вид приняло.

— Где же это взять? — спрашиваю.

— Видел я в магазине беленький материальчик. Недорогой. А сошьют мне бесплатно.

— Сколько надо?

— Рублей двадцать пять.

Я, не раздумывая, дал деньги, и действительно уютнее стало в казарме.

В другой раз остановил меня старшина у оцинкованного бачка с водой, спрашивает:

— Небось и в царских казармах такие стояли?

— Без них не обойдешься, — ответил я, не догадываясь, к чему он клонит.

— Конечно, вода нужна, — согласился Карачунский.— Да ведь тут сплошная антисанитария: все пьют из одной кружки. К тому же ночью бегают к бачку босиком и простыни пачкают.

— Что же ты предлагаешь?

— Графины на тумбочки. Завезли их вчера в магазин. И деньги у меня от занавесок остались. Совсем малость добавить нужно.

Добавил. Бачок из казармы исчез.

Первым это новшество оценил К. К. Рокоссовский. Он часто заходил к нам.

— Молодец! — похвалил комбриг старшину.

Ободренный этой похвалой, Карачунский — снова ко мне:

— Вы не заметили, как командир бригады смотрел на наши застиранные одеяла?

— Ну, брат, одеяла на всю батарею нам с тобой не по карману, — отвел я намек старшины.

— Не о деньгах речь, — уточнил он. — Вы бы, товарищ командир, похлопотали о замене одеял. Они свой срок отслужили.

Условились, что я при случае поговорю об этом с командиром дивизиона И. П. Камерой. И случай такой подвернулся. Пришел к нам Иван Павлович, посмотрел на занавески, салфетки, графины. Остался доволен. Мало того, сказал, что надо пригласить в нашу казарму командиров и старшин из других батарей — пусть учатся, перенимают опыт. Вот тут-то я и сказал ему об одеялах.

— Н-да! Поймали на слове, хитрецы, — рассмеялся он. И вскоре наша батарея получила новые одеяла...

Район расквартирования 5-й Кубанской кавалерийской бригады резко отличался от живописных окрестностей Сретенска. Голая степь. В радиусе двадцати — тридцати километров — ни жилья, ни леса. Степные грызуны — тарбаганы заносили чуму из Китая, и поэтому на станции Даурия постоянно стояли два противочумных отряда. Опасность заражения чумой вынуждала к строгому ограничению полевых занятий вблизи Даурии. Да и рельеф местности в этом районе был приемлем лишь для обучения конницы. Артиллеристы же основные свои учения с боевой стрельбой проводили на Читинском полигоне. Только в 1929 году, когда участились провокации чанкайшистов на советско-китайской границе, мы неотлучно находились в Даурии.

Военный конфликт на Дальнем Востоке назревал не один день.

После смерти великого китайского революционера-демократа Сунь Ят-сена власть в стране в результате контрреволюционного переворота захватил реакционный генерал Чан Кай-ши, который не скрывал своих милитаристских устремлений и враждебного отношения к СССР. Этим и воспользовались империалистические круги США, Англии, Франции и Японии, щедро снабдившие Чан Кай-ши оружием и боеприпасами. К китайским милитаристам не замедлили присоединиться русские белогвардейцы, проживавшие в Маньчжурии. В мае 1929 года подверглось бандитскому налету советское генеральное консульство в Харбине. Затем главным объектом провокаций стала Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), построенная Россией к началу XX века по договору с Китаем. В июле чанкайшисты и белогвардейцы осуществили вероломное нападение на управление КВЖД, разгромили профсоюз-

ные и культурные организации советских рабочих и служащих по всей железной дороге. Более двух тысяч наших граждан было избито, сотни брошены в тюрьмы. Несколько вооруженных банд перешли в ряде мест советскую границу, атаковали погранзаставы и приграничные населенные пункты.

В ответ на протесты Советского правительства Чан Кай-ши двинул в Северную Маньчжурию свою Мукденскую армию. Это уже свидетельствовало о перерастании вооруженных провокаций в очевидную агрессию против СССР. Маньчжурия превращалась в плацдарм для вторжения иностранных завоевателей и последышей российской контрреволюции на территорию советского Приморья и в Забайкалье.

Исчерпав все средства мирного урегулирования конфликтной ситуации, Советское правительство приняло ряд мер для отпора агрессорам. Приказом Наркома по военным и морским делам К. Е. Ворошилова войска Сибирского военного округа, расположенные к востоку от Иркутска, преобразовались в Особую Дальневосточную армию. Командующим этой армией был назначен Василий Константинович Блюхер, прославленный герой гражданской войны, известный на Дальнем Востоке своими блестящими действиями против Колчака и японских интервентов. Позже (с 1924 по 1927 год) В. К. Блюхер возглавлял группу советских военных советников при Сунь Ят-сене и, конечно, хорошо знал боевые возможности китайской армии.

Удачно был подобран и начальник штаба ОДВА. На этот пост получил назначение Альберт Янович Лапин (Лапиньш). Во времена Дальневосточной республики он командовал войсками Приморского военного округа, вместе с В. К. Блюхером работал в Китае.

К руководству корпусами и дивизиями тоже привлекались люди с боевым опытом, знающие дальневосточную специфику, такие, как С. С. Вострецов (награжденный четырьмя орденами Красного Знамени), И. А. Опуфриев, К. К. Пашковский. Да и сами названия соединений, составлявших основу ОДВА, говорили о многом: 2-я Приамурская дважды Краснознаменная, 35-я Сибирская и 26-я Златоустовская Краснознаменные дивизии...

К началу сентября 1929 года Особая Дальневосточная армия завершила развертывание своих сил. Войска

были разделены на две оперативные группы: Приморскую и Забайкальскую. Приморская группа сосредоточивалась на никольско-уссурийском направлении. Забайкальская выдвигалась на чжалайнор-маньчжурское направление.

Боевые действия начала Приморская группа войск, нанеся ответный удар по сунгарийско-фукдинской и мишаньфунской группировкам врага. Чанкайшисты потерпели здесь первое тяжелое поражение.

5-я Отдельная Кубанская кавалерийская бригада, включенная в состав Забайкальской группы, сосредоточилась в поселке Абагайтуевский. К нам приехал член Реввоенсовета СССР — начальник Политического управления РККА А. С. Бубнов. Выступая перед командным составом бригады, он обратил наше внимание на то, что Советское правительство сделало все, чтобы предотвратить вооруженный конфликт на Дальнем Востоке, однако китайские милитаристы и их союзники белогвардейцы наглеют с каждым днем. Мы и сами это чувствовали, своими глазами видели, как они обстреливали советские пограничные села, убивали мирных жителей, уничтожали скот, срывали уборку урожая.

Терроризированные частыми огневыми налетами, жители станицы Олочинская обратились с письмом к Председателю ЦИК СССР М. И. Калинину, требуя защиты и возмездия. В качестве меры возмездия и был предпринят удар по китайской крепости Шивей (Шивейсян). Наносился он 73-м кавалерийским полком при поддержке моей батареи.

Стояла поздняя дождливая осень. Нам пришлось совершить изнурительный марш по затопленной долине Аргуни. Люди и лошади выбивались из сил. Отсырели дистанционные трубки шрапнелей; по прибытии в станицу Олочинская мы вынуждены были спешно менять в них порох.

Для огневых позиций батареи я облюбовал заросшую гаоляном высотку, чуть правее станицы. Правда, надо было приложить немалые усилия, чтобы затянуть туда пушки. Зато крепость противника была как на ладони. Она представляла собой четырехэтажное сооружение, увенчанное наблюдательной вышкой. На каждом из этажей виднелись пулеметные амбразуры. Обнаружили мы и бомбометную батарею.

— Велик ли гарнизон крепости? — спросил я начальника нашей погранзаставы.

— В недалеком прошлом не превышал взвода, но в последние дни увеличился, наверное, до батальона: в крепость проследовало несколько конных и пеших отрядов.

— Где их лошади?

— Вероятно, во дворе.

С наступлением темноты орудийные расчеты собственными руками стали вкатывать пушки на высоту. Всю ночь на руках же подносили боеприпасы. Перед рассветом батарея была готова к открытию огня. И тут появился командир бригады.

— Молодцы! — похвалил он. — Хорошо устроились.

Из крепости, очевидно, заметили передвижение наших конников и обстреляли Олочинскую из пулеметов.

— Ну что же, товарищ Хетагуров,— повернулся ко мне Рокоссовский, — пора и вам начинать.

Батареи ударили по амбразурам крепости, затем по наблюдательной вышке. Били мы зажигательными снарядами, и после первых же залпов над крепостью возникло зарево пожара.

— С пламенным приветом! — шутили батарейцы.

А я продолжал подавать команды:

— Первому и второму орудиям — по бомбометам, третьему и четвертому — шрапнелью по двору!

В крепости началась паника. Уцелевшие чанкайшисты выскакивали из нее, пытались спастись бегством. По два эскадрона 73-го кавполка уже переправлялись вплавь через холодную и бурную Аргунь...

В разгромленной крепости было подобрано 77 трупов, захвачено 62 раненых, и только пять человек попали в плен невредимыми. В числе наших трофеев оказались 2 орудия, 6 бомбометов, 10 пулеметов, 300 винтовок, более 1000 мин, 720 артснарядов, 20 ящиков ручных гранат, 120 ящиков винтовочных патронов, значительные запасы муки, пшена, риса. Оружие мы передали пограничникам, продовольствие — населению Олочинской. А крепость взорвали.

Рокоссовский поблагодарил всех участников этого боя за успешное выполнение поставленной задачи, особо отметив заслуги артиллеристов. От него пошло и название высоты, на которой располагались наши огневые позиции: с тех пор она именуется Батарейной.

Но нас уже поджидало более сложное боевое дело. За поражение под Фукдином и Мишаньфу китайские милитаристы явно стремились взять реванш в Забайкалье, и вся наша Забайкальская группа войск под командованием комкора С. С. Вострецова была наготове. Группу эту составляли: три стрелковые дивизии (21-я Пермская имени С. С. Каменева, 35-я Сибирская и 36-я Забайкальская Краснознаменные), 5-я Отдельная Кубанская кавалерийская бригада, Отдельный Бурят-Монгольский кавалерийский дивизион, два бронепоезда, бронедивизион и Читинский авиаотряд. Суммарно тут имелось: чуть более шести тысяч штыков и 1600 сабель, 88 орудий разных калибров, 330 станковых и 166 легких пулеметов, 9 танков, 32 самолета.

Противник же к началу ноября сосредоточил на чжалайнор-маньчжурском направлении шесть пехотных бригад, кавдивизию, два бронепоезда, саперные и другие технические подразделения, а также несколько отрядов, сформированных из русских белогвардейцев. В целом эта группировка насчитывала 28 450 штыков и сабель, 96 пулеметов, 96 бомбометов, 42 орудия, 2 бронепоезда и 5 самолетов.

Из приведенных данных видно, что китайская сторона имела большое численное превосходство в живой силе, но уступала нам в техническом оснащении. Командующий войсками противника на чжалайнор-маньчжурском направлении генерал-лейтенант Лян Чжу-цзян хвастал: «Я не сомневаюсь в том, что мы разобьем Красную Армию и дойдем до Читы». А действовавший под его эгидой агитационно-пропагандистский отряд многочисленные свои листовки с призывом к «уничтожению СССР» дополнял географической картой, на которой советское Приморье, Приамурье и Забайкалье, так сказать, авансом были включены в границы Китая.

Дальнейшее промедление с нашей стороны становилось опасным, и Реввоенсовет Особой Дальневосточной армии принял решение об упреждении удара противника. Замысел Чжалайнор-Маньчжурской операции, спланированной под руководством В. К. Блюхера, сводился к следующему: надежно прикрывая главными силами Читу, предпринять глубокий обходный маневр, прорваться севернее города Маньчжурия к городу Чжалай-

нор, рассечь таким образом группировку противника и уничтожить ее по частям.

В состав обходящей подгруппы включались: 35-я Сибирская Краснознаменная стрелковая дивизия, 5-я Отдельная Кубанская кавалерийская бригада и Отдельный Бурят-Монгольский кавалерийский дивизион.

Операция началась 17 ноября 1929 года. Под покровом ночи наша бригада вышла из станицы Абагайтуевская и двинулась вдоль восточного берега Аргуни, в тыл чжалайнорской группировке противника. Стоял крепкий мороз. Дул сильный встречный ветер. Даже полушубки не согревали людей.

Километрах в семи от Абагайтуевской был объявлен короткий привал. Последовало распоряжение обмотать кошмой копыта лошадей и колеса орудий, зарядных ящиков, повозок, чтобы бесшумно переправиться по льду через Аргунь.

Лед был еще очень тонок: нет-нет да пробьет его лошадь копытом или продавит колесо орудия. И все-таки к рассвету мы оказались на китайской территории, а еще через несколько часов передовые эскадроны и моя батарея вышли к железной дороге Чжалайнор — Харбин.

Специально выделенный полуэскадрон конников уже рвал телеграфные и телефонные провода, когда со стороны Чжалайнора появился курьерский поезд. И тут же я увидел рядом с собой, верхом на коне, комбрига К. К. Рокоссовского.

— Товарищ Хетагуров, надо остановить поезд. Только не стреляйте по вагонам, — приказал он.

Я развернул батарею и открыл огонь по насыпи железной дороги. Прогремел первый залп. Небольшой перелет. При втором залпе — прямое попадание. Паровоз прополз еще несколько метров по развороченным шпалам и остановился, сдерживая налезавший на него почтовый вагон. Из других вагонов высыпали китайские солдаты и офицеры. Беспорядочно стреляя, они бросились в разные стороны. Их атаковали сабельные эскадроны, которые затем моментально окружили весь железнодорожный состав. В числе сдавшихся в плен оказался и генерал, судорожно прижимавший к груди пухлый портфель. Генерала привели к Рокоссовскому. Из портфеля пленного были извлечены важные документы, раскрывавшие авантюристиче-

ские планы китайских милитаристов по захвату советского Забайкалья...

Перевалив через железную дорогу, части 5-й Кубанской кавбригады вышли на тылы 17-й пехотной бригады противника, оборонявшей Чжалайнорский узел сопротивления. Начались контратаки. Одновременно открыла сильный огонь вражеская артиллерия.

Пока наш 73-й кавполк отражал контратаку китайской пехоты, на фланге его развернулись крупные силы неприятельской конницы.

— Хетагуров, выручай! — крикнул мне командир полка Макар Якимов.

Батарея ударила по китайской коннице картечью и буквально скосила тех, кто мчался впереди. Остальные некоторое время еще продолжали движение и тоже «отведали» нашей картечи. Возникшим у противника замешательством не замедлил воспользоваться 73-й кавполк: он довершил бой лихим сабельным ударом. Враг оставил на поле боя до двухсот убитых и раненых. Из уцелевших китайских конников тридцать девять человек сдались в плен.

Гораздо драматичнее развивались события на участке 75-го кавполка, действовавшего против белогвардейской конницы. Мне до того никогда не приходилось видеть такой яростной рубки. Велики были потери белогвардейцев, но и 75-й кавполк потерял при этом свыше семидесяти человек, в том числе лучшего командира эскадрона кавалера двух орденов Красного Знамени близкого моего друга Ф. И. Пилипенко. Он был тяжело ранен разрывной пулей и скончался на операционном столе.

Были потери и в нашей батарее, которая помогала 75-му кавполку: четверо ездовых получили ранения, из строя выбыли двадцать лошадей.

Только к вечеру 5-я Кубанская кавбригада вместе с подошедшими частями 36-й Забайкальской стрелковой дивизии овладела станцией Чжалайнор и прилегающим к ней железнодорожным поселком. Главные силы бригады заняли рубеж Фазан, Нос, Кривая, выдвинув заслоны в направлении крепости Любенсянь.

А тем временем 36-я стрелковая дивизия вышла на южный участок Маньчжурского укрепленного района и соединилась там с 21-й Пермской Краснознаменной стрелковой дивизией, блокировавшей этот же укрепрайон с за-

пада и юго-запада. Таким образом, в окружении наших войск оказалась вся чжалайнор-маньчжурская группировка противника. Ей были отрезаны все пути отхода.

Во избежание напрасного кровопролития комкор С. С. Вострецов предъявил окруженным ультиматум о безоговорочной капитуляции. Однако командующий китайскими войсками генерал Лян Чжу-цзян капитулировать отказался.

На следующий день бои вспыхнули с новой силой. Частью сил противник попытался прорваться из окружения в направлении села Нос, где располагался Бурят-Монгольский кавдивизион. Сюда же подошла и наша батарея. Развернувшись, она дала четыре залпа шрапнелью. Китайцы бросились врассыпную, часть из них залегла.

В этом бою отличился командир Бурят-Монгольского кавдивизиона Бусыгин: несмотря на 30-градусный мороз, он приказал своим конникам снять полушубки и повел их в атаку в одних гимнастерках.

— Что он делает? Заморозит же людей! — возмущался К. К. Рокоссовский, прибывший на мой наблюдательный пункт.

Потом Бусыгину пришлось оправдываться:

— Какая, товарищ комбриг, была бы рубка в полушубках? Мы же их из земли выковыривали клинками.

Константин Константинович не сдержал улыбки. Ему явно нравился этот ухарь-кавалерист. Дерзкая атака удалась: противник потерял до четырехсот человек убитыми и ранеными.

В ночь на 19 ноября чанкайшисты попытались прорваться из окружения еще более значительными силами. Но и эта их попытка была сорвана. Советские войска умело использовали свое огневое превосходство.

Утром многочисленные отряды китайской конницы и пехоты в третий раз хлынули из города Маньчжурия на юг. Они шли напролом, не считаясь с потерями. Ровное, как стол, поле покрылось вражескими трупами. И противник опять был повернут вспять. На его плечах 5-я Кубанская кавбригада, части 35-й и 36-й стрелковых дивизий ворвались на городские окраины. Но генерал Лян продолжал хитрить: уклоняясь от немедленной капитуляции, он ссылался на то, что ему трудно за короткий срок собрать разбежавшихся солдат.

С. С. Вострецов проявил твердость: чанкайшистам было объявлено, что через два часа последует приказ об обстреле города артиллерией. Лишь после этого они сложили оружие. Сдался в плен со своим штабом и генерал Лян Чжу-цзян, мечтавший дойти до Читы.

Завершив таким образом Чжалайнор-Маньчжурскую операцию, войска Забайкальской группы разделились на два оперативных отряда. Один из них, в составе усиленной 36-й стрелковой дивизии, двинулся на Хайлар и вышел к этому важному стратегическому пункту через четырнадцать часов, преодолев расстояние 150 километров. Хайларский гарнизон, не приняв боя, поспешно покинул город и бежал за перевалы через Большой Хинган.

Второму оперативному отряду, составленному из 5-й Кубанской кавбригады и Бурят-Монгольского кавдивизиона, предстояло преследовать белогвардейскую конницу, отходившую к монгольской границе. Бои проходили в условиях суровой зимы, в отрыве от баз снабжения. Лошади были изнурены настолько, что ни наши кавалеристы, ни белогвардейцы не могли уже ходить в конные атаки. При сближении решающую роль играла артиллерия. Благо, у нас хорошо был налажен подвоз боеприпасов. И все же окончательно добить белогвардейцев не удалось. Часть их сил проскользнула в Монголию, где и была интернирована.

В конце декабря мы вернулись в город Маньчжурия. Китайское правительство вынуждено было пойти на мирные переговоры. 20 декабря полномочные представители Советского Союза и Китая подписали соглашение о ликвидации вооруженного конфликта на КВЖД. Права нашей страны на пользование этой дорогой восстанавливались. Около трех тысяч советских граждан было освобождено из Сумбейского концлагеря.

За боевые успехи ЦИК СССР наградил орденом Красного Знамени Особую Дальневосточную армию, пограничную охрану Дальневосточного края и Амурскую военную флотилию. Высоких правительственных наград были удостоены многие бойцы, командиры и политработники. Я тоже был награжден орденом Красного Знамени.

Сразу же после подписания соглашения войска Забайкальской группы возвратились в районы постоянной своей дислокации. Только 5-я Отдельная Кубанская кавалерийская бригада оставалась в Чжалайноре до возобнов-

ления движения на КВЖД, то есть до 10 января 1930 года.

За этот непродолжительный срок китайские трудящиеся успели убедиться, что советские военнослужащие совсем не таковы, какими изображала их чанкайшистская пропаганда. В последний день нашего пребывания в Чжалайноре к Рокоссовскому пришла делегация с красным знаменем и таким приветственным адресом:

«Мы, рабочие Чжалайнорских копей в составе 400 человек, выражаем свою признательность частям Красной Армии за их хорошее, заботливое к нам отношение. За все время нахождения в Чжалайноре частей Красной Армии не было ни одного случая мародерства или грубого отношения к нам красноармейцев. В знак своей признательности и благодарности преподносим вам, красным кубанцам, знамя и сей адрес».

Обратный марш в Даурию не отличался легкостью. Стояла очень холодная и ветреная зима. Колючий снег бил в лицо. Но настроение у нас было праздничным. Мы возвращались на Родину победителями.

Даурия встретила нас торжественно. При въезде в военный городок возвышалась триумфальная арка. Повсюду флаги, радостные улыбки.

Вечером для участников похода был устроен праздничный ужин. Выступая здесь, наш комбриг К. К. Рокоссовский призвал всех глубоко осмыслить полученный боевой опыт и настойчиво совершенствовать свою выучку.

А через некоторое время к нам в Даурию прибыл В. К. Блюхер. Обходя в сопровождении К. К. Рокоссовского казармы бригады, он заглянул и в расположение моей батареи. Батарея была на занятиях. На месте находился лишь суточный наряд.

Вечером дежурный доложил мне о разговоре командарма ОКДВА с комбригом.

— Это та самая батарея, которая учинила разгром крепости Шивейсян? — спросил В. К. Блюхер.

— Она, — ответил Рокоссовский.

— Я наблюдал ее действия под Чжалайнором, — сказал командарм. — Хорошо бы на очередных учениях разыграть чжалайнорский эпизод...

Не успел я дослушать дежурного, как меня вызвал командир артдивизиона И. П. Камера.

— Послезавтра учения, — объявил Иван Павлович. — Садись и слушай задачу. На фронте двести метров будет выставлено сто мишеней, каждая полтора метра в высоту и метр в ширину. Тебе следует на галопе выдвинуть батарею к рубежу, обозначенному флажками, быстро развернуть орудия и дать по мишеням залп картечью. Результаты проверит сам командарм...

Все было сделано, как приказывал И. П. Камера. В стороне, на высотке, я увидел В. К. Блюхера и К. К. Рокоссовского. После нашего залпа они верхом направились к мишеням. Артиллеристы мои заволновались. Я — тоже. Но напрасно: поражение мишеней оказалось стопроцентным.

— Да, — удовлетворенно сказал командарм. — Под картечь этой батареи попадать нельзя. Думаю, — продолжал он, обращаясь к Рокоссовскому, — мы поступим правильно, если пошлем товарища Хетагурова в Новочеркасск, на курсы усовершенствования командного состава. Пускай там поделится своим опытом.

Откровенно говоря, ехать в Новочеркасск не хотелось. «Зачем, — думал я, — мне, артиллеристу, кавалерийские курсы?»

Сказал об этом И. П. Камере.

— Чудак человек! — удивился Иван Павлович. — Слышал такую поговорку: «Ученье — свет, а неученье — тьма»?.. И потом, это же решение командарма. Он лучше знает, кому из нас что нужно...

Вместе со мной па те же курсы уезжали два командира сабельных эскадронов — Зотов и Поцелуев. Перед отъездом мы побывали у К. К. Рокоссовского. Он по-отечески напутствовал нас:

— Учитесь прилежно. Помните, курсы эти находятся под опекой нашего выдающегося кавалерийского начальника Семена Михайловича Буденного.

Ушли мы от Рокоссовского в хорошем настроении и постарались выполнить его наказ: учились не за страх, а за совесть. На курсах я основательно пополнил свои знания по общей тактике, овладел верховой ездой не хуже заправского кавалериста. Все это потом пригодилось.

В июне 1931 года вернулся в Даурию, но уже на должность командира учебной батареи.

— Подучился сам, теперь подучи других, — рассудил И. П. Камера.

Однако учебной батареей командовал я всего полгода. В декабре был получен приказ о назначении меня командиром 3-го дивизиона 2-го артиллерийского полка 2-й Приамурской дважды Краснознаменной стрелковой дивизии. Назначение это радовало. И не только потому, что меня повышали в должности, но еще и потому, что служить мне предстояло в большом городе — Благовещенске.

Артполком командовал Н. К. Иванов, а дивизией — И. В. Боряев. О них я был наслышан. Особенно о Боряеве — герое штурма Перекопа, сподвижнике В. К. Блюхера. Оба они прославились при разгроме Врангеля. Уже тогда Боряев возглавлял 132-ю бригаду, входившую в состав легендарной 51-й стрелковой дивизии.

На новом месте службы судьба опять свела меня с Сашей Брешковым — он был заместителем у Иванова. Встретившись в штабе артполка, мы обнялись по-приятельски и долго трясли друг другу руки.

— Ты где остановился? — спросил Брешков.

— Пока нигде. Чемодан стоит у дежурного по штабу.

— Вот и хорошо! Будешь жить у меня. Есть свободная комнатенка.

Свидетель нашей встречи Н. К. Иванов как-то загадочно улыбнулся при этом и, обращаясь ко мне, сказал:

— Надо готовить дивизион к длительному походу. Куда и когда поход — узнаете потом. А пока мастерите лыжи под колеса орудий и каждый день проводите лыжные тренировки личного состава.

Задача была для меня непривычной. Да и не только для меня. Подчиненные мне командиры тоже не обладали достаточным опытом в этом отношении. Но мы не унывали. В расписание занятий немедленно была включена ежедневная ходьба на лыжах по три часа. И уже 10 января 1932 года я доложил командиру полка, что дивизион в полном составе готов к походу.

Через два дня под наблюдением командования дивизии был проведен пробный марш на 40 километров. Испытание мы выдержали успешно. А утром последовало приказание грузиться в эшелон. Нас отправляли в Хабаровск, в распоряжение командира 4-го Волочаевского Краснознаменного стрелкового полка П. В. Романовского.

21 января мы были на месте. Меня тут же вызвал ко-

миссар полка Русипов и очень подробно рассказал о новых осложнениях обстановки на Дальнем Востоке. Теперь угроза исходила от японских империалистов. Стало известно, что они стремятся проникнуть на наше Тихоокеанское побережье, где раньше имели прибыльные концессии, аннулированные Советским правительством после Октябрьской революции. Японцы могли появиться там, как только бухты очистятся от льда. Поэтому командование Особой Краснознаменной Дальневосточной армии решило заблаговременно усилить береговую оборону. В частности, 4-й Волочаевский полк и наш артдивизион намечалось вывести к бухте Де-Кастри.

— Вам, — сказал комиссар, — предстоит совершить восьмисоткилометровый переход по Амуру и через дальневосточную тайгу. Кроме материальной части вы должны еще взять с собой достаточное количество боеприпасов, продовольствие, палатки для жилья, строительный инструмент. А синоптики сулят метели и сорокаградусный мороз.

Да, дело предстояло нелегкое.

В поход мы выступили 23 января 1932 года. Впереди шел 1-й батальон волочаевцев, прокладывая путь по снежной целине и через торосистые льды Амура. За ним продвигались остальные подразделения полка и наш артиллерийский дивизион. В дальнейшем стрелковые батальоны поочередно менялись местами: в голову колонны выходили то 2-й, то 3-й, то опять 1-й.

Разгулялась метель. Ветер выл на все голоса и швырял в лицо снег, словно хотел остановить нас.

Заночевали мы в селах Анастасьевка и Вятское. Дальше простирались, по существу, необжитые места. Чтобы достигнуть следующей деревни, нам потребовалось четверо суток. Все это время бушевала свирепая метель. Шинели покрылись ледяным панцирем. Особенно доставалось обладателям усов. Многие сочли за благо расстаться с этим «украшением».

Изредка попадались стойбища гольдов и нанайцев. Издавна эти народности занимались охотой на пушного зверя, ловлей рыбы и заготовкой оленьих пантов. Поначалу они думали, что мы тоже прибыли охотиться на белок, соболей, оленей, и заметно обеспокоились. Но потом, когда выяснилось, кто мы такие и зачем появились здесь, беспокойство сменилось радушием.

К утру 22 февраля наша колонна достигла села Мариинское. Командиров батальонов и меня пригласили к командиру полка П. В. Романовскому. Он сообщил, что завтра будем в бухте Де-Кастри, и приказал выделить командиров для рекогносцировки мест расквартирования. С рекогносцировочной группой ушел вперед начальник штаба полка Герасимов.

Вслед за ним мы перешли по льду большое озеро Кизи. Потом развернулись на юго-восток и углубились в дремучую тайгу. Шли таежными тропами, занесенными снегом. Трудно было всем, а артиллеристам в особенности. Лошади наши выбились из сил, поэтому на крутых подъемах, а также на спусках к орудиям и зарядным ящикам привязывали веревки — бойцы помогали лошадям.

В тайге было мрачно, зато тепло — она спасала нас от пронизывающих ветров.

Наконец показалась втиснутая между двух скал бухта Де-Кастри. На радостях бойцы закричали «ура!». Это произошло в день 14-й годовщины Красной Армии. Мы пришли к празднику с победой, успешно завершив свой изнурительный марш, длившийся ровно месяц. При этом среди нас не оказалось ни больных, ни обмороженных. Сохранили мы в полном порядке и наше оружие, и конский состав.

Командующий ОКДВА В. К. Блюхер объявил благодарность всем участникам похода. Многие командиры были награждены. Меня, в частности, наградили отличной строевой лошадью с седлом.

Теперь нам предстояло обжиться в этой глухомани. Всерьез и надолго. Возле бухты Де-Кастри был тогда лишь небольшой рыбачий поселок с сельсоветом да еще деревенька в пятнадцать домиков.

В деревеньке разместился штаб полка. Батальонам же и нашему артдивизиону надо было самим выстроить для себя жилье.

Под строительство артиллерийского городка отвели место в семи километрах от Де-Кастри. Авансом назвали этот будущий городок Новой Волочаевкой. Прежде всего мы поставили там палатки и соорудили коновязи, обваловав их снегом и утеплив еловым лапником. Зазвенели пилы, заработали топоры — началось строительство казармы, конюшни, артиллерийских парков, столовой, медчасти, складов и магазина. Работа кипела от зари до зари.

Забот прибавилось, когда комбрига Романовского назначили комендантом Де-Кастринского укрепленного района, а меня по совместительству — начальником артиллерии того же еще не существующего УРа.

Одной из главных моих обязанностей являлось оборудование артиллерийских позиций. Вместе с П. В. Романовским я вел тщательную рекогносцировку прибрежной полосы с учетом приливов и отливов.

Ранней весной, с открытием навигации по Амуру и морю, ожидалось прибытие парохода «Тобольск» в сопровождении ледокола «Добрыня Никитич». Они должны были доставить нам материальную часть для береговых батарей. Однако слабый ледокол не смог пробиться сквозь льды и вместе с «Тобольском» застрял в бухте Ольга. Лишь после того как сильный шторм унес льды в море, суда вошли в нашу бухту.

Вторым эшелоном следовали инженеры, техники и строительные рабочие, которым предстояло возводить оборонительные сооружения. В основном это были ленинградцы. Для них в Де-Кастри уже строился двухэтажный дом. Ленинградцы прибыли в июне. В их числе была и энергичная, жизнерадостная девушка Валя Зарубина, дочь рабочего Путиловского завода.

С Валей я познакомился в управлении начальника работ Де-Кастринского укрепленного района. Она была чертежницей, возглавляла комсомольскую организацию. Валя очень понравилась мне. У нас завязалась дружба, со временем перешедшая в любовь. Я предложил Вале, как говаривали в старину, руку и сердце. Она рассмеялась, а потом уже серьезно сказала: «Не за этим я сюда приехала...»

Валентина принадлежала к тому славному поколению советской молодежи, которое строило Магнитку и Днепрогэс, Комсомольск-на-Амуре, первые наши тракторные и судостроительные заводы. Охваченные трудовым энтузиазмом, эти юноши и девушки все личное считали второстепенным.

Отказ Валентины огорчил меня. Впрочем, время для женитьбы было, пожалуй, и в самом деле не очень подходящим. Обстановка на Дальнем Востоке продолжала накаляться. Захватив северо-восточные провинции Китая, японские империалисты создали там полностью зависимое от них марионеточное государство Маньчжоу-Го и стали

подбираться к КВЖД. Вновь на этой железной дороге начались провокации, аресты советских граждан, захваты их имущества. Было уже несколько случаев вторжения японских военных кораблей в наши территориальные воды, а японские самолеты проникали в наше воздушное пространство. Все это обязывало каждого из нас особенно бдительно нести службу.

В начале 1933 года на должность начальника политотдела укрепрайона прибыл полковник С. В. Руднев — тот самый Руднев, который в годы Великой Отечественной войны стал комиссаром знаменитого партизанского соединения С. А. Ковпака и был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. У нас он уделял много внимания повышению боеготовности укрепрайона.

В первый же день полковник Руднев заглянул к нам, артиллеристам.

— Ну как вы тут поживаете? Не жалуетесь?

— Жалуемся! — ответил я за всех. — Вон смотрите: артиллерийские парки покрыты брезентом, а конюшни — дерном и еловыми ветками. Давно ждем лесопилку, а ее нет. Для распиловки бревен на доски используем ручные пилы, а много ли ими напилишь?

— Вижу, без лесопильного завода не обойтись, — согласился Руднев. — Постараюсь помочь.

И помог. У него слова никогда не расходились с делом.

В дальнейшем я встречался с Рудневым почти каждый день и проникся к нему еще большим уважением, когда узнал его поближе. Он участвовал в штурме Зимнего дворца, сражался против деникинцев и врангелевцев, после гражданской войны стал комиссаром зенитно-артиллерийского полка, в 1929 году успешно закончил Военно-политическую академию имени В. И. Ленина. Это был неутомимый, многоопытный, идейно закаленный коммунист и очень симпатичный человек. За короткий срок наш начальник политотдела завоевал высокий авторитет не только среди личного состава укрепрайона, но и у местных жителей — нанайцев и гольдов.

Руднев часто выступал с лекциями и докладами. На его лекциях я узнал немало интересного из истории борьбы за власть Советов в низовьях Амура. В 1920—1921 годах здесь появился с отрядом анархистов некий Тряпицын. Он захватил Николаевский уезд и в течение трех месяцев чинил расправы над мирными жителями, истреб-

ляя не только русских коммунистов, но и японцев, работавших на лесных и рыболовных концессиях. Японские милитаристы воспользовались этим и под предлогом защиты своих подданных высадили экспедиционный корпус, овладели Приморьем, Николаевском-на-Амуре и Северным Сахалином с его нефтяными богатствами, каменноугольными и рыболовными промыслами. Они захватили и бухту Де-Кастри, рубили тайгу и сплавляли по реке Сомон ценные породы леса, вывозили в Японию пробковое дерево и пушнину. Много пришлось приложить усилий, чтобы японские захватчики убрались восвояси...

Большую заботу проявлял С. В. Руднев о быте красноармейцев. Зимой 1933 года нас особенно стала мучить цинга. У людей кровоточили десны, выпадали зубы. Семен Васильевич забил тревогу. Медицинский отдел ОКДВА рекомендовал поить личный состав три раза в день отваром рубленой сосновой хвои и сушеной черной смородины. А с наступлением весны в тайгу было направлено десять поисковых групп за дикорастущим зеленым луком, черемшой и брусникой. И цинга была побеждена.

Постепенно наша жизнь и служба в Де-Кастри входила в нормальное русло. На скалистом берегу, атакуемом ветрами и морскими волнами, в сопках и девственной тайге силами бойцов, командиров и политработников был создан один из форпостов нашей Родины на Дальнем Востоке.

Валя Зарубина все же стала Валентиной Хетагуровой. С этим именем позднее было связано одно из замечательных патриотических движений девушек нашей страны, и мне хочется рассказать, как это было.

Все началось с того, что группа женщин нашей части активно стала помогать нам, командирам, в очень трудной работе по налаживанию быта и питания бойцов, по созданию уюта в казармах, по организации самодеятельности.

В красноармейской столовой появились на столах цветы, на окнах казарм — белоснежные занавески, на тумбочках возле кроватей — салфетки, куда более нарядные, чем те, которыми так гордился старшина моей батареи в Даурии. Уютнее стало в ленинских комнатах, в библиотеке, значительно пополнившейся книгами из наших домаш-

них библиотечек. Душою всех этих начинаний были Валентина и ленинградская коммунистка Тоня Горбунова, жена недавно назначенного командира батареи.

Прихожу однажды со службы и застаю дома всех женщин нашей части за стиркой красноармейского белья. Одни носят и кипятят воду, другие стирают, третьи развешивают выстиранное.

— В чем дело? — спрашиваю жену.

— Это тебе как командиру — в назидание, — отвечает она. — Надо скорей заканчивать строительство прачечной. — И добавляет под смех подруг: — Пока нет прачечной, придется тебе пожить в штабе, а стирать мы будем здесь...

Выстирали женщины в тот раз больше двенадцати тысяч пар белья, да еще все перечинили и перегладили.

Весной жены командиров принялись за организацию субботников: заставили всех заниматься уборкой городка, разбивкой клумб, посадкой цветов и овощей на южных склонах сопок. По вечерам в гарнизонном клубе работали женские кружки ПВХО, ГСО, «Ворошиловский стрелок», радисток, телеграфисток. Руководить кружком конного спорта женщины доверили мне. Даже сейчас приятно вспомнить, что наиболее лихой наездницей оказалась моя Валентина. Не раз она выходила победительницей на конно-спортивных состязаниях, проводившихся среди мужчин.

Комиссар Семен Васильевич Руднев позаботился о том, чтобы опыт работы женщин получил широкое распространение не только в частях нашего гарнизона, но и во всей Особой Краснознаменной Дальневосточной армии. О нем узнали В. К. Блюхер и начальник политуправления ОКДВА Н. Е. Доненко. Дважды посетил нас начальник Политуправления РККА армейский комиссар первого ранга Ян Борисович Гамарник. Бывший дальневосточник, он высоко оценил добрую инициативу наших боевых подруг. Выступая на одном из совещаний, Гамарник подчеркнул, что заботливые женские руки особенно нужны здесь, в малообжитом крае, что без участия женщин невозможно освоить богатства Дальнего Востока. Ян Борисович говорил и о том, что в наших благодатных местах охотно остались бы на постоянное жительство и обзавелись семьями многие из тех, кто отслужил свой срок в войсках и на флоте.

Помню, как близко к сердцу восприняли эти слова жены командиров.

В декабре 1936 года Валентину избрали делегатом на Всеармейское совещание жен командно-начальствующего состава Красной Армии. Провожая ее в Москву, Семен Васильевич Руднев поручил непременно выступить на совещании и рассказать, как женщины помогают обживать тайгу, благоустраивать быт, организовывать досуг красноармейцев и как много еще женских рук требуется на Дальнем Востоке.

В Москву мы ехали вместе: я был избран делегатом на VIII Чрезвычайный съезд Советов.

Валя очень волновалась, но ей удалось выполнить поручение комиссара. С кремлевской трибуны прозвучал ее взволнованный голос.

В Москве Валентине был вручен орден Трудового Красного Знамени. Народный комиссар обороны СССР Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов наградил ее именными золотыми часами, а 5 февраля 1937 года в «Комсомольской правде» появилось письмо Валентины Хетагуровой девушкам Советского Союза:

Девушки! Сестры-комсомолки! К вам от имени молодых дальневосточниц обращаю свой призыв.

Далеко на востоке, в Приморской и Приамурской тайге, мы, женщины, вместе со своими мужьями и братьями перестраиваем замечательный край... У нас мало умелых рук. Каждый человек, каждый специалист на учете. И много еще нужно людей для того... чтобы освоить все богатства края для социализма... Но запомните, на Дальний Восток мы зовем только смелых, решительных, не боящихся трудностей людей...

Нам нужны слесари и токари, учительницы и чертежницы, машинистки и счетоводы, конторщицы и артистки. Все в равной степени. И вот мне хочется, чтоб вслед за нами, подругами боевых дальневосточных командиров, в наш край поехали тысячи отважных и смелых девушек. Я призываю вас, дорогие подруги, сестры-комсомолки, девушки нашей страны, помочь нам в большом и трудном деле... *

На этот призыв откликнулись десятки тысяч молодых советских патриоток. Со всех концов страны двинулись

* Письмо приведено в сокращенном виде. — *Прим. ред.*

на Дальний Восток эшелоны хетагуровок. Не остались в стороне от этого доброго дела и жительницы нашей столицы. В апреле 1937 года Москва проводила 400 девушек в город юности Комсомольск-на-Амуре.

Хетагуровок торжественно встречали в Хабаровске представители крайкома партии, крайисполкома, краевого комитета ВЛКСМ, политуправления ОКДВА и общественности города. Приветствуя девушек, Маршал Советского Союза В. К. Блюхер призвал их бодро встречать трудности и по-боевому, по-большевистски преодолевать их.

Движение девушек — энтузиасток освоения далекого таежного края росло и ширилось. Уже к осени 1937 года на Дальний Восток прибыли 11 500 комсомолок, в том числе 50 инженеров, 550 техников, 20 врачей, 400 медработников со средним специальным образованием, 140 агрономов, 300 зоотехников, 380 учителей, 800 культработников, 300 шоферов, 1100 токарей, слесарей и электромонтеров, 1100 счетных работников. Девушки направлялись в самые отдаленные уголки края, работали в школах, больницах, на корчевке тайги и валке леса, а также на рыболовецких промыслах. Повсюду на Дальнем Востоке звучали их звонкие голоса:

Нам приказ простой и точный
Наша Родина дала,
Чтобы край Дальневосточный
Стал твердыней Октября.

С хетагуровками навсегда связали свою судьбу и разделили с ними благородный труд по освоению дальневосточных богатств тысячи демобилизованных красноармейцев и приехавших на Дальний Восток юношей.

В том же 1937 году Валентина Хетагурова была избрана депутатом Верховного Совета СССР первого созыва от трудящихся Комсомольского-на-Амуре избирательного округа...

С тех пор миновало почти сорок лет. И как же отрадно видеть, что юноши и девушки семидесятых годов так же трудолюбивы, самоотверженны, энергичны и неугомонны, как их предшественники. Видеть, что верно служат Родине умелые руки молодых, что ей, любимой Отчизне, отданы сердца и высокие помыслы наших детей и внуков...

НОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

В то время как Советский Союз наращивал темпы социалистического строительства, империалистические государства переживали тяжелейшую экономическую депрессию, которая до крайности обострила все их внутренние и внешние противоречия. Одним из уродливых порождений этих противоречий явились возникшие в некоторых странах фашистские режимы.

Первой на путь фашизма встала Италия. В январе 1933 года фашистская диктатура победила в Германии. Жестоко расправившись с прогрессивными силами в этих двух странах, фашистские заправилы ринулись завоевывать мировое господство.

В 1935 году Италия напала на Эфиопию (Абиссинию). Через год итальянские и германские фашисты поддержали контрреволюционный мятеж генерала Франко в Испании. В том же году Германия заключила так называемый антикоминтерновский пакт с Японией. Потом к этому пакту присоединилась и фашистская Италия. Образовался агрессивный блок Рим — Берлин — Токио, провозгласивший главной своей целью «крестовый поход против коммунизма».

Советское государство вынуждено было принимать экстренные меры по дальнейшему укреплению своей обороноспособности: увеличить производство боевой техники и оружия, приступить к формированию новых воинских частей, в том числе артиллерийских.

В начале августа 1937 года меня назначили командиром заново сформированного 181-го артиллерийского полка резерва Главного Командования. Он дислоцировался в Хабаровске.

В Хабаровск уезжала и моя жена — ее избрали секретарем Дальневосточного крайкома ВЛКСМ.

Жаль было расставаться с друзьями из Де-Кастри. За шесть без малого лет нелегкой службы мы сблизились со многими. Особенно близким и дорогим стал нам С. В. Руднев. На прощание Семен Васильевич обнял меня, пожелал успехов и выразил надежду, что мы еще встретимся. К сожалению, надежда эта не сбылась...

До сказочно красивого озера Кизи, обрамленного вековыми деревьями и буйными зарослями камыша, ехать пришлось в пролетке. Затем мы катером добрались до села Мариинское и там сели на пароход, следовавший по Амуру в Хабаровск.

Прибыв к месту назначения, я сразу направился в штаб ОКДВА, к начальнику артиллерии комдиву Леоновичу. От него и узнал впервые, что из себя представляет доверенный мне полк. В состав его входили четыре артиллерийских дивизиона по 12 орудий в каждом (из них два дивизиона имели на вооружении 122-миллиметровые пушки, а два других — 152-миллиметровые пушки-гаубицы). Кроме того, в полку были: дивизион артиллерийской инструментальной разведки (АИР), парковый дивизион, школа младших командиров и артиллерийские мастерские. Тягловую силу составляли 260 тракторов ЧТЗ-60 и 1000 лошадей.

— Справлюсь ли с такой махиной? — засомневался я.

— Должен справиться! — убежденно сказал начальник артиллерии.

В полку меня уже поджидали бывший его командир, назначенный недавно комендантом УРа, полковник Николай Митрофанович Пожарский и военком полка С. Г. Лесь. Оба они производили приятное впечатление: видно было, что хорошо сработались, даже сдружились и дело свое знают по-настоящему...

Летом день длинный. До вечера я успел побывать во всех дивизионах. В первую очередь познакомился с дивизионом АИР. До этого мне не приходилось видеть аировской аппаратуры. Командир дивизиона Н. И. Максимов показал ее и рассказал о принципах фотографической, топографической, звуковой разведки. Тогда же мы договорились, что он поучит меня своей специальности.

От Максимова направился в 1-й дивизион. По пути туда военком полка обстоятельно проинформировал меня

о командире этого дивизиона Иване Сергеевиче Жулине. Он охарактеризовал его в общем-то положительно, но считал Жулина недостаточно требовательным. Так оно и оказалось в действительности. Следствием этого являлись значительные недостатки в содержании тракторного парка и конского состава.

Вторым дивизионом командовал Шкуратович, но в тот раз я не застал его на месте. Встретил меня начальник штаба Николай Иосифович Осокин. Держался он с достоинством, доложил обо всем — лучше некуда. Чувствовалось, что это уже готовый командир дивизиона.

Третьим дивизионом командовал Д. Михельсон. Он показался мне несколько флегматичным, даже каким-то вялым. Однако в дальнейшем я убедился, что это энергичный и деятельный человек. Его дивизион отличался слаженностью, хорошей огневой выучкой, высоким уровнем воспитания личного состава.

Но первое место в полку держал все же 4-й дивизион, во главе которого стоял тогда Е. И. Лебедев, отлично подготовленный артиллерийский командир. У него мне понравилось все...

На следующее утро я побывал в полковой школе. Побеседовал с курсантами, осмотрел классы, ленинскую комнату. В общем и здесь было неплохо, хотя некоторое время школа оставалась без начальника — он уехал учиться в академию имени М. В. Фрунзе, а нового еще не назначили. Я тут же решил просить у командования ОКДВА на замещение этой вакансии И. П. Горбунова из Де-Кастри. Он командовал там учебным взводом младших командиров и давно проявил себя как хороший методист и умелый воспитатель.

Безотлагательно пришлось заняться планом боевой подготовки полка на ближайшее время.

Сижу однажды вместе с начальником штаба полковником А. И. Брюхановым за столом, устланным графиками и таблицами. Вдруг слышу, дежурный по штабу подает команду «Смирно!» и громко рапортует Маршалу Советского Союза.

— Блюхер! — догадался Брюханов. — О его приезде никогда не бывает предварительных уведомлений.

Я поспешил навстречу, представился. Василий Константинович измерил меня с головы до ног изучающим взглядом, спросил озабоченно:

— Ну, герой КВЖД, как тут чувствуешь себя? Как дела идут?

— В делах только еще разбираюсь, — откровенно признался я. — Для меня здесь много нового.

Маршал, видимо, уловил в моем ответе нотку неуверенности и постарался ободрить:

— Ничего, одолеете. На первых порах поможем. Показывайте-ка свое хозяйство...

При осмотре артиллерийских мастерских он поговорил с воспитанниками полка Гришей Черниковым, Колей Домоедовым и Витей Гуляевым. Поинтересовался, посещают ли они общеобразовательную школу и каковы успехи в учебе, как овладевают слесарным ремеслом. Спросил ребят, кем они хотят стать в будущем.

— Командирами Красной Армии, — в один голос ответили Черников и Домоедов.

А Гуляев, чуть помедлив, заявил:

— Буду летчиком.

— Молодцы! — похвалил всех троих Василий Константинович.

А они как завороженные уставились на его награды: два ордена Ленина, пять орденов Красного Знамени, орден Красной Звезды... Такое и теперь увидишь не часто у одного человека. А в то время В. К. Блюхер был единственным обладателем пяти орденов Красного Знамени.

Обедал маршал в красноармейской столовой. Остался доволен, похвалил поваров. Понравился ему и порядок в казармах.

Не успели проводить командующего — прибыл член Военного совета ОКДВА П. И. Мазепов. Он был из артиллеристов: долго служил комиссаром артполка, потом — военкомом артиллерийской школы имени П. П. Лебедева в Киеве. Не удивительно, что первым делом Петр Иванович направился смотреть нашу новую материальную часть. Долго ходил вокруг мощных пушек и гаубиц, покачивал головой, восхищался:

— Надо же, как далеко шагнула артиллерия!..

В сентябре меня вызвал Леонович.

— Готовьтесь к контрольным стрельбам на Красной речке, — приказал он. — Посмотрим, чего вы достигли за лето.

— Стрельбы групповые? — спросил я.

— Нет. Групповые нельзя: близко граница. От каждо-

го дивизиона будет стрелять одна батарея. По их результатам выведем оценку всему полку, — разъяснил начальник артиллерии.

Стрельбы прошли хорошо, и в качестве поощрения за это полку было предоставлено право участвовать в Октябрьском параде войск Хабаровского гарнизона. Это и обрадовало меня, и встревожило. Очень я опасался за наши тягачи, работавшие на керосине: не остановился бы какой-нибудь во время торжественного марша. Но они не подвели: работали исправно, только сильно дымили.

А в марте 1938 года меня направили в Ленинград на Высшие академические курсы усовершенствования командного состава при артиллерийской академии. С удовольствием слушал я там лекции по общей тактике, которые читал будущий Маршал Советского Союза, а тогда еще комбриг Л. А. Говоров. Много полезного дали мне также лекции М. Н. Чистякова, тогда тоже комбрига, впоследствии ставшего маршалом артиллерии.

К великому моему сожалению, закончить эти курсы мне не удалось. В связи с вооруженным конфликтом у озера Хасан меня срочно отозвали в полк.

Возвратился я в Хабаровск в самый разгар боев на Хасане. Прямо с вокзала отправился к Леоновичу. Он занимал в ту пору пост начальника артиллерии Дальневосточного фронта, развернувшегося на базе ОКДВА.

— Идемте, идемте к маршалу, — заторопил меня Леонович. — Маршал только что прибыл из района боев и спрашивал о вас.

Василий Константинович поздоровался со мной несколько холоднее обычного, в раздумье прошелся по кабинету и заговорил с Леоновичем:

— В район Хасана, по-моему, артиллерии стянуто достаточно. А вот биробиджанское направление вызывает у меня опасения. Там ведь тоже наблюдалось сосредоточение японских войск?

— Так точно, — подтвердил начальник артиллерии.

Маршал повернулся в мою сторону:

— Надо вам, товарищ Хетагуров, грузить полк в эшелоны и направляться в Биробиджан. Там свяжетесь с полковником Пожарским и от него получите дополнительные указания. Ясно?

— Все ясно, товарищ Маршал Советского Союза.

— Тогда действуйте. Товарищ Леонович позаботится,

чтобы к утру было подано потребное количество вагонов и платформ...

В Биробиджан я прибыл с первым нашим эшелоном. Н. М. Пожарского разыскивать не пришлось — он сам дожидался меня. Вместе мы выехали к границе. Николай Митрофанович показал мне, где полк должен занять позиции, откуда вероятнее всего противник может нанести удар. А под конец предупредил:

— Без команды огня не открывать.

— Даже если противник пойдет в наступление? — спросил я, удивленный таким предупреждением.

Пожарский рассмеялся:

— В таких случаях, Георгий Иванович, медлить не полагается.

Я тщательно осмотрел местность. Впереди простиралась чуть всхолмленная долина. За ней километрах в семи поднимались сопки, поросшие лесом. Там-то, по донесениям разведки, и скапливалась японская пехота с артиллерией.

В ночь на 11 августа наш полк в полном составе скрытно занял огневые позиции. А утром разведка донесла, что японские войска начали отход. Чем он был вызван, мы узнали позже: оказывается, противник потерпел жестокое поражение у озера Хасан и японское правительство запросило перемирия.

Несколько дней мы еще оставались в занятом нами позиционном районе, а затем поступило распоряжение провести на ближайшем полигоне учебные стрельбы и возвращаться в Хабаровск.

В октябре 1938 года Краснознаменный Дальневосточный фронт был расформирован. Вместо него создавались две самостоятельные армии: 1-я ОКДВА — со штабом в Ворошилове (ныне Уссурийск) и 2-я ОКДВА, штаб которой разместился в Хабаровске. 181-й артиллерийский полк вошел в состав 2-й Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии. В командование ею вступил комкор И. С. Конев.

Вскоре, однако, мне пришлось расстаться с моим полком — перевели на должность начальника артиллерии стрелкового корпуса. Командовал этим корпусом очень молодой тогда комдив М. М. Попов. Встретил он меня любезно и тотчас направил на полигон, сообщив, что там наши артиллерийские части и подразделения проверяет

комиссия из Москвы, возглавляемая самим начальником артиллерии Красной Армии комкором Н. Н. Вороновым. Нетрудно представить мое замешательство: никого из здешних артиллеристов я ведь еще и в глаза не видал.

Комиссия начала с проверки теоретической подготовки командного состава. Затем проводились учения с боевой стрельбой, последовательно стреляли: одна батарея от каждого дивизиона, дивизион от полка и, наконец, артиллерийская группа под моим руководством.

К счастью, все закончилось благополучно. Комиссия выставила нам в основном хорошие и отличные оценки, хотя председатель ее был чрезвычайно требователен, а порой, как мне казалось, даже не в меру придирчив.

Все-таки я воспользовался приездом в корпус заместителя Наркома обороны СССР — начальника Политуправления РККА армейского комиссара 1 ранга Л. З. Мехлиса и обратился к нему с просьбой вернуть меня в 181-й артиллерийский полк РГК.

— Вы странный человек, — удивился Мехлис. — Вас же назначили с большим повышением.

— Товарищ армейский комиссар! — взмолился я. — Не по силам мне должность начальника артиллерии корпуса. Я не успел еще приобрести опыта командования полком.

Мои доводы возымели действие. В тот же день Мехлис сам пригласил меня и объявил:

— Возвращайтесь в Хабаровск в свой полк...

181-м артиллерийским полком я командовал еще около года. За это время произошло много грозных событий. Войска фашистской Германии оккупировали Чехословакию. Японские захватчики вторглись на территорию Монгольской Народной Республики и были выбиты оттуда лишь с помощью Красной Армии. Жертвой немецко-фашистской агрессии стала Польша. Советский Союз вынужден был в связи с этим взять под свою защиту население Западной Белоруссии и Западной Украины. Чувствуя, что вслед за расправой с Польшей Гитлер может обрушиться на Францию и Англию, правительства этих двух стран объявили войну Германии. Началась вторая мировая война.

Как раз тогда меня назначили на должность начальника артиллерии 1-й Московской Пролетарской стрелковой дивизии. Как мне стало известно потом, сделано это было

по рекомендации генерал-полковника артиллерии Н. Н. Воронова.

В мае 1940 года дивизия вышла в летние лагеря и там была переформирована в 1-ю Московскую Пролетарскую мотострелковую. В состав ее входили теперь два мотострелковых полка, танковый и артиллерийский полки, а также зенитно-артиллерийский дивизион. На вооружение она получила первоклассную по тому времени технику. Здесь, в частности, испытывались новые образцы артиллерии и минометов.

Только мне-то в этой поистине образцовой дивизии довелось послужить относительно недолго. Весной 1941 года меня опять назначили начальником артиллерии корпуса. На этот раз — 21-го механизированного.

Весна и начало лета 1941 года выдались солнечными и погожими. На колхозных полях зрел богатый урожай. Все советские люди вдохновенно трудились над выполнением третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. И успехи были немалыми: в июне валовая продукция промышленности достигла 86 процентов уровня, намеченного планом третьей пятилетки.

В условиях растущей военной опасности партия и правительство все больше внимания уделяли развитию оборонной мощи страны, реконструкции старых и строительству новых военных заводов, увеличению производства наиболее совершенной боевой техники.

На основе технического перевооружения Красной Армии совершенствовалась и ее организационная структура. Упразднялся территориально-милиционный принцип комплектования частей и соединений, повсеместно вводилась кадровая система. Общая численность армии и флота достигла 4,2 миллиона человек, из которых 2,2 миллиона к началу войны находились в западных военных округах.

Был удвоен набор в военные академии. Число курсантов военных училищ возросло более чем в четыре раза. На партийно-политическую работу в Красную Армию Центральный Комитет партии направил около 4 тысяч коммунистов. А всего в Вооруженных Силах СССР перед войной насчитывалось свыше 560 тысяч членов и кандидатов партии.

Одним из важнейших государственных мероприятий

являлось создание мощных танковых и механизированных соединений, теория применения которых у нас была четко разработана еще в тридцатые годы. По новым штатам механизированный корпус должен был иметь две танковые и одну мотострелковую дивизии. В танковых дивизиях — по два танковых и одному мотострелковому полку. В мотострелковой — два мотострелковых полка и один танковый. Кроме того, каждая дивизия располагала артиллерийским полком, противотанковым и зенитно-артиллерийским дивизионами.

Наш 21-й механизированный корпус формировался в Московском военном округе. На укомплектование его был направлен, можно сказать, отборный личный состав, в основном из 1-й Московской Пролетарской мотострелковой дивизии и Особой кавалерийской бригады, тоже размещавшейся в Москве.

Командовать корпусом назначили бывшего командира Пролетарской дивизии Героя Советского Союза генерал-майора Д. Д. Лелюшенко, удостоенного этого высокого звания за боевые успехи на советско-финском фронте. Штаб корпуса возглавил полковник А. А. Асейчев — один из наиболее подготовленных танкистов того времени. 46-й танковой дивизией стал командовать Герой Советского Союза полковник В. А. Копцов, отлично проявивший себя в боях на Халхин-Голе. 42-ю танковую дивизию получил под командование полковник Н. И. Воейков, прошедший большую боевую школу на фронтах гражданской войны. Командиром 185-й мотострелковой дивизии назначили генерал-майора П. Л. Рудчука, бывшего буденновца, командовавшего кавбригадой в легендарной Первой Конной армии и награжденного за боевые подвиги двумя орденами Красного Знамени.

В общем, по-настоящему талантливых командиров у нас оказалось немало. И все мы вместе дружно принялись за работу, для многих совершенно новую. Мне, например, пришлось заново осваивать основы боевого применения танковых войск и взаимодействия их с артиллерией.

Находились мы уже не в Москве: корпус выдвинули поближе к западной границе, хотя укомплектование его до штатов новой материальной частью (танками) планировалось лишь к середине 1942 года.

С артиллерией дело обстояло получше. Артиллерийские полки в дивизиях имели на вооружении все, что им пола-

галось. Предметом нашей гордости были два дивизиона новых 37-миллиметровых полуавтоматических зенитных пушек. Только вот запас снарядов к ним ограничивался всего двумя боекомплектами.

Вскоре нам предложили получить вместо танков еще 95 орудий, в основном 76-миллиметрового калибра. Огневая мощь корпуса возрастала, появилась возможность усилить противотанковую артиллерию. Поделили эти пушки между двумя танковыми дивизиями и стали обучать стрельбе из них прямой наводкой экипажи, не имевшие танков. Впоследствии мы убедились, насколько своевременным и правильным было такое решение.

В середине июня генерал Лелюшенко решил в порядке командирской учебы провести рекогносцировку местности на двинском (даугавпилсском) направлении, наметить маршруты движения дивизий, возможные рубежи развертывания, определить, где наиболее выгодно разместить пункты управления.

Возвращались мы из Двинска в Идрицу несколько встревоженные. Уповать на имевшийся между СССР и Германией договор о ненападении не приходилось. Опыт войны в Европе убедительно свидетельствовал, что гитлеровцы не считаются с подписанными ими договорами и соглашениями, что они нападают на своих соседей поразбойничьи, внезапно.

21 июня командира корпуса вызвали в Москву. Для нас это не было чем-то необычным — вызывали его частенько.

Уезжая, генерал Д. Д. Лелюшенко приказал Асейчеву разработать план учений, используя данные рекогносцировки. Тот привлек к этому делу и меня.

В субботу мы допоздна засиделись в штабе. Закончив работу, Асейчев потянулся устало и предложил:

— Что, Георгий Иванович, может, утречком махнем на рыбалку?

— С великим удовольствием, Анатолий Алексеевич,— согласился я. — Как-никак — выходной, имеем законное право отдохнуть.

Договорились выехать пораньше, чтобы к обеду уже вернуться домой. Понимали: рыбалка рыбалкой, а время-то неспокойное.

В тот год жена моя, Валентина Семеновна, училась в Промакадемии и жила в Москве. В здешней моей квартире хозяйничали мать жены и дочка Юля дошкольного возраста. Дочку я иногда брал на рыбалку, но на этот раз решил ехать без нее. У тещи, обычно дожидавшейся моего возвращения со службы, как всегда, был один и тот же вопрос: звонила ли Валя?

— Нет, не звонила,— ответил я.— Приготовьте хлеб, лук и соль. Утром поеду на озеро. Юльку не будить.

— Вот и хорошо, — обрадовалась она. — Мы с ней в лес собрались...

Коротка летняя ночь. В четыре утра 22 июня, облачившись в рыбацкое снаряжение, я с нетерпением ждал Анатолия Алексеевича. И вдруг раздался резкий телефонный звонок. Снимаю трубку и слышу голос оперативного дежурного по штабу:

— Товарищ полковник! Посты ВНОС * докладывают, что с запада доносится рокот самолетов и слышатся сильные взрывы...

Требую немедленно соединить меня с квартирой Асейчева. Никто не отвечает. Наскоро переодевшись, побежал в штаб. По дороге встретился с Асейчевым.

— Рыбалку отставить! Всех на ноги — похоже, началась война, — взволнованно сказал он.

К пяти часам связались со штабом Московского военного округа. Но там знали столько же, сколько и мы. Разыскать по телефону командира корпуса не удалось.

Дозвонились до Риги. Оттуда сообщили некоторые подробности: немецкая авиация бомбила Ригу, Виндаву, Шяуляй, Каунас, Вильнюс, порты и железнодорожные мосты; по всей западной границе Литвы противник ведет мощную артиллерийскую и авиационную подготовку.

Асейчев объявил боевую тревогу, приказал командирам дивизий срочно выводить личный состав в секретные районы сосредоточения и одновременно вывозить туда же подвижный запас артснарядов, мин, горючего. Потом он позвонил местным властям — проинформировал их о нападении немцев и порекомендовал принять меры на случай налета фашистской авиации.

---

* ВНОС — посты воздушного наблюдения, оповещения и связи.

4*

До получения указаний из Москвы сам Анатолий Алексеевич решил оставаться на месте, а меня послал в район сосредоточения 185-й мотострелковой дивизии.

Перед отъездом я забежал домой, заглянул в комнату дочки. Она безмятежно спала на красноармейской кровати, разбросав ручонки и не подозревая, что уже кончилась последняя мирная ночь. Сказал теще, чтобы побыстрее собрала дочку и уходила с ней в укрытие.

— Батюшки! Да куда же это?

— Овраг знаете?

— Знаю.

— Там вырыты ниши. Вот туда и ступайте...

Командира 185-й мотострелковой дивизии генерал-майора П. Л. Рудчука я застал в том состоянии, какому больше всего, пожалуй, соответствует определение — деятельное спокойствие. Он четко руководил перемещением частей и техники в указанный ему район.

— Вот, брат, как получилось, — покачал генерал седеющей головой.

Убедившись, что здесь все идет нормально, и отдав от имени Асейчева некоторые дополнительные указания, я вернулся в штаб корпуса. Асейчева застал у радиостанции. Тут же собрались все, кто еще оставался в штабе. Внимательно слушали выступление заместителя Председателя Совнаркома и Наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова. Мне довелось услышать только последние три фразы: *Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами.*

Сразу стало шумно. Началось обсуждение услышанного. Подхожу к Асейчеву, докладываю о результатах своей поездки, спрашиваю его, нет ли каких команд из Москвы.

— К сожалению, нет, — ответил Анатолий Алексеевич.

Во второй половине дня 22 июня вражеская авиация совершила первый налет на наш военный городок. Бомбы в цель не попали, большого вреда не причинили. Прикрывавшие городок две зенитные батареи встретили противника дружным огнем. С ближайшего аэродрома поднялось звено истребителей И-16. Один из фашистских бомбардировщиков задымил и с трудом ушел вслед за остальными.

Вечером на железнодорожную станцию прибыли три эшелона с танками Т-34. Мы обрадовались. Но тут же

поступила команда: направить эти эшелоны в Минск, в распоряжение штаба Белорусского Особого военного округа.

Утром 23 июня вернулся из Москвы командир корпуса генерал-майор Д. Д. Лелюшенко.

В тот же день противник вторично бомбил нас. На этот раз более интенсивно. Бомбы рвались и в расположении военного городка, но там ни войск, ни боевой техники, ни боеприпасов уже не было. Наши истребители сбили два бомбардировщика Ю-87, а зенитные батареи подожгли еще один вражеский самолет.

В разгар бомбардировки военного городка в помещении штаба корпуса появилась моя жена.

— Как ты сюда попала? — удивился я.

— Услышала выступление Молотова по радио и сразу бросилась на вокзал. Решила хоть на товарном поезде добираться до вас... А где дочка, где мама? Дома их нет.

Я проводил жену в укрытие и тут же уехал в одну из дивизий.

Наутро Валентина пустилась в обратный путь, забрав с собой дочку и мать. Эвакуировались на восток и семьи других военнослужащих. Мы прощались с родными, не зная, увидим ли их снова...

Днем получили распоряжение встретить, разгрузить и провести в район сосредоточения корпуса танки учебного батальона академии бронетанковых войск. Машины были разных марок, и только две из них — Т-34. Все, конечно, поизношены длительной эксплуатацией. Но мы обрадовались и этому. Танки благополучно добрались до леса западнее Себежа, где в полной боевой готовности стоял наш корпус.

На четвертый день войны нашему корпусу поставили боевую задачу. Приказом С. К. Тимошенко нас передали в подчинение командующего войсками 27-й армии Н. Э. Берзарина, обязали занять оборону по реке Западная Двина и во что бы то ни стало удержать город Двинск (Даугавпилс). Но 27 июня, когда мы вышли к Двинску, он был уже захвачен 56-м моторизованным корпусом немцев под командованием генерала Манштейна. Попытки заместителя командующего Северо-Западным фронтом генерал-лейтенанта С. Д. Акимова отбить город частями 5-го воздушно-десантного корпуса полковника И. С. Безуглого окончились неудачей. Десантники, вооруженные толь-

ко винтовками и автоматами, не в состоянии были сломить сопротивление вражеских танков, поддержанных артиллерией и авиацией.

Генерал Акимов встретился с генералом Лелюшенко километрах в 15—20 севернее Двинска. Обсудили сложившуюся обстановку, план дальнейших действий.

— Будем выбивать врага из города, атаку начнем вечером, — решил Д. Д. Лелюшенко.

Акимов одобрил это решение и в сопровождении наших разведчиков уехал опять в 5-й воздушно-десантный корпус.

Мы приступили к подготовке боя. Боевой порядок корпуса строился в два эшелона: в первом — две танковые дивизии, во втором — 185-я мотострелковая.

Утром 28 июня в результате совместных, хотя и неодновременно начавшихся атак 21-го механизированного и 5-го воздушно-десантного корпусов у нас обозначился серьезный успех.

Наступавшие с севера полки 46-й танковой дивизии полковника В. А. Копцова ворвались в город и завязали уличные бои. Яростная борьба шла за каждый квартал, каждый дом. Отдельные дома неоднократно переходили из рук в руки.

42-я танковая дивизия под командованием полковника Н. И. Воейкова свертывала оборону гитлеровцев на захваченном ими плацдарме северо-восточнее Двинска. В скоротечном бою Воейкову удалось уничтожить свыше 400 и взять в плен 185 фашистов, в том числе 15 офицеров.

Мне довелось тогда впервые присутствовать на допросе одного из них. Это был откормленный рыжеватый детина. Рукава его армейской тужурки были засучены выше локтя. Когда пленного спросили, зачем он пошел из своего Лейпцига в Двинск, он цинично ответил:

— Чтобы покорить Россию.

У него вывернули карманы. Из них вывалились фотографии замученных женщин, детей, стариков. Меня это потрясло: в ту пору я еще не представлял себе, что гитлеровцы дошли до такого садизма.

Бой за Двинск продолжался. Мотострелковый полк, возглавляемый майором А. М. Горяиновым, после ликвидации плацдарма противника переправился на противоположный берег Западной Двины и совершил дерзкий налет на тылы и штаб корпуса Манштейна.

С подходом 185-й мотострелковой дивизии и десантников бой за Двинск разгорелся с новой силой. Он не прекращался и ночью. Казалось, еще натиск — и мы бы очистили город от гитлеровцев. Но Манштейн вызвал на помощь крупные силы авиации. Вражеские бомбардировщики повисли над городом и его окрестностями. Несколько часов они беспрерывно бомбили и обстреливали наши боевые порядки. 5-й воздушно-десантный корпус был отброшен на 8—10 километров. Обнажился фланг нашего корпуса.

В этой обстановке мы тоже вынуждены были отходить к северу. Отход совершался в ночь на 29 июня. Главные силы корпуса отошли на 5—6 километров и заняли оборону между озерами Рушоны и Дридза. Но на Западной Двине оставались еще подвижные мотострелковые отряды, усиленные танками и артиллерией. Командир корпуса поставил перед ними задачу: всячески препятствовать противнику в форсировании реки. Они это выполнили довольно успешно. Немало гитлеровцев, их танков, автомашин и плавсредств было уничтожено на берегу или потоплено.

21-й механизированный корпус достойно выдержал первое испытание. Сильному, превосходящему его по численности и техническому оснащению противнику был нанесен достаточно ощутимый контрудар. Немало фашистов нашли свою смерть на Западной Двине и улицах Двинска.

Мирное население тяжко страдало всюду, где ступал сапог оккупанта. В Прибалтику же вслед за гитлеровскими войсками хлынули те, кто всего год назад опрометью бежал отсюда, — бывшие помещики и капиталисты, буржуазные националисты всех мастей. Они не менее свирепо, чем фашистские изверги, расправлялись с советскими активистами, семьями красноармейцев — не щадили ни женщин, ни стариков, ни детей. И конечно, прежде всего лютая их злоба обратилась против семей русских коммунистов.

По всем дорогам и тропам на восток устремились сотни тысяч беженцев. Они изнывали от жары и усталости, но кулаки-хуторяне не подпускали их к своим колодцам. Из лесных засад на беженцев нападали диверсионные националистские банды и вражеские парашютисты. Свер-

ху бомбила и обстреливала из пулеметов фашистская авиация.

Мы делали все возможное, чтобы облегчить страдания этих несчастных людей: кормили детишек, а часто и взрослых, перевязывали раненых, выделяли им для сопровождения вооруженную охрану. Но у нас и без того было полным-полно иных забот.

Опомнившись от контрудара, полученного в районе Двинска, противник вновь перешел в наступление, нанося главный удар на Резекне. Нам, однако, удалось закрепиться, и попытки немцев прорвать оборону 21-го мехкорпуса успеха не имели. Враг нес значительные потери, прежде всего от огня нашей артиллерии. Опасались мы лишь за свои фланги. Справа образовался большой разрыв с 5-м воздушно-десантным корпусом, ослабленным еще в боях за Двинск. А слева слышался лишь гул боя из района Краславы, но, кто там обороняется, оставалось неизвестным для нас. Выяснить это было поручено мне. Я выехал в Краславу с небольшой оперативной группой.

В полдень мы приблизились к городу. Его бомбила фашистская авиация. Переждав бомбежку, выскочили на западную окраину и здесь встретили сводный отряд 112-й стрелковой дивизии, входившей в состав 22-й армии Западного фронта. Командир отряда П. В. Зороастров доложил, что в его распоряжении находятся 196-й разведывательный батальон, 156-й истребительный противотанковый дивизион и две стрелковые роты, усиленные двумя бронемашинами. Отряд занимал оборону на Замковой горе и уже двое суток отражал яростные атаки 121-й пехотной дивизии фашистов.

— А где ваша дивизия? — спрашиваю Зороастрова.

— Должно быть, еще в эшелонах, товарищ полковник, — ответил он.

С его наблюдательного пункта я в бинокль стал осматривать местность и заметил подозрительное покачивание колосьев в громадном массиве созревающей ржи. Нетрудно было догадаться, что немцы, потеряв надежду на успех лобовых атак, пытаются обойти Замковую гору.

— Немедленно поджигайте хлеба! — приказываю Зороастрову.

Через несколько минут ржаное поле запылало. Гитлеровцы ретировались с него. Но надо было видеть, как по-

мрачнели лица наших бойцов! Непереносима для крестьянского сердца страшная картина гибнущего урожая.

— Что поделаешь, ребята... Лучше уж сжечь, чем отдать хлеб врагу, — сказал я бойцам, и, кажется, все молчаливо согласились с этим.

Пообещав командиру отряда поддержку огнем нашей артиллерии и посоветовав выслать разведку в сторону Двинска, я по-братски распрощался с ним.

— Будем держаться, — заверил он, и, действительно, отряд держался героически.

В ночь на 3 июля корпус получил боевой приказ от командующего 27-й армией генерал-майора Н. Э. Берзарина. Нам ставилась задача, которую мы, по существу, уже выполняли: «стойко обороняться на занятом рубеже». Однако в 8 часов утра последовало новое указание. На этот раз уже от имени командующего Северо-Западным фронтом генерал-полковника Ф. И. Кузнецова корпусу предписывалось перейти в решительное наступление, форсировать Западную Двину и овладеть Двинском.

Командир корпуса пытался связаться с Н. Э. Берзариным и убедить его, что переход в наступление с оголенными флангами в условиях все нарастающего удара превосходящих сил противника грозит нам поражением. Но разыскать Берзарина не удалось, да и что он мог сделать, если это был приказ командующего фронтом.

Пока мы совещались, как выполнить приказ, немцы опередили нас, атаковав нашу оборону крупной группировкой мотопехоты и танков. Острие их главного удара было устремлено на 42-ю танковую дивизию полковника Н. И. Воейкова. Туда с группой командиров штаба корпуса выехал генерал Д. Д. Лелюшенко. В момент его появления на КП дивизии разведывательный отряд гитлеровцев численностью до двухсот мотоциклистов влетел в небольшой городок Дагда, где расположились резервы Воейкова — танковый и мотострелковый батальоны. Эти батальоны, возглавляемые заместителем командира дивизии полковником Н. В. Булахом, тотчас окружили и разгромили гитлеровцев. 32 вражеских солдата и 2 офицера были захвачены в плен. На допросе пленные показали, что за их отрядом следует авангард дивизии СС «Мертвая голова»: 10 танков, дивизион артиллерии, 15 бронетранспортеров и 80 автомашин с пехотой.

Данные эти вполне соответствовали тогдашней тактике противника. Обычно таким относительно небольшим подвижным группам расчищала путь авиация, а они прорывались в глубину обороны наших войск и создавали видимость окружения. На сей раз ничего подобного не случилось. Немцы сами попали в ловушку.

42-я танковая дивизия скрытно заняла позиции в лесу по обе стороны дороги. Артиллерия была поставлена на стрельбу прямой наводкой с фронта и флангов. Едва колонны немецкого авангарда втянулись в лес на подступах к Дагде, мы внезапно обстреляли их изо всех видов оружия. Фашисты тщетно метались в огневом мешке: вырваться из него удалось немногим.

Бой этот имел, конечно, частное значение, но оказал немалое воодушевляющее воздействие на весь личный состав 42-й танковой дивизии. Она несокрушимо стояла на отведенном рубеже до исхода 3 июля. К этому времени противнику удалось подтянуть главные силы и овладеть городом Резекне. Создалась реальная угроза окружения нашего корпуса. В связи с этим командующий армией отдал приказ об отходе на рубеж Лудза, Лаудери.

Отходили мы с тяжелыми боями. Особенно трудно пришлось 42-й танковой дивизии. Враг словно мстил ей за разгром эсэсовцев в районе Дагды. Временами казалось, что ей уже отрезаны пути отхода. Да не тут-то было! Она умело маневрировала и всякий раз выходила из-под неминуемого удара. С исключительным упорством отбивал атаки противника ее мотострелковый полк под командованием майора А. М. Горяинова. Бывший кавалерист, человек изумительной храбрости, майор в критический момент положил свою уже пробитую пулями бурку за передовой цепью бойцов и объявил:

— Здесь будет мой командный пункт! Не отойду больше ни на шаг.

На помощь полку поспешили артиллеристы и минометчики, возглавляемые начальником артиллерии дивизии, не менее отважным майором И. М. Макаровым. Подпустив гитлеровцев совсем близко, они открыли уничтожающий огонь, вывели из строя 10 танков, 6 бронетранспортеров, рассеяли пехоту. Воспользовавшись возникшим у противника замешательством, Горяинов лично повел свой полк в контратаку, пробился к командному пункту 121-й не-

мецкой пехотной дивизии и навязал врагу рукопашную схватку, в ходе которой был убит командовавший этой дивизией генерал-майор Ланцелло.

Генерал Д. Д. Лелюшенко с полковником Н. И. Воейковым наблюдали этот лихой и далеко не равный бой. Заметив выдвижение к месту схватки новых немецких танковых подразделений, командир корпуса по рации отдал Горяинову приказ на отход, а меня обязал помочь И. М. Макарову организовать огневое прикрытие. Окантованный со всех сторон взрывами наших снарядов, полк Горяинова, в который уже раз, благополучно вышел из сложного положения и соединился с главными силами своей дивизии.

Так же упорно сопротивлялась натиску превосходящих сил противника 46-я танковая дивизия. Обороняясь на рубежах Себежского укрепрайона, она в течение двух дней отразила бесчисленное множество атак немецкой пехоты, поддержанной танками, артиллерией и массированными бомбовыми ударами с воздуха.

Не добившись желаемых результатов на себежском направлении, гитлеровское командование начало перегруппировку сил в район Опочки, где оборонялась 185-я моторизованная дивизия генерал-майора П. Л. Рудчука.

Перед фронтом этой дивизии простиралась река Великая. Правый фланг обороны упирался в заболоченный берег озера, левый — в лесной массив. Полки вырыли траншеи полного профиля, оборудовали пулеметные гнезда и капониры для пушек, которым предстояло вести огонь прямой наводкой.

— Да, Петр Лукич, здесь можно задать фашистам жару, — заметил я, осматривая позиции дивизии.

— А ты думал, мы лыком шиты? — усмехнулся довольный Рудчук.

Вечером 6 июля противник попытался с ходу прорвать здесь фронт, но был остановлен и потом отошел, потеряв 16 танков: 6 из них подорвались на минах, 10 подбили артиллеристы.

Мы понимали, что это всего лишь разведка боем. Не позже чем завтра утром гитлеровцы перейдут в решительное наступление главными силами, и нам следует провести некоторые дополнительные приготовления к отражению их удара. Этим мы и занялись. Сменили огневые

позиции, подвезли боеприпасы, спланировали огонь перед фронтом дивизии по местам возможного сосредоточения противника и его артиллерийским позициям. Командирам мотострелковых полков генерал Рудчук приказал обязательно вырыть впереди первой траншеи одиночные колодезеобразные окопчики для истребителей танков и заблаговременно припасти там связки гранат, бутылки с горючей смесью. Проволочных заграждений ставить не рекомендовал. Командир дивизии предпочитал им минные заграждения.

Ночью я побывал во всех артиллерийских подразделениях, уточнил задачи каждому, проверил маскировку. Всю ночь провели на боевых позициях и П. Л. Рудчук, и его заместитель по политчасти А. И. Шмелев. Петр Лукич вдохновенно рассказывал бойцам о героизме своих товарищей в годы гражданской войны. При этом комдив не забывал подчеркнуть, что и сейчас в дивизии «подобрались герой к герою».

— Чем силен фашист? — спрашивал он и сам же отвечал: — Техникой. Стало быть, надо всеми способами и средствами уничтожать ее. Без техники неприятельский солдат куда слабее советского бойца!

— Товарищ генерал, да ведь техники-то у фашистов шибко много, — заметил боец с забинтованной шеей.

— Ну и что? В гражданскую войну белые тоже имели техники побольше, чем мы. Даже танки английские у них были, а мы все равно беляков колотили. Вчера вот сунулись фашисты, и шестнадцати танков у них — как не бывало, — с удовлетворением резюмировал генерал. — Танк, сынок, уязвим не меньше, чем мы с тобой. Дождись в своем окопчике, когда он подойдет поближе, и норови гранатой в гусеницу попасть, поджигай горючей смесью...

Бесхитростные беседы генерала с бойцами не пропали даром.

Настало утро, яркое, солнечное. Только река Великая была еще окутана туманом. С воем прилетел и с грохотом разорвался на позициях дивизии первый немецкий снаряд. За ним последовали сотни других. Через тридцать минут нанесла удар фашистская авиация. А как только самолеты сбросили бомбы, вдалеке загудели танковые моторы. За фашистскими танками густой темной массой двигалась мотопехота.

— Мать честная, сколько их прет! — воскликнул Рудчук. В голосе его слышался скорее азарт, нежели опаска. Оторвавшись от стереотрубы, он приказал начальнику артиллерии И. М. Макарову: — Действуй!

Впереди возникла стена подвижного заградительного огня. Несколько головных танков запылало. Другие обходили их, прибавляя скорость. В бой вступили орудия прямой наводки. Потом в сторону стальных махин, достигших первых наших окопов, полетели связки гранат.

Первая атака захлебнулась. Противник откатился, оставив на поле боя пылающие танки и трупы своих солдат.

— Так-то, сукины сыны! — потирал руки Рудчук.

Около двенадцати часов дня немцы возобновили наступление. Теперь за танками двигалось еще большее количество пехоты. И тут опять отличились наши артиллеристы.

— Молодцы! — кричал в телефонную трубку Рудчук. — Круши их, гадов!

Бой шел и в небе: там схватились с вражескими бомбардировщиками четыре «ястребка». Действовали они очень напористо, в считанные минуты уничтожили три «юнкерса», а остальных вынудили сбросить бомбы куда попало.

И вторая атака противника была отбита. Третью он предпринял уже на исходе дня. И опять на поле боя горели немецкие танки.

Один вражеский снаряд разорвался рядом с нашим блиндажом, в смотровую щель брызнул фонтан измельченной земли. Сверху на нас тоже потек песок, просочившийся меж бревнами наката.

— Фу ты, паразиты! — выругался Рудчук, протирая запорошенные глаза.

Дымовое облако снаружи и пыль, поднявшаяся внутри блиндажа, затрудняли наблюдение за полем боя. Я не вытерпел, вылез из укрытия. Не успел оглядеться, как по правой руке ударило чем-то тяжелым. От острой боли я даже присел. И тут же вернулся в блиндаж.

Увидев кровь на моей гимнастерке, Рудчук не стал задавать вопросов, только поморщился досадливо и приказал адъютанту:

— Врача и сестру сюда!

При первом же медосмотре выяснилось, что у меня пулевое ранение — перебита кость выше локтевого сус-

тава. Сестра с трудом остановила кровь и наложила повязку.

А бой продолжался. И я продолжал командовать артиллерией, хотя от потери крови кружилась голова, а из глаз, как говорится, сыпались искры.

П. Л. Рудчук осторожно обнял меня и жестом приказал сестре отправить в полевой госпиталь.

Госпиталь размещался в Новоржеве. Туда и повезли меня на служебной машине. Вместе со мной посадили еще одного раненого — молодого врача. В полевом госпитале мы не задержались. После тщательной обработки ран нас обоих решено было эвакуировать санитарным поездом в Ленинград. Но тут поступили данные о немецком десанте, перехватившем где-то железную дорогу.

— Тогда везите в Москву, — распорядился главный врач.

На Москву, однако, поезд не шел из-за повреждения железнодорожного моста. Не оставалось ничего иного, как снова воспользоваться моей машиной. На ней и добрались до Клина, а там застряли: для въезда в Москву в ночное время требовался специальный пропуск. Пришлось звонить в московскую милицию. Оттуда прислали мотоциклиста, который и проводил нас до Главного военного госпиталя, в Лефортово.

Меня поместили в палату, где уже лежали двое: член Военного совета 10-й армии дивизионный комиссар Д. Г. Дубровский и обгоревший летчик из Московской зоны ПВО (фамилию его, к сожалению, запамятовал).

Утомленный дорогой, я быстро уснул, а когда проснулся, меня сразу повели в перевязочную. Она размещалась рядом с операционной, в дверях которой стояли два врача, причем один из них отчитывал другого.

— Вы коновал, а не хирург! — донеслось до меня.

Сопровождавшая меня сестра застыла на месте, едва переступив порог перевязочной. Повернувшись к ней, я тихо спросил:

— Кто это такой сердитый?

— Академик Бурденко, — шепнула она.

Оказалось, что хирург, которого академик назвал коновалом, только что ампутировал руку моему случайному попутчику.

Н. Н. Бурденко сам осмотрел мою рану. Покачал головой:

— Как угораздило! — И опять напустился на своего коллегу: — Смотрите, это ранение куда тяжелее. Что же, и ему будете ампутировать?

Хирург молчал.

— Резать легче всего. Лечить, лечить следует! Спасать при малейшей надежде спасти, — говорил академик, уже оставляя меня и удаляясь из перевязочной.

Мне наложили шину в виде так называемого аэроплана. Это было неудобно. Спать приходилось сидя, обложившись подушками.

Рана заживала медленно, а как не терпелось вернуться на фронт! Едва начал шевелить пальцами, стал хлопотать о выписке. Обратился с этой просьбой даже к Бурденко. Он осмотрел мою руку и, хмурясь, сказал:

— Рано, братец. Там нужны здоровые люди.

Частенько в госпиталь прибывали раненые из нашего корпуса. Я всегда искал встречи с ними, расспрашивал о делах. А иные сами заходили ко мне, справлялись о здоровье, передавали приветы, чаще всего от Анатолия Алексеевича Асейчева.

И вдруг однажды полковник Асейчев сам влетел в нашу палату. Белый халат накинут кое-как, на голове каска, через плечо противогазная сумка, сбоку пистолет.

Расцеловались. Анатолий Алексеевич повел взглядом по всей палате, спрашивает:

— Ну как вы тут поживаете?

— Превосходно! — ответил за всех Д. Г. Дубровский.— Тепло, светло, уютно. Девушки-школьницы с ложечки кормят.

— Тошно лежать, — отозвался обгоревший летчик. — Люди воюют, а мы бездельничаем.

— Не грусти, еще навоюешься, — подмигнул ему Асейчев.— Фашистов на всех хватит. Сильны, дьяволы.— И достает из противогазной сумки бутылку коньяку, с опаской поглядывая на дверь: — Кому можно по маленькой?

— Внутренности у всех целы, — сразу повеселел авиатор.

...Асейчев рассказал мне, что решением Ставки штабы механизированных корпусов, в том числе и 21-го, расформированы, а дивизии переданы в непосредственное подчинение армиям. Его назначили командовать танковой бригадой. Он был очень доволен этим назначением.

На груди Асейчева блестел новенький орден Красного Знамени. Я поздравил его с высокой наградой.

— Взаимно поздравляю и тебя с орденом Красной Звезды, — протянул мне руку Анатолий Алексеевич. — Более девятисот бойцов, командиров и политработников корпуса удостоены наград. Воевали хорошо...

Это была моя последняя встреча с А. А. Асейчевым. Он спустя год погиб под Воронежем в результате прямого попадания в его блиндаж тяжелой авиационной бомбы.

Вскоре после нашего свидания большую группу раненых, способных ходить, посадили в автобусы и повезли в Кремль. Среди них был и я. Нам предстояло получить свои награды из рук М. И. Калинина.

Он вышел слегка сутулясь, поглаживая клинышек бородки. Вручил ордена и медали, поздравил каждого, а затем выступил с краткой речью. М. И. Калинин твердо заявил, что советский народ и наша армия мужественно перенесут все неудачи и одержат победу над немецко-фашистскими полчищами.

Из Кремля я не вернулся в госпиталь, а направился в управление начальника артиллерии Красной Армии — проситься на фронт. Н. Н. Воронова на месте не оказалось. Пошел к генерал-полковнику артиллерии Н. Д. Яковлеву, рассчитывая, что он помнит меня по совместной службе на Северном Кавказе. И не ошибся. Николай Дмитриевич отнесся ко мне с дружеским вниманием, обещал помочь, но потребовал, чтобы я немедленно возвратился в госпиталь.

Свое обещание он выполнил. Вскоре я был направлен на должность начальника артиллерии 5-й армии, которая заняла оборону на знаменитом Бородинском поле, там, где в 1812 году русские войска под командованием фельдмаршала М. И. Кутузова сражались с войсками Наполеона. И опять судьба свела меня с Д. Д. Лелюшенко — он командовал теперь 5-й армией.

Но случилось так, что в день моего приезда Дмитрий Данилович был ранен. Помогая укладывать его в автомашину, я зашиб свою недолеченную руку. Она разболелась опять.

После Д. Д. Лелюшенко в командование 5-й армией вступил Л. А. Говоров. Он привез с собой на должность начальника артиллерии армии одного из преподавателей

артиллерийской академии. Леонид Александрович извинился передо мной и приказал возвращаться в госпиталь.

— Вы больны, вам надо подлечиться, — убеждал он.

Лечился я еще около двух недель и каждый день трезвонил по телефону Н. Д. Яковлеву, а потом и Н. Н. Воронову, вымаливая у них направление на фронт. И добился своего: назначили начальником артиллерии в 30-ю армию.

Рано утром 20 ноября, уезжая к новому месту службы, я успел заскочить домой — попрощаться с женой... В ту пору она работала в аппарате Совнаркома РСФСР,

5 Зак. 152

ТРАГИЧЕСКОЕ И ВЕЛИКОЕ

Штаб 30-й армии располагался в селе Зайцево. Я прибыл туда, когда это село только что отбомбила вражеская авиация. Горели дома и хозяйственные постройки. Холодный порывистый ветер гонял по снегу сорванную с крыш солому. По улице мчалась испуганная лошадь, волоча за собой разбитую повозку.

Первым, кого я встретил в штабе, был полковник Л. А. Мазанов, с которым мы находились в приятельских отношениях еще до войны.

— Георгий Иванович! Откуда тебя занесло?! — обрадованно воскликнул он, крепко пожимая мою левую руку — правая все еще была подвешена на груди.

— Назначен к вам начальником артиллерии, — сообщил я.

Мазанов помрачнел:

— Значит, и до меня добрались. Командарма заменили, а теперь, выходит, мой черед...

— Постой! А ты тут кем являешься?

— Пока начальником артиллерии...

— Как же так получилось? — искренне удивился я. — Здесь какое-то недоразумение. Претендовать на твое место я не намерен. Решительно откажусь. Самому-то мне виднее, что мой опыт и моя артиллерийская подготовка никак не выше твоих.

Мазанов как-то безнадежно махнул рукой:

— У нас был хороший командарм Хоменко. Вместо него прислали теперь генерала Лелюшенко. Каков он, не знаю, но зачем такие перестановки в критический момент?.. Слышал, что заменят и начальника штаба армии полковника Виноградова... Впрочем, пойдем к нему: он познакомит тебя с нашим положением.

— А почему к нему? Ты что... не поладил с новым командармом? — спрашиваю Мазанова.

— Да нет, — отвечает. — Напротив, он меня даже хвалил. Видел в бою и сказал, что дело свое знаю.

— Тогда идем прямо к нему.

— Командарм сейчас в войсках.

— Ладно, когда приедет — разберемся. И я его и он меня знаем достаточно хорошо. Найдем общий язык.

А про себя невольно подумал: уже в третий раз попадаю под начало Дмитрия Даниловича, прямо как приворожил кто...

Полковник Виноградов, к которому зашли вместе с Мазановым, молча принял от меня предписание, молча ознакомился с ним и отложил в сторону. Потом вопросительно посмотрел на Мазанова и сказал сочувственно:

— Ну что же... бывает...

Тут же он довольно подробно информировал меня о положении дел в 30-й армии. Из информации этой следовало, что она тесно взаимодействует с 16-й армией, которой командует К. К. Рокоссовский. Против этих двух армий, на стыке Калининского и Западного фронтов, немцы перешли в наступление 3-й и 4-й танковыми группами с частью сил 9-й полевой армии. В начале наступления враг превосходил 30-ю армию в живой силе в 1,5 раза, в танках — в 15 раз и в артиллерии — более чем в 4 раза. К тому же он имел более мощную авиационную поддержку.

30-я армия оборонялась на широком фронте (до 80 километров). Оборона не была сплошной. Войска занимали отдельные рубежи и населенные пункты, перекрывая дороги минновзрывными заграждениями. Главная задача состояла в том, чтобы не допустить выхода противника на Ленинградское шоссе севернее и южнее Московского моря, не позволить ему форсировать Волгу между Калинином и Московским морем.

Ожесточенные бои, начавшиеся утром 15 ноября, шли уже 5 дней. Против левофланговых 5-й стрелковой дивизии, 21-й танковой бригады, 2-го мотоциклетного и 20-го запасного стрелкового полков наступали при поддержке авиации 1-я танковая, 36-я моторизованная и 86-я пехотная дивизии немцев. Еще более сильная вражеская группировка в составе 14-й моторизованной, 6-й и 7-й танковых дивизий обрушилась на 107-ю мотострелко-

вую дивизию, занимавшую оборону южнее Московского моря. Под натиском превосходящих сил противника войска 30-й армии вынуждены были отходить, упорно сопротивляясь на промежуточных рубежах.

Наиболее критическая обстановка сложилась в полосе 107-й мотострелковой дивизии. Противник форсировал здесь реку Лама, овладел селом Дорино и развивал удар по южному берегу Московского моря на Завидово. Дивизия дралась уже в окружении. Создалась угроза захвата немцами железнодорожного и шоссейного мостов через Московское море — их пришлось взорвать.

В целях объединения усилий наших войск на северо-западных подступах к Москве Ставка Верховного Главнокомандования в ночь на 18 ноября переподчинила 30-ю армию Западному фронту, придав ей два пулеметных батальона. В ее состав была включена также 58-я танковая дивизия, действовавшая ранее на правом фланге 16-й армии. В боях с 4-й танковой группой противника эта дивизия понесла большие потери и имела всего 15 танков, 5 орудий, а общее число бойцов и командиров не превышало тысячи человек.

С 18 ноября напряженные бои южнее Московского моря вспыхнули с новой силой. Мужественный и решительный командир 107-й мотострелковой дивизии полковник П. Г. Чанчибадзе сумел прорвать вражеское кольцо и отвести свои части севернее Ямуги. Но при этом между 30-й и 16-й армиями образовался большой разрыв. На самом опасном, клинско-солнечногорском направлении создалась тревожная ситуация.

Пока полковник Виноградов посвящал меня во все эти тонкости, на КП армии вернулся Д. Д. Лелюшенко. Я, конечно, поспешил к нему. Он не удивился моему появлению. Видимо, меня направили в 30-ю армию не без его согласия.

— Рад, Георгий Иванович! — сказал командарм, здороваясь. — Приехал ты очень кстати.

— Но у вас же есть начальник артиллерии, — ответил я. — Полковник Мазанов — способный и опытный артиллерист.

— Он вполне соответствует должности, — согласился Лелюшенко. — И пускай остается на ней. А тебя мы представим на должность начальника штаба армии. Виноградова-то отзывают...

— Да вы что, Дмитрий Данилович, шутите? Какой из меня начальник штаба? Видите, правая рука не работает, а левой писать еще не научился.

— Лишь бы голова работала, а без руки на первых порах обойтись можно, писать за тебя будет начальник оперативного отдела полковник Бусаров. Только успевай диктуй...

— Я должен позвонить в Москву.

— Напрасно. Не время сейчас препираться, — сердито оборвал командующий.

Все же с Н. Д. Яковлевым я связался. Он выслушал меня, попросил подождать — видимо, посоветовался с кем-то по другому телефону — и сказал, что надо принять предложение командарма.

Так неожиданно на меня была возложена новая ответственная работа, которую пришлось осваивать буквально под огнем врага.

Не успел познакомиться со штабными командирами, как последовал вызов к командующему.

— Надо, Георгий Иванович, немедленно выехать в район Клина, — объявил он. — Город этот не входит в полосу нашей армии, но, если противник захватит его, худо будет и нам. Бери с собой кого сочтешь нужным от Мазанова, одного оператора, одного-двух связистов и отправляйся. Распоряжением командующего фронтом генерала армии Жукова для обороны Клина образована группа войск генерала Захарова. Очень важно организовать взаимодействие с нею. В первую очередь разыщи командира сто седьмой мотодивизии Порфирия Григорьевича Чанчибадзе и опирайся на него. Это смелый и решительный человек. При необходимости подчиняй ему все разрозненные части и подразделения, кому бы они ни принадлежали. Он сделает их боеспособными и стойкими.

Во второй половине дня я уже находился в Клину. Город был сильно разрушен фашистской авиацией. По радио связался с полковником П. Г. Чанчибадзе и немедленно поехал к нему. Прибывшему в Клин вместе со мной заместителю начальника оперативного отдела нашей армии подполковнику Н. Н. Олешеву поручил искать в районе Клина генерала Захарова.

По пути в 107-ю дивизию я случайно встретил 923-й стрелковый полк из 16-й армии. Он потерял связь со своей дивизией и, по существу, не имел задач. Я приказал

командиру полка войти в подчинение к полковнику Чанчибадзе и действовать по его усмотрению.

Самого Порфирия Григорьевича Чанчибадзе нашел в глухом лесу. В момент моего появления он разговаривал с кем-то по телефону.

— Держись — и ни шагу назад! — приказывал полковник, энергично жестикулируя. — Нет у меня ничего! А пока ведешь пустой разговор, тебя обойдут.

— Как это — нет ничего? Целая дивизия! — подзадорил я.

— Какая там дивизия! Двести человек и пятнадцать танков! Только называется дивизией. Как воевать? Нужны бойцы. Надо оружие.

— Со временем все будет, Порфирий Григорьевич,— остановил я весьма темпераментного полковника. — А пока нам всем приходится решать задачу теми силами, что есть.

— Не подумайте, что я жалуюсь, — виновато улыбнулся Чанчибадзе. — Будь у нас столько танков, сколько имеют фашисты, мы бы гнали этих наглецов до самого Берлина.

— Это тоже еще впереди. А сейчас надо во что бы то ни стало устоять.

Чанчибадзе очень обрадовался, когда я сказал, что подчиняю ему 923-й стрелковый полк с дивизионом 76-миллиметровых пушек, остатки 21-й танковой бригады, 2-го мотострелкового и 20-го запасного стрелкового полков. Он со знанием дела доложил мне обстановку. Справа от него, в районе Ямуги, оборонялась 58-я танковая дивизия. Северо-восточнее Клина сосредоточилась 24-я кавалерийская дивизия подполковника А. Ф. Чудесова и 8-я танковая бригада полковника П. А. Ротмистрова.

Поехал в 58-ю танковую дивизию, потом к Чудесову и вечером вернулся в Клин. Захожу в райком партии, а мне сообщают: «По телефону звонит начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза Шапошников. Интересуется, кто есть в городе из военных». Конечно, я поспешил к телефону. Представился. У нас состоялся приблизительно такой разговор:

— Здравствуйте, товарищ Хетагуров. Где командарм?

— Был на КП в Зайцево. Если там нет, то, наверное, в правофланговых частях армии, либо в Конаково, куда намечалось переместить штарм.

— Не был ли в Клину Рокоссовский?
— Не видел, товарищ маршал.
— Какова обстановка в районе Клина?
— Весьма сложная. Противник наступает превосходящими силами. По документам убитых гитлеровцев установлено, что наступление ведут не менее трех танковых дивизий и мотопехота. Удар нацелен, видимо, на Солнечногорск.
— Что вы знаете о положении на правом фланге шестнадцатой армии?
— Южнее Клина ведет тяжелый бой полк курсантов Военного пехотного училища имени Верховного Совета РСФСР и двадцать пятая танковая бригада в составе одиннадцати танков. Юго-восточнее выдвигается сто двадцать шестая стрелковая дивизия. Там же должен быть отряд Московской зоны обороны под командованием Погодина. Но эти данные семи-восьмичасовой давности. Каково положение сейчас, не знаю.
— Севернее Волоколамска противник прорвался крупными силами и наступает на запад и северо-запад. Постарайтесь, голубчик, закрыть разрыв между шестнадцатой и вашей армиями и удержать Клин.
— Сделаем, товарищ маршал, все возможное. От нашего командарма мне известно, что оборона Клина возложена на группу войск, которую возглавляет заместитель командующего шестнадцатой армией генерал Захаров. Однако ни самого Захарова, ни его группы в районе Клина я не обнаружил. Узнал только, что по его приказанию из двадцать четвертой кавалерийской дивизии взят один кавполк для обороны на реке Сестра. Сейчас хорошо слышны звуки боя юго-западнее Клина, ближе к Мисирево. Предполагаю, что бой ведет группа Захарова.
— Что думаете предпринять?
— Будем драться за Клин до последней возможности.
— Хорошо. Особое внимание обратите на дмитровское направление. Срочно готовьте промежуточные противотанковые рубежи в районе Воронино, Спас-Коркодино и еще глубже — в Рогачево, куда могут отойти войска, если не удержите Клин.
— Очень мало времени, товарищ маршал. Вероятно, там удастся создать только одиночные колодезеобразные окопы. Они лучше маскируют людей от авиации и более эффективны для борьбы с танками.

— Согласен. Действуйте. Надо любым способом задержать немцев и выиграть время. В Рогачево к вам прибудет небольшой инженерный отряд с противотанковыми минами.

Едва я закончил разговор с начальником Генерального штаба, появился Н. Н. Олешев.

— Нашли группу Захарова? — спрашиваю его.

— Нет.

— Тогда поезжайте в Спас-Коркодино и Воропино, — распорядился я. — Немедленно готовьте оборону на этом рубеже. Соберите туда все, что встретите из войск. Мобилизуйте местное население. И кроме того, проверьте положение в Рогачево. Этот населенный пункт тоже надо превратить в мощный узел сопротивления.

...Всю ночь я пытался связаться с Д. Д. Лелюшенко. Наконец нашел его в одной из дивизий на правом фланге армии, доложил обстановку и содержание разговора с Б. М. Шапошниковым.

— Я тебя тоже разыскивал со вчерашнего вечера, — сказал командарм. — Ты назначен командующим левофланговой группой нашей армии...

Как только рассвело, я с ординарцем Яшей Матюшкиным направился к югу от Клина, надеясь найти генерала Захарова. Навстречу мне двигались разрозненные группы бойцов 681-го стрелкового полка 133-й стрелковой дивизии. Остановив их, приказал занять оборону на ближайших высотах и поставил здесь же на огневые позиции прибывшую из Клина батарею 76-миллиметровых орудий. Старшим назначил пожилого капитана.

Увидев снижающийся самолет По-2, немного задержался с отъездом. Из самолета вышел высокий, стройный человек. Я сразу узнал его: это был К. К. Рокоссовский.

— Вот где довелось встретиться после Дальнего Востока, — сказал он, обнимая меня.

— Товарищ генерал, о вас вчера спрашивал маршал Шапошников, — вспомнил я.

— Мы уже разговаривали, — ответил Рокоссовский. — Поэтому и прилетел сюда. Как дела?

Я доложил все, что знал, и спросил о Захарове.

— Он где-то в наших правофланговых частях. Объединить их в группу, к сожалению, никак не удается.

Константин Константинович сообщил, что он приказал курсантскому полку, 25-й и 31-й танковым бригадам отходить на юго-западную окраину Клина, но получилось так, что те отошли на Мисирево.

На том мы и расстались. Рокоссовский улетел к себе, а я поехал в войска, прикрывавшие Клин с севера и северо-запада.

Когда прибыл в 107-ю мотострелковую дивизию, П. Г. Чанчибадзе доложил, что противник с утра атакует небольшими группами танков и мотопехоты. Наши части стойко отражают все атаки.

Но все же гитлеровцам удалось здесь несколько продвинуться вперед, хотя и дорогой ценой: на поле боя горели их танки, виднелись сотни трупов солдат и офицеров.

Передал П. Г. Чанчибадзе приказание командующего армией: с наступлением темноты вывести из боя 923-й стрелковый полк и направить его в Спас-Коркодино.

— Вчера подчинили, а сегодня забираете! — запротестовал Порфирий Григорьевич.

— А кто остановит гитлеровцев, если они прорвутся к нам в тыл?

— Понятно, товарищ полковник.

— Вот и хорошо... А я пока проскочу в пятьдесят восьмую танковую дивизию. Ей еще труднее, чем вам...

Левый фланг этой дивизии находился неподалеку от КП Чанчибадзе. Туда можно было добраться пешком.

Прошли метров двести. Ординарец остановился, докладывает:

— Товарищ полковник, вон там, видите, фашистские танки.

— Давай, давай, прибавляй шаг, — поторапливаю его, — по двоим они стрелять не станут.

И тут же противник опроверг меня: открыл пулеметный огонь. Мы плюхнулись в какую-то траншею. Оглядевшись, увидели, что чуть левее стоят хорошо замаскированные Т-26. Решили пробраться к ним и натолкнулись на командира дивизии подполковника Говорушенко.

— Почему вы здесь? — спрашиваю его. — Отсюда же нельзя управлять дивизией. Не видно, что делается на противоположном фланге.

— Там у меня, товарищ полковник, боевой комиссар, — отвечает Говорушенко. — А здесь мы ожидаем новую атаку.

И действительно, минут через 15 противник двинул прямо на нас 20 танков с пехотой. Артиллеристы открыли по ним огонь. Атака захлебнулась. Два танка загорелись. Три остановились из-за повреждений ходовой части. Их потом тоже удалось сжечь.

Наступило временное затишье. Я порекомендовал Говорушенко немедленно перестроить систему огня и продолжать совершенствование минных заграждений. Одновременно приказал разыскать отряд Московской зоны обороны и установить с ним взаимодействие, а также направить офицера связи к П. Г. Чанчибадзе.

— Врага надо бить общими усилиями. Без моего личного приказа не отходить ни на шаг! — закончил я свои указания.

На обратном пути заглянул на батарею, стрелявшую по немецким танкам прямой наводкой.

— Командир огневого взвода Акопян! — представился мне первым молодой черноглазый лейтенант.

Я от души пожал ему руку.

— Молодцы! Видел вашу работу. Попали с первого снаряда.

Здороваясь с другими артиллеристами, невольно задержался возле одного из них, лицо которого показалось знакомым.

— Наводчик Степаненко, — представился тот.

Вон оно что: в Де-Кастри у нас был командир, носивший ту же фамилию.

— Служил ли до войны кто-нибудь из ваших родственников в артиллерии?

— Так точно, брат служил. На Дальнем Востоке.

— А где он теперь?

— Под Ленинградом. Командует артполком.

— Выходит, служба в артиллерии стала у вас чем-то вроде семейной традиции?

— Ныне, товарищ полковник, вся Россия одной традиции придерживается. Каждая семья воюет...

На исходе дня я прибыл в Спас-Коркодино. Николай Николаевич Олешев проявил большие организаторские способности. Подготовка оборонительного рубежа шла здесь полным ходом. Работали бойцы и командиры тыло-

вых подразделений, жители ближайших деревень. На танкоопасных направлениях устанавливались минновзрывные заграждения. Сотни людей рыли окопы. Оборудовались огневые позиции для артиллерии.

Одновременно началась работа по созданию узла сопротивления в Рогачево. Там уже трудились саперы и сосредоточился батальон Московской зоны обороны под командованием майора А. И. Эппельграда и военкома М. П. Петрова. На подходе была рота с собаками — истребителями танков. Командовал этим подразделением подполковник Г. П. Медведев, впоследствии известный организатор служебного собаководства, ныне генерал-майор в отставке.

Ночью на спас-коркодинские оборонительные позиции отошел из Клина 923-й стрелковый полк, а на рубеже Воронино, Спас-Коркодино развернулся артполк. Убедившись в их готовности к бою, я возвратился в 107-ю мотострелковую дивизию.

С утра 23 ноября на подступах к Клину завязалось исключительное по упорству сражение. Крупные силы танков и мотопехоты врага наступали на город со всех сторон, пытаясь завершить его окружение и разгромить наши войска, оборонявшиеся там. Весь день не смолкая грохотала артиллерия. Один за другим следовали налеты фашистской авиации. Периодически появлялись также наши штурмовики, бомбардировщики. Наиболее чувствительными для врага, как мы узнали несколько позже, оказались удары с воздуха по его боевым порядкам в районе Мисирево.

Войска левофланговой группы 30-й армии, несмотря на свою малочисленность, сопротивлялись натиску немцев героически. Тем не менее во второй половине дня танки и мотопехота противника вторглись в Клин. Началась яростная огневая дуэль на главной его улице. Местами она перерастала в рукопашные схватки. В то же время все теснее сжималось вражеское кольцо вокруг города.

Нельзя было допустить, чтобы там осталась и погибла хотя бы часть наших и без того ограниченных сил. С разрешения командарма в ночь на 24 ноября я начал отводить части и соединения на Воронино и Спас-Коркодино. Перед тем сам поочередно побывал во всех дивизиях, проследил, чтобы в каждой были выделены отряды прикрытия и арьергарды, усиленные артиллерией и танками,

позаботился о минировании всех возможных выходов противника из Клина на восток и северо-восток.

К утру 24 ноября 107-я мотострелковая и 58-я танковая дивизии отошли в район Воронино, 8-я танковая бригада и один стрелковый полк — в Спас-Коркодино, а 24-я и 18-я кавдивизии сосредоточились в лесу северо-восточнее Воронино в готовности нанести контрудар во фланг и тыл противнику в случае его дальнейшего продвижения.

Как только перегруппировка войск закончилась, я собрал командиров дивизий и отдельных частей, поставил каждому из них задачу, указал на ошибки, имевшие место в боях за Клин (главным образом это касалось придапной артиллерии, которая при появлении небольших групп вражеских танков преждевременно обнаруживала себя, открывая огонь с дальних дистанций).

Часам к десяти утра в Спас-Коркодино приехал армейский комиссар 1 ранга Л. З. Мехлис. Отсюда он имел возможность наблюдать в бинокль бой наших арьергардов, отходивших с восточной окраины Клина. Их надежно прикрывала огнем артиллерия с нового рубежа обороны. Вовремя подоспела и бомбардировочная авиация, не позволившая противнику организовать неотступное преследование.

Мехлис побывал в подразделениях и побеседовал со многими бойцами и командирами. Разговор шел о том, как важно отстоять столицу нашей Родины. Воины заверили его, что готовы отдать жизнь за Москву. И это были не пустые слова. В предшествующих боях они действовали поистине героически.

— А если все-таки немцы здесь прорвутся? — спросил меня Мехлис по возвращении на мой КП.

— В лоб не прорвутся, — заявил я. — Но обойти нас с левого фланга могут.

— И что тогда?

— Будем отходить на следующий рубеж западнее канала Москва — Волга с главным узлом сопротивления в поселке Рогачево.

— Погодите, погодите! — повысил голос Мехлис. — Этак вы дотопаете до самой Москвы.

Еще по службе на Дальнем Востоке мне хорошо была известна его вспыльчивость и болезненная подозритель-

ность. От этого пострадали многие командиры и политработники. Я как можно спокойнее пояснил:

— Мы, товарищ армейский комиссар, могли бы и не отходить, а драться в окружении. Но за нами-то пока никого нет.

Мехлис несколько остыл и даже предложил мне съездить с ним в Рогачево, посмотреть, как идут там оборонительные работы. Оставив за себя П. Г. Чанчибадзе, я поехал.

Вникнув в суть дела на месте, Мехлис совсем подобрел. Особое впечатление произвели на него колодезеобразные одиночные окопы, которые предстояло занять автоматчикам с собаками — истребителями танков.

Из Рогачево он позвонил начальнику Генерального штаба Б. М. Шапошникову, информировал его обо всем увиденном и под конец сказал:

— Сил в левофланговых дивизиях тридцатой армии осталось мало, но дерутся люди хорошо, маневрируют умело.

Затем телефонная трубка была передана мне. Я доложил начальнику Генштаба обстановку во всех подробностях, поблагодарил за присланных нам саперов.

— А где сейчас ваши кавалеристы? — спросил Борис Михайлович.

Я сообщил ему, где расположены 18-я и 24-я кавдивизии, сказал, для чего они предназначаются.

— Правильное решение, — одобрил маршал.

В 13 часов противник возобновил наступление. Двадцать его танков подорвались на наших минных полях, но остальные, преодолев минновзрывные заграждения, продолжали двигаться вперед. Еще двенадцать были подорваны бойцами из одиночных окопов с помощью собак. Большой урон нанесла немецким танковым подразделениям наша артиллерия, как та, что вела огонь прямой наводкой, так и действовавшая с закрытых позиций. Пять танков уничтожила бригада П. А. Ротмистрова, хотя у нее самой имелось тогда всего четыре танка.

Напряженные бои на спас-коркодинском рубеже продолжались два дня. Многократные попытки противника прорвать нашу оборону успеха не имели. Тогда, как я и предполагал, гитлеровцы крупными силами стали охватывать нас с флангов, и мы вынуждены были отойти на Рогачево. Это произошло в ночь на 26 ноября.

В самом Рогачево должны были занять оборону два стрелковых полка, 8-я танковая бригада и переданный в мое подчинение отряд Московской зоны обороны, численно небольшой, но имевший несколько десятков пулеметов и противотанковых ружей.

107-я мотострелковая дивизия, остатки 58-й танковой дивизии и 21-й танковой бригады, усиленные артиллерией и ротой истребителей танков с собаками, выходили на рубеж Коньково, Синьково, Ольгово. Этими силами прикрывались ближайшие подступы к Дмитрову и Яхроме. Понимая, что здесь мы обязаны удержаться любой ценой, я чуть позже вывел туда из Рогачево и 923-й стрелковый полк, проявивший исключительную стойкость в минувших боях.

А 18-й и 24-й кавалерийским дивизиям опять приказал укрыться в лесах, на этот раз между Воропино и Рогачево. Задача прежняя: наносить внезапные удары противнику во фланг и все время тормошить его тылы.

Рано утром 26 ноября в Рогачево опять приехал Л. З. Мехлис. Как всегда, мрачный и к тому же чем-то сильно разгневанный, он даже не захотел слушать меня, а прямо прошел к моему телефону, соединился с Б. М. Шапошниковым и сразу сорвался на крик:

— Тут безобразие, Борис Михайлович! Дмитровское направление открыто, а Хетагуров окопался в Рогачево с горсткой бойцов при трех танках Ротмистрова — и в ус не дует. Черт знает что творится!

Я стоял рядом и отчетливо услышал спокойный голос маршала:

— Полноте, Лев Захарович. Не надо нервничать. Надо разобраться. Вы разговаривали с Хетагуровым?

— Здесь он и пусть сам вам докладывает.

Мехлис резким движением подал мне телефонную трубку.

— Здравствуйте, товарищ Хетагуров! — тем же ровным голосом обратился ко мне начальник Генерального штаба. — Ну, каково там у вас положение?

— Докладываю, товарищ маршал. Главные силы левофланговой группы тридцатой армии с артиллерией отходят на рубеж Коньково, Синьково, Ольгово. Оборона там уже подготовлена. В Рогачево — около полутора тысяч бойцов, артиллерия, пулеметы, противотанковые ружья. Поселок укреплен, приспособлен к круговой обороне.

Минные поля с фронта прикрываются плотным артиллерийским и пулеметным огнем. Единственное беспокойство вызывает у меня дорога на Усть-Пристань: по ней нас можно обойти с севера. Выдвигаю на это направление восемнадцатую и двадцать четвертую кавдивизии с двумя батареями артиллерии.

Маршал Шапошников внимательно выслушал меня и сказал:

— Главное — не пустить немцев за канал. Надо продержаться еще немного. Скоро прибудет помощь.

— Товарищ маршал, будем драться до последнего дыхания, — ответил я. — Все сделаем, чтобы остановить фашистов, не допустить их к каналу...

Мехлис слушал этот разговор, прохаживаясь по комнате. А потом сам стал меня подбадривать, обещая скорую помощь. Из его слов я понял, что готовится решительный отпор захватчикам. Тут же выяснилась и причина его недавнего возбуждения: оказывается, он ехал из Дмитрова в Рогачево по единственной незаминированной дороге и не встретил там наших войск...

В 10 часов 30 минут 26 ноября к Рогачево приблизились передовые отряды противника, а еще через час началось наступление его главных сил. Против нас действовали части 6-й, 7-й танковых и 14-й моторизованной дивизий, а также 900-я бригада СС. Опять рвались на наших минах немецкие танки. Опять горели неприятельские автомашины и бронетранспортеры. Трижды в течение дня предпринимал враг фронтальные атаки и всякий раз откатывался с тяжелыми потерями.

С утра 27 ноября на нас обрушился огонь тяжелой артиллерии, усилились бомбардировки с воздуха. Гитлеровцы начали обходить Рогачево с востока и вбили клин между войсками, оборонявшими этот город, и 107-й мотострелковой дивизией. Враг явно стремился расчленить и уничтожить наши войска по частям.

«Что делать? — напряженно размышлял я. — В Рогачево можно продержаться наличными силами еще несколько дней: поселок подготовлен к круговой обороне. Но, блокировав нас здесь, противник неминуемо нанесет удар главными силами по войскам, обороняющимся на рубеже Коньково, Синьково, Ольгово, и, вероятно, его танки прорвутся тогда за канал Москва — Волга». Вспомнил разговор с маршалом. Он подчеркнул, что главная наша

задача — не пустить немцев на восточный берег канала. Я дал слово выполнить ее во что бы то ни стало, значит, выбора у меня нет.

После мучительных размышлений решил оставить Рогачево и отходить на последний перед каналом рубеж.

Связался по радио с Чанчибадзе.

— Порфирий Григорьевич, — говорю ему, — немцы обошли Рогачево, перехватили дорогу на Дмитров между мною и вами. Поодиночке нам не устоять. Отвожу войска из Рогачево к вам.

— Другого выхода и я не вижу, — согласился со мной Чанчибадзе.

— В таком случае приказываю нанести удар по противнику, прорвавшемуся севернее дороги на Дмитров, а мы при отходе будем крушить все, что есть у немцев южнее этой дороги.

Согласовали время удара и сумели нанести его синхронно. В скоротечном этом бою фашисты потеряли 14 танков, 12 бронетранспортеров, до 400 солдат и офицеров. Наши потери составили 12 человек убитыми и 17 ранеными.

Соединившись с главными силами подчиненных мне войск, я объехал на машине все части, призвал бойцов, командиров и политработников мужественно отстаивать каждый окоп, каждую огневую позицию.

— Отходить некуда, — говорил я. — За каналом для нас земли нет. Родина приказывает остановить врага здесь, и мы должны выполнить этот приказ.

С напряженным вниманием слушали меня верные боевые товарищи, и лица их, почерневшие за эти дни, выражали неколебимую решимость.

Гитлеровцы уже видели в свои бинокли канал Москва — Волга, город Яхрому — на западном его берегу и Дмитров — на восточном. Враг остервенело бросался в атаки, но всякий раз мы выдерживали его натиск. У нас даже раненые бойцы, способные держать в руках оружие, не покидали поле боя. Вдохновляли бойцов, укрепляли их боевой дух отличные действия приданных нам двух батарей «катюш». Опять отличились и наши конники: в критические моменты боя они лихо вырывались из лесов, наносили свои неотразимые удары по пехоте противника и снова исчезали в лесах.

Немецко-фашистское командование стремилось деморализовать нас почти беспрерывными налетами авиации. В дело пошли даже 500-килограммовые фугасные бомбы. Но и это не помогло. В полевых условиях больших потерь войскам такие бомбы не причиняли. Правда, несколько человек было контужено. Взрывной волной тряхнуло и меня, отбросило метров на пятнадцать, однако только оглушило и растревожило раненую руку.

Во время одной из таких бомбежек, 28 ноября, к нам прибыл командующий 30-й армией Д. Д. Лелюшенко. От него мы узнали, что и на правом фланге армии фашисты не сумели форсировать Волгу. И еще одним сообщением порадовал нас командарм.

— Еду в Дмитров, — сказал он, — туда уже прибывает подкрепление — первая ударная армия...

Угасал короткий день предзимья. Крепчал мороз. Темнело. А на душе было тепло и светло: задача выполнена, враг остановлен с немалыми для него потерями. Только в боях под Рогачево и Дмитровом уничтожено более 2000 неприятельских солдат и офицеров, 70 танков, 25 арторудий, 60 пулеметов. А сколько сожжено автомашин... Этого мы не могли подсчитать даже приблизительно.

Проводив в Дмитров командарма, я задержался ненадолго у входа в свой блиндаж с группой ближайших помощников. Стояли, обменивались мнениями о только что закончившихся боях. Наслаждались тишиной, от которой успели отвыкнуть. Вдруг в тишине послышалось урчание автомобильного мотора. Все оглянулись. Машина приближалась со стороны Дмитрова. В нескольких шагах от нас шофер резко затормозил. Открылась дверца, из машины вышел генерал Иван Павлович Камера. Бывший командир копартдива 5-й Кубанской кавбригады являлся теперь, как мне уже было известно, начальником артиллерии Западного фронта.

— Везет мне! — бросился я к генералу.— Недавно встретил Рокоссовского, а сейчас вот — вы!

— Не радуйся! — мрачно прервал меня Камера. — Почему сдал без приказа Рогачево? Знаешь, что за это полагается!.. Командующий фронтом послал разобраться.

Я стал приводить свои доводы. Иван Павлович как будто и принимал их, но держался по-прежнему строго и даже, я бы сказал, отчужденно.

— Следовало доложить командарму, — напирал он.

— У меня же узел связи бомбами разбило, а все решали минуты... Спросите у людей, — кивнул я на стоявших поодаль командиров. — Они вам расскажут, какова была обстановка.

Генерал Камера подошел к Чанчибадзе, поздоровался и начал расспрашивать, при каких обстоятельствах мы оставили Рогачево.

— Если уж наказывать, так всех нас вместе, — сразу отрезал тот. — Спасибо надо сказать Георгию Ивановичу, а то бы вам не пришлось разговаривать с нами. Доложите это наше мнение командующему фронтом.

И. П. Камера уехал. Что он докладывал, не знаю, только сразу вслед за ним появился у нас член Военного совета фронта В. Е. Макаров. После беседы с командующим армией, а также с командирами частей и соединений он пригласил меня и пожал руку:

— Молодец! Правильно сделал. Не побоялся ответственности.

А еще днем позже позвонил начальник штаба фронта генерал-лейтенант В. Д. Соколовский:

— Как дела, казак? Руководишь штабом армии, а ко мне не показываешься.

— Боюсь, — ответил я в тон ему.

— Можешь теперь не бояться. Полностью реабилитирован. Как только разберетесь там с левым соседом, приезжай. Надо поговорить.

Генерал Соколовский имел в виду передачу части наших позиций 29-й стрелковой бригаде 1-й ударной армии. С командиром этой бригады я уже встречался. Молодой, одетый во все новенькое подполковник держался очень самоуверенно. Сказал, что на позиции нашего 923-го стрелкового полка и дивизиона 76-миллиметровых пушек он намерен поставить один свой батальон с батареей 45-миллиметровых орудий.

— И только! — удивился я. — Не маловато ли?

— Да что вы! У меня ж какие орлы!

— Видел. Ребята бравые. Но еще не обстреляны... Давайте поступим так: запросим разрешение командарма оставить на месте наш полк и дивизион хотя бы до завтрашнего утра, пока вы подтянете всю свою бригаду. Люди у нас обстрелянные, пушки помощнее.

— Что ваш полк, когда за мной целая армия! — рассмеялся весело подполковник.

— А все же доложите своему командующему армией о нашем разговоре, — настаивал я.

— Не могу, — решительно возразил он. — Мне приказано сменить вас сегодня, а приказы не обсуждаются...

Расплата за беспечное молодечество этого подполковника оказалась очень тяжелой. В ночь на 28 ноября передовой отряд противника стремительным броском ворвался в Яхрому, захватил мост и переправился на восточный берег канала. Всю ночь шла перестрелка. На рассвете к немцам, переправившимся через канал, подошло подкрепление, и они развили успех: захватили Перемилово, Ильинское и Б. Семешки. Создалось кризисное положение. Лишь вводом в бой бронепоезда, а также 29-й и 50-й стрелковых бригад 1-й ударной армии, при энергичной помощи 30-й армии с севера, враг был отброшен на западный берег канала, однако Яхрома осталась в его руках. Притом, на мой взгляд, совершенно без надобности были взорваны Яхромский и Дмитровский мосты, что потом значительно осложнило наше контрнаступление.

В эти же дни нашлась наконец группа войск генерала Ф. Д. Захарова, которую мы безуспешно разыскивали, ведя бой за Клин. Она, оказывается, была окружена противником в районе Каменка, Федоровка. После выхода этих войск из окружения их передали в состав 1-й ударной армии.

К концу ноября 1941 года гигантская битва на полях Подмосковья вступила в решающую фазу. Немецко-фашистское командование израсходовало все свои оперативные резервы. Советские войска — в том числе наша 30-я армия — в самоотверженных схватках с врагом сломили его ударную силу и выиграли время, необходимое нашему Верховному Главнокомандованию для подтягивания из глубины страны мощных стратегических резервов. На подступах к Москве, как в давнее лихолетье, собиралась грозная рать, готовая разгромить и отбросить полчища иноземных захватчиков.

1 декабря Д. Д. Лелюшенко и член Военного совета армии Н. В. Абрамов были вызваны в штаб Западного фронта. Командующий фронтом генерал армии

Г. К. Жуков ознакомил их с замыслом предстоящего контрнаступления, в котором 30-й армии отводилась важная роль. Ее войска занимали исключительно выгодное оперативное положение. Они нависали над левым флангом и тылом главной вражеской группировки северо-западнее Москвы, угрожая ударом на Клин перерезать основные коммуникации противника. Учитывая это, командование фронтом значительно усиливало нашу армию. Ей передавались четыре свежие стрелковые дивизии, сформированные на Урале и в Сибири, а также еще одна кавалерийская дивизия под командованием полковника Н. В. Горина. Кроме того, армия пополнялась маршевыми подразделениями, получила 927-й и 695-й артиллерийские полки, 24-й и 30-й отдельные дивизионы гвардейских минометов. Для нас было занаряжено большое количество автоматического стрелкового оружия, изготовленного на московских заводах.

Все это следовало принять и распределить в крайне ограниченный срок. Потребовалась четкая организация армейского и войскового тыла, значительно ослабленного и расстроенного в ходе тяжелых оборонительных боев. Надо было немедленно восстановить все тыловые подразделения и службы, максимально приблизить к войскам склады, избрать и подготовить пути подвоза материальных средств.

Менее чем за неделю нам удалось сделать очень многое. С армейской станции снабжения Савелово грузы доставлялись железнодорожными летучками в Талдом, Вербилки, к платформам Соревнование и Бол. Волга, а оттуда отправлялись в войска автомобильным и гужевым транспортом. Значительная часть грузов перевозилась автомобильными колоннами непосредственно из Москвы.

К началу наступления у нас имелось в среднем по 1,5 боекомплекта снарядов и патронов. Этого, конечно, было маловато, но мы надеялись, что в ходе операции приток боепитания возрастет. Запасы же бензина составляли по три заправки на каждую автомашину, что вполне обеспечивало нормальную работу армейского транспорта в течение 7—8 дней. Хуже обстояло дело с дизельным топливом для танков, которое надлежало подвозить с московских баз.

Заготовки продовольствия и фуража производились в основном за счет местных ресурсов. Большую помощь в

этом оказывали нам партийные и советские организации Конаковского и Рождественского районов, а также городов Талдом, Кимры, Калязин и Кашин. Они передали армии большое количество зерна, обеспечили размол его и выпечку хлеба. У нас появился свой гурт скота, сполна удовлетворявший потребности войск в мясе.

Кимрские, талдомские, калязинские, кашинские валяльные мастерские изготовили для нас 12 000 пар валенок. Швейные фабрики пошили несколько тысяч телогреек, ватных брюк, шапок, рукавиц и до 15 000 белых маскхалатов. Большое количество теплой одежды и зимней обуви прислали москвичи. Все это пошло на переобмундирование старых наших соединений и частей, новые же прибыли уже обмундированными по-зимнему.

Немалых забот потребовало строительство переправ. Хотя канал и замерз, но топкий лед не мог выдержать тяжелую технику. За пять суток с помощью местного населения было возведено 8 мостов. Кроме того, для танков соорудили наплавную переправу длиною 86 метров, усиленную бревнами и рельсами.

Одновременно штаб армии спешно разрабатывал оперативные документы и осуществлял руководство перегруппировкой войск.

Задача перед нами стояла сложная: противник все еще значительно превосходил 30-ю армию в технической оснащенности.

Принято считать, что для обеспечения успеха в наступлении необходимо иметь не менее чем полуторное превосходство над противником в силах и средствах. У нас этого не было. Но наши войска превосходили врага в морально-боевом отношении. Мы защищали свою Родину, свою землю, имели крепкий тыл, опирались на несокрушимую волю к победе всего советского народа. А у гитлеровцев, напротив, после двукратного провала их наступления на Москву моральный дух резко понизился, в глубоком их тылу бушевало пламя партизанского движения.

Командующий армией решил наносить главный удар четырьмя свежими стрелковыми дивизиями (365, 371, 379, 363-й) и двумя танковыми бригадами (8-й и 21-й) с плацдарма южнее Конаково, Иваньково. Справа ударную группировку обеспечивали 185-я стрелковая и 82-я кавалерийская дивизии, наступавшие в направлении Демидо-

во. Еще правее, вдоль северного берега Московского моря, действовали 46-я кавалерийская и 107-я мотострелковая дивизии. Им приказывалось прежде всего воспрепятствовать подходу вражеских резервов со стороны Калинина. В последующем 107-я мотострелковая и 82-я кавалерийская дивизии, усиленные 145-м отдельным танковым и двумя лыжными батальонами, должны были составить группу развития успеха на направлении главного удара.

Вспомогательный удар наносила левофланговая группа армии в составе 348-й стрелковой дивизии, 923-го стрелкового полка, 18-й и 24-й кавалерийских дивизий. Ей надлежало отбить у противника Рогачево, Воронино, Спас-Коркодино и в дальнейшем наступать на восточную окраину Клина. Возглавить эту группу предложили мне.

Атаковать противника решили без предварительной артиллерийской подготовки. Он ведь фактически не имел стабильной, сплошной обороны, а занимал лишь населенные пункты, превратив их в узлы сопротивления. Из показаний пленных мы знали, что гитлеровцы не настроены обороняться, а подтягивают силы для нового броска вперед. С этой целью к Рогачево выдвигалась 900-я моторизованная бригада СС. Нашего наступления немцы не ждали.

В этих условиях незачем было тратить на артподготовку все еще дефицитные снаряды и в какой-то мере лишать себя преимущества внезапного удара по врагу. Куда выгоднее атаковать его втихую, ночью — захватить врасплох.

Всю противотанковую и дивизионную артиллерию предполагалось поставить на лыжи и использовать в качестве непосредственного сопровождения пехоты. Начало атаки назначили на 5 декабря, за три часа до рассвета.

Этот наш план операции был утвержден командующим фронтом без каких-либо изменений. Пока в войсках заканчивалась подготовка к его осуществлению, я по делам службы побывал в Москве. Пользуясь случаем, заглянул к начальнику Главного артиллерийского управления Н. Д. Яковлеву.

Николай Дмитриевич встретил меня с распростертыми объятиями.

— Слышал. Устояли герои. Поздравляю, — сыпал он обычной для него скороговоркой.

Я тотчас воспользовался добрым его расположением,

рассказал, какую нелегкую задачу возложили на меня, и попросил:

— Помогите артиллерией, снарядами, чем можете.

— Рад бы, Георгий Иванович, но каждая пушка на учете у Верховного Главнокомандующего, — отрицательно покачал головой генерал.

— Ну посудите сами, — продолжал настаивать я, — как можно наступать против танковых частей без артиллерии.

— Хорошо. Иди пообедай, — сказал он. — Попытаюсь что-нибудь сделать.

Через полчаса я снова был у Яковлева.

— Ох и настырный же ты, друг мой! — улыбнулся Николай Дмитриевич. — Будет у тебя полностью укомплектованный артиллерийский дивизион. Сегодня же направят в район Дмитрова.

— Только и всего?

— Вон как?! — удивился Яковлев. — Это же шестнадцать орудий: по две батареи 76-миллиметровых пушек и 122-миллиметровых гаубиц! Спасибо должен сказать... Да, вот еще наряд на двести пятьдесят автоматов. Немедленно поезжай за ними на автозавод имени Сталина. И больше не проси...

В отделе сбыта автозавода пожилая женщина придирчиво рассмотрела поданную ей бумагу и повела меня в подвальное помещение, приспособленное для пристрелки оружия. Автоматы пристреливали мальчики в возрасте 14—15 лет, которые вмиг окружили меня. Один из них, курносый, в большом, не по росту, пальто, заикаясь от волнения, спросил:

— Дядь, а нас на фронт не возьмешь?

— Рано, сынок, — погладил я его по вихрастой голове. — Вы нужны здесь. Автоматы пристреливать тоже ведь нужно кому-то...

С завода я уезжал, до глубины души тронутый этой случайной встречей.

На пути к Дмитрову все время обгонял колонны войск — сосредоточивалась 1-я ударная. А у себя в штабе застал смятение. Начальник оперативного отдела обычно невозмутимый полковник Бусаров взволнованно доложил, что предназначенные нам сибирские и уральские дивизии, коим предстоит действовать на главном направлении, к установленному сроку сосредоточиться в исходных райо-

нах не успеют. Они еще находятся на марше, а 363-я даже в эшелонах, только приближающихся к Загорску.

Я пошел к командарму. Обсудили создавшееся положение, доложили командующему фронтом. Генерал армии Г. К. Жуков явно был недоволен этой задержкой, но, сознавая, что нашей вины в том нет, разговаривал с Д. Д. Лелюшенко довольно сдержанно и разрешил перенести начало нашего наступления на 6 декабря.

В полдень 5 декабря я выехал в штаб 348-й стрелковой дивизии, сосредоточившейся двумя полками восточнее Рогачево. Туда же было приказано прибыть командирам 18-й и 24-й кавалерийских дивизий — генералу П. С. Иванову и подполковнику А. Ф. Чудесову. Обоих кавалерийских командиров я хорошо знал и высоко ценил, хотя по складу характера они были далеко не одинаковы: Иванов при всей своей опытности был очень осмотрителен, Чудесов же — порывист, лих, бесстрашен. А вот командира 348-й стрелковой дивизии полковника Анисима Стефановича Люхтикова мне еще не приходилось видеть в бою.

К моему приезду в штабе этой дивизии собрались все, кто требовался. Люхтиков доложил о готовности к выполнению боевой задачи. Приземистый, плотно сбитый, неторопливый в движениях, он при первом знакомстве показался мне несколько флегматичным, хотя в действительности это был на редкость энергичный, волевой командир.

— Как настроение, полковник? — спрашиваю его.

— В пределах нормы, — невозмутимо отвечает он.

— А в войсках?

— Боевое! — ответил за него комиссар К. В. Грибов.— Утром в частях состоялись партийные и комсомольские собрания, потом — митинги личного состава. Все горят желанием беспощадно громить фашистов.

— Что вам известно о противнике? Где начальник штаба дивизии?

Встал молодой, подтянутый майор Я. Ф. Иевлев. Развернул карту. Из его доклада следовало, что никаких существенных изменений в положении и поведении противника за последние сутки не произошло.

Ничего нового не добавили и кавалеристы. А. Ф. Чудесов, смеясь, рассказывал:

— Мои казачки́ прошлой ночью приволокли здоровенного фрица. Пугало огородное! Напялил на себя женское

пальто. Голову и ноги обмотал тряпками. Привели его ко мне во всей «красе», и никак не пойму: то ли он пританцовывает с мороза, то ли трясется от страха...

Наши кавдивизии, сосредоточенные в лесу северо-восточнее Рогачево, приводили себя в порядок, бойцы кормили лошадей, ставили на полозья и крестьянские сани орудия, тяжелые пулеметы.

Нравились мне конники. И я очень сожалел, что в начале войны некоторые общевойсковые командиры неправильно использовали кавалерийские части и соединения, ставили их в оборону наряду с пехотой или бросали в конном строю против механизированных войск противника. В результате кавалерия несла напрасные потери, особенно в конском составе.

У нас в 30-й армии конница была в почете и действовала хорошо. Особенно на последнем оборонительном рубеже перед каналом Москва — Волга. Как только гитлеровцы усиливали нажим на нас с фронта, конники немедленно наносили удары по их тылам, громили вражеские штабы, взрывали склады, разрушали линии связи.

...Поочередно выслушав всех трех командиров дивизий, я ознакомил их с планом операции левофланговой группы. Вопросов по плану не последовало. Только А. С. Люхтиков заметил:

— Обижаете вы моего Захарова. Ему тоже хотелось бы наступать в первом эшелоне.

Командиры двух стрелковых полков майоры И. П. Захаров и А. А. Куценко стояли рядом с ним. Я посмотрел на них. Оба молодцы — как на подбор.

— Не обижаю, — ответил я Люхтикову, — а ставлю товарища Захарова на ответственный участок. Ему предстоит развивать успех всей группы.

В первом эшелоне у нас должны были наступать три стрелковых полка, в том числе 1170-й полк из дивизии Люхтикова. 18-й и 24-й кавалерийским дивизиям предстояло лесами обойти Рогачево с северо-запада и перерезать шоссе на Клин. Артиллерии тем временем следовало открыть огонь по восточной окраине города и положить там по три снаряда на каждый погонный метр неприятельской обороны.

Чудесова и Иванова я не стал задерживать — с наступлением темноты их дивизиям надо было уже начинать движение в обход Рогачево. А с остальными напра-

вился на НП Люхтикова, оборудованный в лесу восточнее Рогачево.

Надвигались сумерки, но в бинокль хорошо еще просматривался передний край обороны немцев. Справа и слева от дороги на Рогачево видны были по два орудия. Чуть в глубине — три танка. Я приказал Люхтикову послать туда ночью разведчиков, без выстрела перебить расчеты и развернуть орудия в сторону противника.

— К каждому захваченному орудию необходимо поставить наших артиллеристов. Это ваша забота, Николай Николаевич, — сказал я прибывшему вместе со мной подполковнику Олешеву.

Осталось у меня время и для личного знакомства с бойцами 348-й дивизии. Одетые в новенькие полушубки, шапки-ушанки и добротные валенки, они выглядели бодро и держались с достоинством. У многих рукавицы были заткнуты под ремни. Взглядом указываю на голые руки:

— Не холодно?

— Да мы ж уральцы! Для нас это не мороз.

— А как ориентируетесь в ночное время?

— С пути не собьемся, — дружно отвечали бойцы.

Заглянул и к артиллеристам. Все заняты делом: хлопочут у орудий и возле лошадей, заботливо укрытых попонами.

— Не отстанете от пехоты? — обращаюсь к рослому командиру расчета.

— Не должно быть. Кони у нас в теле, да и у самих силенки есть, где надо, подтолкнем, — широко улыбается сержант.

К ночи мороз усилился. В низких облаках появились просветы — там мерцали звезды. А над Рогачево небо вдоль и поперек исполосовано осветительными ракетами и трассирующими пулями. Так же, впрочем, как и вчера, и позавчера...

Ровно за три часа до рассвета мы перешли в наступление. Бойцы передовых отрядов, одетые в белые маскировочные халаты, бесшумно скрылись в заснеженном поле.

Я следовал с полком майора Куценко. Напряженно всматривался и вслушивался, стараясь угадать, что происходит впереди. Да так и не угадал, когда там наши расправились с боевым охранением врага.

Однако ворваться в Рогачево с ходу все-таки не удалось. Глубокий снег затормозил движение главных сил.

Противник успел опомниться и принять меры, чтобы удержать поселок. Завязался огневой бой. С рассветом появилась немецкая авиация. До вечера мы сумели овладеть лишь первой траншеей противника. И то не всей: в ней продолжались еще рукопашные схватки.

Меня очень беспокоило отсутствие вестей от кавалеристов. Только 8 декабря стало известно, что 18-я и 24-я кавалерийские дивизии заняли северо-западнее Рогачево деревни Кочергино, Жирково, Софрыгино и тем самым создали возможность для перехвата шоссе на Клин. Это заметно ослабило сопротивление противника в Рогачево и позволило 923-му стрелковому полку прочно закрепиться на северной окраине поселка.

Я потребовал от Иванова и Чудесова решительнее выдвигаться к шоссе, минировать его и держать под огнем имевшихся у них двух артиллерийских батарей. В результате противник вынужден был пользоваться для отвода своих войск из Рогачево другой, менее удобной дорогой в полосе 1-й ударной армии.

Получив данные об этом, мы усилили натиск. 923-й и 1170-й стрелковые полки ворвались в центр Рогачево и уже через несколько часов освободили поселок. Значительный урон нанесли они 900-й бригаде СС и наголову разбили 118-й полк 14-й моторизованной дивизии немцев. Всего за три дня боев левофланговые части 30-й армии, не имея ни одного танка, уничтожили 15 немецких да еще 11 захватили исправными. В числе наших боевых трофеев оказались также 14 арторудий разных калибров, 20 автомашин, 50 мотоциклов, 4 склада с боеприпасами.

Из поселка Рогачево мне удалось установить связь со штабом армии. Полковник Бусаров доложил, что на главном направлении и правом фланге наступление тоже развивается успешно. Части 365-й стрелковой дивизии под командованием полковника М. А. Щукина и 8-я танковая бригада во главе с полковником П. А. Ротмистровым устремились к Ямуге. 371-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Ф. В. Чернышева, взаимодействуя с 21-й танковой бригадой подполковника А. Л. Лесового, овладела поселком Борщево и продвигается в направлении Бирево, Теряева Слобода (12—15 километров севернее Клина). В районе Ватолино наши танкисты разгромили штаб немецкого полка, захватили его знамя, полностью уничтожили мотоциклетную роту и ар-

тиллерийский дивизион. На поле боя противник бросил 9 орудий, 18 станковых пулеметов, 50 автоматов, 3 миномета, 3 радиостанции, много снарядов, мин и патронов. В Непейцево 21-я танковая бригада истребила до батальона вражеской пехоты.

Энергичное наступление на Клин создало реальную угрозу коммуникациям 3-й и 4-й танковых групп противника. Немецкое командование прилагало все усилия, чтобы отразить наш удар на этом направлении и сохранить за собой возможность беспрепятственного движения по основным своим коммуникациям и рокадам. В район Клина спешно перебрасывались новые танковые и моторизованные части, а сам город готовился к круговой обороне. Такое же важное значение придавали гитлеровцы удержанию Солнечногорска и Истры.

Учитывая это, командующий Западным фронтом Г. К. Жуков потребовал от командующих 30-й, 1-й ударной, 20-й и 16-й армий форсировать наступление. В каждой из этих армий надлежало спешно сформировать сильные подвижные группы из танков, конницы и автоматчиков для выхода на тылы противника и уничтожения там складов горючего и боеприпасов, артиллерийской тяги, транспортных средств.

В 30-й армии подвижная группа составилась из 107-й мотострелковой и 82-й кавалерийской дивизий, 145-го отдельного танкового, 2-го и 19-го лыжных батальонов. Возглавил ее полковник П. Г. Чанчибадзе. Перед ним стояла задача: развить удар в обход Клина с северо-запада, перехватить шоссе в районе Теряевой Слободы и отрезать противнику пути отхода на Волоколамск. Одновременно генерал Лелюшенко решил ввести в бой свежую 379-ю стрелковую дивизию под командованием полковника В. А. Чистова, находившуюся до того во втором эшелоне. Она стремительным броском захватила Завидово, Спас-Заулок, Решетниково и тем самым облегчила 107-й мотострелковой дивизии переправу по льду через Московское море. Однако перед Чанчибадзе возникли новые трудности. Приданные ему лыжные батальоны оказались недостаточно подготовленными, танки с трудом пробивались через снега метровой толщины и сплошные лесные массивы. Действия нашей подвижной группы проходили в замедленном темпе.

9 декабря войска 30-й армии вышли на ближайшие

подступы к Клину, полуокружив город с севера, северо-востока и юго-востока. Гитлеровцы яростно отбивались, часто контратаковали, используя свое подавляющее превосходство в танках. Некоторые населенные пункты (Спас-Коркодино, Щапово) неоднократно переходили из рук в руки.

Наконец 8-я танковая бригада полковника П. А. Ротмистрова во взаимодействии с 365-й стрелковой дивизией заняла Ямугу и завязала бои на подступах к Полуханово и Голядям. Командующий армией поставил перед этими двумя соединениями задачу: ночью прорваться через Голяди на юго-запад и перерезать шоссе на Высоковск.

К 6 часам утра 10 декабря эта задача была выполнена. Батареи 927-го и 542-го артиллерийских полков открыли огонь по аэродрому и колоннам противника, отходившим из Клина. Стремясь закрепить успех, командарм направил сюда 21-ю танковую бригаду, 2-й мотострелковый и 46-й мотоциклетный полки.

В то же время левый фланг армии при поддержке штурмовой и бомбардировочной авиации энергично пробивался вперед южнее и юго-западнее Клина, завершая окружение клинской группировки врага. Огорчало, что войска 1-й ударной, которые тоже должны были принять участие в боях за Клин, несколько запаздывали с выходом сюда. Тесного и непрерывного взаимодействия с ними установить не удавалось, хотя и принимались для этого все зависящие от нас меры.

Чем ближе мы подходили к городу, тем больше возрастало сопротивление. На подступах к нему противник имел сильные опорные пункты. Вокруг Клина были отрыты траншеи и окопы полного профиля, прикрытые минными полями и проволочными заграждениями в несколько рядов.

А командующий фронтом требовал, чтобы и мы, и 1-я ударная армия к 16 декабря вышли главными силами на рубеж Тургиново, Покровское, Теряева Слобода. Одновременно командармы Д. Д. Лелюшенко и В. И. Кузнецов получили от Г. К. Жукова следующее указание:

«1. Частью сил армий на ваших смежных флангах 13.12 завершить полное окружение немцев в районе Клина и пленить их.

2. Посредством самолетов, парламентеров, громкоговорителей немцам, находящимся в Клину, предложить сдачу, обещав им сохранение жизни. В противном случае истребить их до единого.

3. Исполнение под личную ответственность командармов».

На то, что противник примет наш ультиматум, надежд было мало, а главные силы 30-й армии уже втянулись в ожесточенные бои за Клин. Я доложил об этом начальнику штаба фронта генерал-лейтенанту В. Д. Соколовскому. Василий Данилович отнесся к моему докладу с пониманием, но в свою очередь разъяснил мне, что задержка с ликвидацией противника в Клину ставит под угрозу развитие успеха на всем правом крыле Западного фронта.

— Нельзя допустить, — продолжал он, — чтобы клинская группировка врага избежала полного разгрома и закрепилась где-либо западнее Клина, скажем, на рубеже Теряева Слобода, Волоколамск.

— Не допустим, — заверил я Соколовского.

— Надо хотя бы конницу выбросить в район Теряевой Слободы, — посоветовал он. — Направьте-ка туда Иванова и Чудесова.

— Эти дивизии ведут бой юго-западнее Клина, и вытащить их невозможно, — ответил я. — На Теряеву Слободу наступает наша подвижная группа. Она находится в тринадцати километрах от этого пункта. Постараемся выделить в помощь ей дополнительный отряд. Вас же просим подтолкнуть правый фланг Первой ударной, которая, по существу, не участвует в окружении Клина...

Тем временем командарм принял решение: ввести в бой 35-ю танковую бригаду полковника В. Ф. Минаева и оказать максимальную поддержку подвижной группе полковника П. Г. Чанчибадзе силами трех наших дивизий, действовавших на правом фланге, в полосе Тургиново, Покровское. Когда это решение обрело форму приказа и было доведено до исполнителей, я выехал в село Русино, где размещался штаб левофланговой группы. Стояла глубокая ночь. Чуть левее нас, перед фронтом 1-й ударной армии, холодное, усыпанное звездами небо подсвечивалось заревом пожарищ. Очевидно, гитлеровцы жгли деревни, стога сена и соломы. А это означало, что они начали отход.

А. С. Люхтиков доложил, что его 348-я стрелковая дивизия овладела селом Напругово, а справа от нас 24-я и 18-я кавалерийские дивизии успешно продвигаются к Некрасино и вот-вот должны перехватить шоссе между Клином и Высоковском. Тут же он рассказал мне о подвиге младшего лейтенанта Николая Шевлякова. Взвод этого молодого командира был прижат к земле пулеметным огнем из дзота. Шевляков решил уничтожить огневую точку. С двумя бойцами он подполз к ней и забросал амбразуру дымовыми шашками. На некоторое время вражеский пулемет умолк, но, едва взвод поднялся, пулемет ожил вновь. Тогда Шевляков бросился вперед и закрыл амбразуру своей телогрейкой, но сам был убит *.

К утру 14 декабря поступило донесение от командира 24-й кавалерийской дивизии А. Ф. Чудесова. Под покровом ночи конники стремительно ворвались на южную окраину Клина, спешились там и завязали бой в самом городе. На помощь им поспешила 348-я стрелковая дивизия: она овладела юго-восточной окраиной. С севера наступали части 371-й стрелковой дивизии. Но противник все еще сопротивлялся. Кризис разрешился лишь в упорном ночном бою, а в полдень 15 декабря в центре города встретились два наших стрелковых полка — полковника В. И. Решетова из 371-й дивизии и майора И. П. Захарова из 348-й.

В этот день в боях за Клин противник потерял до 3 тысяч солдат и офицеров, 42 танка, 27 орудий, 67 пулеметов, 650 автомашин, 132 мотоцикла и много другого военного имущества. Остатки его разбитых частей устремились на Высоковск. Но путь им преградили наши танкисты и 365-я стрелковая дивизия. Бой вспыхнул с новой силой, и в ходе его мы тоже понесли чувствительный урон. Пал смертью храбрых командир 46-го мотоциклетного полка майор Миленький. Погиб командир 35-й танковой бригады полковник В. Ф. Минаев.

Клинская же группировка противника фактически перестала существовать. Ее потери составили: до 18 тысяч человек убитыми и ранеными, 164 танка, свыше 30 бронемашин, 340 орудий и минометов, 1770 автомашин, 472 мотоцикла, 9 радиостанций, более 1700 пулеметов и

* Впоследствии Николаю Степановичу Шевлякову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. — *Прим. ред.*

автоматов. Кругом, насколько хватало глаз, по дорогам и возле них громоздилась искореженная вражеская техника, лежали окоченевшие, полузанесенные снегом трупы в серо-зеленых шинелях.

Эту картину разгрома гитлеровцев сутки спустя после взятия Клина созерцал прибывший сюда с многочисленной группой корреспондентов зарубежных газет и агентств министр иностранных дел Англии А. Иден. Он только качал головой, удивленный огромными потерями немецко-фашистских захватчиков. Оценивая действия советских войск в битве за Москву, Иден воскликнул: «Подвиг этот поистине великолепен. Что можно еще сказать!»

Город Клин сильно пострадал от воздушных бомбардировок и артиллерийского обстрела. Большинство деревянных домов сгорело, кирпичные здания лежали в развалинах. Отступая, гитлеровцы взрывали больницы, школы, магазины, уничтожали фабрики и предприятия культурно-бытового назначения. Надругались над домом-музеем великого русского композитора П. И. Чайковского.

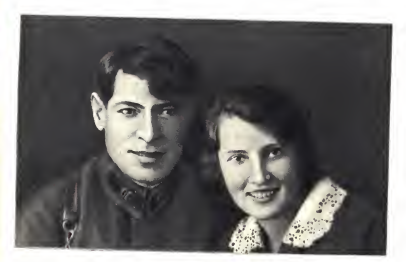
Я смотрел на следы этого варварского погрома и с ужасом думал: какой бы ущерб национальной культуре советского народа нанесли фашисты, если б им удалось ворваться в Москву! А ведь тогда мы еще не знали зловещих планов Гитлера в отношении нашей столицы. Нам и в голову не приходило, что он потребует стереть ее с лица земли, затопить водой, уничтожить не только исторические ценности, но и все население города, включая детей.

Мои размышления нарушил оперативный дежурный: он сообщил о срочном вызове к командарму. Отдав необходимые распоряжения Н. Н. Олешеву, я поспешил на командный пункт Д. Д. Лелюшенко и узнал там приятную новость: постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 8 декабря 1941 года мне было присвоено звание генерал-майора артиллерии, а командарму — звание генерал-лейтенанта. Кроме того, Дмитрий Данилович был награжден орденом Ленина. Повышались в званиях и награждались орденами и многие другие участники боев за Клин.

— Вот это хорошо! — сказал я, обращаясь к Лелюшенко. — Вероятно, в Москве догадались, что у нашего

Н. Н. Воронов (фото 1934 г.)

Георгий Иванович и Валентина Семеновна Хетагуровы (фото 1935 г.)

Михаил Иванович Калинин с группой награжденных командиров Красной Армии (август 1941 г.)

Во втором ряду второй справа — автор книги

командарма иссяк запас карманных металлических часов, которыми он награждал отличившихся.

— Для тебя и часы найдутся, — засмеялся Дмитрий Данилович.

— Спасибо, у меня еще хорошо ходят те, что подарил Константин Константинович Рокоссовский на Дальнем Востоке.

— Вы, товарищи генералы, зубы нам не заговаривайте, — пошутил в свою очередь член Военного совета армии Н. В. Абрамов, обращаясь ко мне, — с вас ведь причитается.

М. М. Бусаров будто только и ждал этого: моментально поставил на стол бутылку коньяку.

Не мастак на тосты и отнюдь не любитель спиртного, я на этот раз опередил всех:

— Выпьем, друзья, за нашу первую большую победу!

Чокнулись, выпили, и на этом мое посвящение в генералы закончилось. Всех нас ждали неотложные дела. Армия наступала — ею следовало управлять: ставить новые и новые задачи соединениям, контролировать выполнение отданных приказов и распоряжений, заботиться о материальном обеспечении боя и жизни войск. Последнее было сопряжено с особыми трудностями: тылы наши растянулись, снежные заносы на дорогах угрожающе снизили темп движения автомашин с грузами и даже гужевых обозов. Если нехватку боеприпасов мы могли еще восполнить частично за счет трофеев, то положение с продовольствием становилось критическим. В отбитых у противника населенных пунктах не осталось ничего съестного, а то, что осталось, было либо отравлено, либо испорчено бензином.

В каждой деревне, каждом селе нас встречали измученные голодом дети. Больно было видеть их страдания, и воины делили с ними свой и без того скудный паек...

Выполняя указания командования Западного фронта о неотступном преследовании недобитого врага, мы создали еще две подвижные группы: конную, в которую вошли 24-я и 18-я кавдивизии, и танковую, объединившую 8, 21 и 35-ю танковые бригады под общим командованием полковника П. А. Ротмистрова.

Ранее же созданная группа полковника П. Г. Чанчибадзе действовала уже в тылу противника, у Теряевой Слободы. Нам стало известно, что фронтовым командова-

нием планируется выброска в этот район воздушного десанта. Мы, конечно, уведомили об этом Порфирия Григорьевича, а также позаботились о доставке ему с помощью самолетов боеприпасов и продовольствия.

Совершенно неожиданно для нас 16 декабря последовала директива Ставки Верховного Главнокомандования о возвращении 30-й армии в состав войск Калининского фронта. Нужно было срочно устанавливать связь с другим фронтовым командованием, его органами управления и снабжения, что всегда хлопотно, а в данном случае оказалось еще и небезболезненно.

Командующий Калининским фронтом генерал-полковник И. С. Конев сразу же изменил нашу задачу. Армии было приказано: с рубежа реки Лама повернуть на северо-запад и нанести удар в направлении Шестаково, Бобынино, Бороздино. К исходу 18 декабря мы должны были достигнуть реки Лобь, а подвижными частями выйти в район Микулино Городище. 21 декабря надлежало овладеть уже рубежом реки Волга от Акишево до Старицы и таким образом перехватить пути отхода калининской группировки противника в южном и юго-западном направлениях.

Всем командирам дивизий было предложено в срочном порядке сформировать лыжные отряды и вооружить их автоматами, пулеметами, легкими минометами, противотанковыми ружьями. Отрядам этим следовало уже в ночь на 17 декабря просочиться в леса на западный берег Ламы и с утра атаковать противника с тыла.

Утром 17 декабря приступили к выполнению задачи и главные силы армии. День выдался безветренный, но очень холодный. Мороз достигал 35 градусов, но наши сибиряки и уральцы, казалось, не обращали внимания на лютую стужу. Сами увязая в снегу по колено, они еще помогали лошадям тянуть орудия и сани с боеприпасами, продовольствием, фуражом. Причем действовали спокойно, с шутками да прибаутками. Изумительная выносливость сибиряков и уральцев достойна была восхищения.

Бои за овладение рубежом Ламы приняли, однако, затяжной характер. Не всем дивизиям удалось сразу прорваться на западный берег реки. Сопротивление противника было упорным. Некоторые деревни по нескольку раз переходили из рук в руки. Активно действовала немецкая авиация. Лес стонал от разрывов бомб.

О напряженности боев на Ламе говорит уже то, что, по данным самих гитлеровцев, они в течение неполных пяти дней (с 17 по 21 декабря) потеряли здесь убитыми и ранеными 2500 солдат и офицеров. За этот же срок только в полосе 30-й армии было уничтожено или захвачено: 30 танков, 6 бронемашин, 47 арторудий, 77 минометов, 18 пулеметов, 490 автомашин, 92 мотоцикла.

Наконец к исходу 21 декабря 30-я армия совместно с правофланговыми армиями Западного фронта завершила прорыв обороны немцев на Ламе и передовыми частями вышла к реке Лобь.

На следующий день нам было приказано разворачивать армию с северо-западного направления на юго-запад и наносить главный удар уже не на Старицу, а на Зубцов, прорываясь подвижными частями в Погорелое Городище. Практически это означало для нас новую перегруппировку сил.

В результате таких «оперативных зигзагов» подвижная группа полковника П. Г. Чанчибадзе заблудилась в лесах и очутилась в тылу наших стрелковых соединений. В целом же наступление 30-й армии на зубцовском направлении развивалось еще медленнее, чем на Ламе. Опираясь на Лотошинский укрепленный район и используя более развитую здесь сеть дорог, противник создал на нашем пути прочную и глубокую оборону, широко маневрировал танками и мотопехотой.

В начале января 1942 года силами Калининского и Западного фронтов была предпринята Ржевско-Вяземская наступательная операция. У меня остались о ней самые горестные воспоминания.

По первоначальному плану Калининский фронт должен был нанести главный удар своей 30-й армией из района западнее Ржева и развивать его в направлении Сычевки и Вязьмы с целью окружения действовавшей там сильной группировки немецких войск. В прорыв на этом направлении предполагалось ввести кавкорпус, объединивший всю имевшуюся в распоряжении командующего фронтом конницу, а также бывшую 107-ю мотострелковую дивизию, которая стала уже 2-й гвардейской.

Двум другим армиям Калининского фронта — 29-й и 31-й — надлежало тем временем овладеть Ржевом. Еще

одна армия (22-я) нацеливалась на города Белый и Ярцево; ее главная задача — оградить ударную группировку от возможного контрудара противника с запада.

Все у нас, казалось, шло хорошо. 365-я стрелковая дивизия уже завязала бои за юго-западную окраину Погорелого Городища. К ней подтягивались 348-я и 379-я стрелковые дивизии, перехватившие железную дорогу и шоссе в районах Княжьих Гор и Шаховской. Части 371-й и 185-й стрелковых дивизий переправились по льду через реку Держа северо-восточнее Погорелого Городища. Танковая группа полковника Ротмистрова устремилась на Новоселово. И вдруг устное распоряжение командующего фронтом: перебросить всю армию — без танковой группы и конницы — в район севернее Ржева, а армейский командный пункт расположить в лесу северо-западнее деревни Петрищево.

Разъяснять, чем это вызвано, генерал-полковник И. С. Конев не стал, и Военный совет армии, не понимая, что происходит, направил шифровку Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину. Вместе с Лелюшенко и Абрамовым этот документ подписал и я. Мы докладывали, что соединения 30-й армии прошли с боями от 180 до 220 километров, что они значительно ослаблены, что в некоторых полках насчитывается всего по сотне бойцов. И выражали сомнение в целесообразности переброски армии с направления, где наметился успех, в иной район, удаленный от рубежа действий армии на 140—160 километров.

23 января, когда наши войска были уже на марше, командарм получил ответ И. В. Сталина. Верховный Главнокомандующий уведомлял, что в сложившейся обстановке он считает решение И. С. Конева правильным.

А обстановка складывалась так.

8 января войска 39-й армии прорвали оборону гитлеровцев на 15-километровом участке и вышли западнее Сычевки, где встретили упорное сопротивление. На помощь им была брошена 29-я армия. Но гитлеровцы, воспользовавшись растянутостью боевых порядков наших войск, 23 января встречными ударами из Ржева и Оленино закрыли узкий прорыв. 39-я и 29-я армии сами оказались в окружении. Теперь 30-й армии предстояло выручить их.

Армию усилили несколькими стрелковыми дивизиями и танковыми бригадами. Принимая их, я неожиданно

встретился с генерал-майором В. С. Андреевым — моим командиром на Пятигорских пехотных курсах в 1921 году. Владимир Семенович помнил меня буквально мальчишкой, а тут увидел убеленного сединой генерала.

Времени у обоих было в обрез, но мы все же вспомнили нашу совместную службу на Кавказе и обменялись фронтовыми новостями. Кстати, от него я впервые услышал о бессмертном подвиге Зои Космодемьянской.

...Противник, видимо, обнаружил сосредоточение 30-й армии и не замедлил атаковать ее. Однако наши войска ответили решительной контратакой и, нанеся немцам значительный урон, отбросили их в исходное положение. В этих первых боях севернее Ржева особо отличилась 143-я танковая бригада.

В течение февраля мы неоднократно пытались деблокировать 29-ю армию. Однако безрезультатно. Создавались разного состава ударные группы, сменялись командующие этими группами, а сломить сопротивление гитлеровцев мы не могли. Противник создал здесь глубоко эшелонированную оборону, до предела насыщенную огневыми средствами.

До 29-й армии оставалось преодолеть всего каких-нибудь 4—5 километров. Но это ничтожное, в сущности, расстояние невозможно было пройти без мощной артиллерийской и авиационной поддержки. А в тот отрезок времени мы испытывали острейший недостаток в боеприпасах. У окруженной 29-й армии снаряды вообще кончились, да и патроны были на исходе.

И все-таки она держалась на ограниченном пространстве, напоминавшем островок, — до 20 километров в длину и 10 километров в поперечнике.

Напряженные бои на северо-восточных подступах к Ржеву продолжались и весной и летом 1942 года.

Враг рвался тогда на Кавказ и к Сталинграду. Ставка Верховного Главнокомандования прилагала максимальные усилия, чтобы остановить и разгромить его на этих важнейших направлениях. Естественно, туда главным образом и направлялись людские резервы, боеприпасы, вооружение, боевая техника. В то же время и от войск, которые действовали на западном направлении, требовалось предельное напряжение сил. Они обязаны были не только надежно прикрыть Москву, но и сковать здесь как можно больше неприятельских дивизий. Видимо, так и нужно

понимать необходимость возобновления Ржевской операции в июле — августе 1942 года при крайне неблагоприятных погодных условиях.

Утром 24 июля я выехал в район Ново-Семеновское, Плотниково, откуда 30-я армия наносила главный удар. Передо мной открылась безрадостная картина. На огневые позиции артиллерии снаряды подавались вручную бойцами стрелковых полков. Образовался живой конвейер протяженностью в несколько километров. В ряде мест люди стояли в воде выше колен.

В таких тяжелейших условиях войска шаг за шагом пробивались вперед и в середине августа овладели основным опорным пунктом врага — Полунино.

А 22 августа последовал новый боевой приказ. 30-й армии предписывалось: шестью стрелковыми дивизиями, одной стрелковой бригадой и танковой группой (до 100 танков) при поддержке шести артиллерийских полков РГК нанести удар из Полунино в направлении Ноздрево, имея ближайшей задачей уничтожение противника в Бердихине, Зеленкине, Поволжье. В дальнейшем необходимо было форсировать Волгу и совместно с 29-й армией захватить город Ржев.

В течение четырех суток 30-я армия освободила несколько населенных пунктов, но в двух километрах от Ржева была остановлена. Сопротивление противника резко возросло, увеличилась плотность его артиллерийского и минометного огня, повысилась активность авиации.

Такое же упорное сопротивление неприятель оказывал и войскам 29-й армии.

Очередной директивой командующего фронтом от 26 августа задача овладения Ржевом возлагалась и на 39-ю армию. Наступление продолжалось. Однако успехи были незначительными.

Обороне Ржева противник придавал исключительное значение. За зиму, весну и лето он сильно укрепился здесь, создал даже железобетонные сооружения. Все подступы к городу прикрывались сплошными полями минно-взрывных заграждений. Пожалуй, впервые с начала войны советские войска натолкнулись здесь на тщательно подготовленную в инженерном отношении, до предела насыщенную огневыми средствами долговременную оборону немцев. Преодолеть ее можно было только после

многодневной артиллерийской и авиационной обработки. А у нас в то время такой возможности не имелось.

В наспех организованных атаках, при слабой артиллерийской поддержке, пехота и танки несли немалые потери. Дело доходило иногда до того, что из-за малочисленности стрелковых подразделений в боевые порядки ставились в качестве стрелков артиллерийские расчеты, связисты, химики, саперы, личный состав штабов и органов тыла.

Однажды в моем присутствии командующий фронтом приказал командиру 220-й стрелковой дивизии полковнику С. Г. Поплавскому лично возглавить атаку. Полковник сел в один из четырех имевшихся в его распоряжении танков и повел за собой стрелковые части. На беду, этот танк попал гусеницей в залитую водой глубокую траншею и сел днищем на грунт. Фашисты пытались захватить командира дивизии в плен. Он вместе с экипажем танка отбивался от них сначала из пушки и пулемета, а потом из автомата и гранатами. Только ночью удалось спасти его.

Узнав об этом, И. С. Конев потребовал отстранить Поплавского от командования дивизией. Я решительно встал на защиту Станислава Гиляровича:

— Товарищ командующий! Вы при мне отдавали ему приказание возглавить атаку. За что же его наказывать? Он с первых дней на войне, боевой, заслуженный командир, награжден двумя орденами Красного Знамени, второй раз сегодня ранен и контужен.

— Я не требовал, чтобы он забирался в танк, — возразил Конев, но тут же смягчился и уже спокойно спросил, серьезно ли ранен полковник.

Ему было доложено, что ранение не тяжелое, Поплавский останется в строю...

Этот частный как будто бы эпизод тоже по-своему характеризует драматичность обстановки, в которой протекала операция. Овладеть Ржевом в 1942 году нам так и не удалось.

ВСЕ ДОРОГИ ПОВЕЛИ В БЕРЛИН

В ноябре 1942 года генерал-лейтенанта Д. Д. Лелюшенко назначили под Сталинград командовать 1-й гвардейской армией. Исполнение обязанностей командарма 30 временно было возложено на меня, хотя до того мне уже объявили, что и я намечен к переводу на другой фронт.

30-я армия занимала тогда оборону под Ржевом и после долгих изнурительных боев приводила себя в порядок. Кроме активных разведывательных действий войска занимались боевой подготовкой, принимали пополнение, создавали резервы боеприпасов, продовольствия, фуража, ремонтировали оружие и боевую технику.

А мысли каждого из нас и всего советского народа были прикованы к невиданной по своему размаху и ожесточению битве на Волге.

Для профессиональных военных с каждым днем становилось все более очевидным решающее значение этой битвы для последующего хода, а может быть, и исхода войны. Стремясь овладеть Сталинградом, Гитлер направил туда одну из лучших своих армий — 6-ю полевую под командованием генерал-полковника Паулюса: с этим именем и с этой армией было связано вступление немцев в Париж. Сюда же, к Сталинграду, повернули с кавказского направления и главные силы 4-й танковой армии генерала Гота, который в битве под Москвой командовал 3-й танковой группой.

Со Сталинградом связывали свои честолюбивые планы и Муссолини, и профашистская правящая клика тогдашней Румынии. Не случайно оказались там 8-я итальянская и 3-я румынская армии.

Советские войска спутали их карты. Самоотверженно сражаясь за каждую пядь земли, за каждый дом, они остановили врага. На очереди было наше мощное контрнаступление. Необъяснимым «солдатским чутьем» я угадывал, что мне тоже доведется принять в нем участие, и всей душой рвался к этому.

Новый командующий 30-й армией В. Я. Колпакчи прибыл только в середине декабря. Еще неделя ушла на ознакомление его с войсками. Лишь 23 декабря я отправился в Наркомат обороны и в тот же день был принят генералом А. И. Антоновым. Алексей Иннокентьевич усадил меня, расспросил о самочувствии и тут же сообщил:

— Мы намечали вас на должность начальника штаба 1-й гвардейской армии, но теперь эта должность уже занята. Придется вам принять штаб 3-й гвардейской армии. Кстати, командует ею ваш старый знакомый товарищ Лелюшенко...

26 декабря я представился командующему Юго-Западным фронтом. Н. Ф. Ватутин внимательно выслушал меня, многозначительно улыбнулся и пошутил:

— А Дмитрий Данилович без вас жить не может. — Потом уже серьезно добавил: — Надо ехать в третью гвардейскую, там нужен начальник штаба, непременно знающий артиллерию.

Николай Федорович довольно обстоятельно рассказал о задачах Юго-Западного фронта и сложившейся к тому времени обстановке. В самом начале нашего контрнаступления под Сталинградом надо было прорвать оборону противника в районе Клетской, а затем подвижными соединениями развивать стремительное наступление на юго-восток, дабы совместно с войсками Сталинградского фронта завершить окружение 6-й полевой и 4-й танковой немецких армий. В дальнейшем Юго-Западному фронту надлежало нанести главный удар на юг в направлении Миллерово, Ростов и при содействии войск левого крыла Воронежского фронта отбросить противника от его окруженной сталинградской группировки на 150—200 километров, а заодно перерезать коммуникации 17-й полевой и 1-й танковой немецких армий, действовавших на Кавказе. Эта грандиозная операция имела кодовое название «Сатурн».

Юго-Западный фронт блестяще выполнил первую часть возложенной на него задачи. Его войска разгромили противника в широкой полосе от Вешенской до Клетской,

ликвидировали в районе станицы Распопинская главные силы двух румынских армейских корпусов и, развивая наступление по заснеженным донским степям, вышли на реку Чир. Дальнейшему помешала срочно созданная противником группа армий «Дон» во главе с генерал-фельдмаршалом Эрихом фон Манштейном, имевшая своей целью деблокировать фашистские войска, окруженные в Сталинграде. Манштейн, которого в гитлеровской Германии считали «мастером решения кризисных ситуаций», уже 12 декабря нанес контрудар в полосе 51-й армии Сталинградского фронта и прорвался на рубеж реки Мышкова.

В этих условиях Ставка внесла коррективы в план операции «Сатурн», приказав Юго-Западному фронту переместить свои усилия на юго-восток, в сторону Нижне-Астахово и Морозовска. По уточненному плану операции, названному «Малый Сатурн», Юго-Западный фронт должен был разгромить 8-ю итальянскую армию, остатки 3-й румынской армии, оперативную группу немецких войск «Холлидт» и создать таким образом реальную угрозу левому флангу и тылу всей деблокирующей группировки Манштейна. За восемь дней наступления в трудных условиях холодной и снежной зимы это было достигнуто. Войска Н. Ф. Ватутина продвинулись с боями на 100—250 километров.

— Сейчас Манштейну не до спасения Паулюса — впору спасаться самому, — довольно посмеиваясь, сказал Николай Федорович.

Особой стремительностью отличались действия подвижных соединений. 24-й танковый корпус генерала В. М. Баданова 24 декабря занял Тацинскую и уничтожил на аэродроме более 300 вражеских самолетов.

— Правда, сейчас он сам в тяжелом положении, по существу, окружен, — отметил командующий фронтом, — но мы принимаем меры, чтобы выручить его. Дважды звонил Верховный, требует всеми средствами помочь Баданову *.

* Через несколько дней я узнал, что 24-му танковому корпусу удалось вырваться из окружения. За проявленный при этом героизм он был преобразован во 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус и награжден орденом Ленина. В. М. Баданов первым в Красной Армии был удостоен ордена Суворова II степени.— *Прим. авт.*

Успешно наступала и 3-я гвардейская армия, имевшая в своем составе 1-й гвардейский механизированный и 14-й стрелковый корпуса, 197, 278 и 50-ю гвардейскую стрелковые дивизии, 90-ю, 94-ю стрелковые и 22-ю мотострелковую бригады, три танковых полка, более пятнадцати пушечных, гаубичных и минометных полков, в том числе 58-й гвардейский минометный полк. Перейдя в наступление, 16 декабря она овладела станцией Боковская, рядом хуторов и соединилась в районе Кошары с 1-й гвардейской армией. Этим завершалось окружение главных сил 8-й итальянской армии, трех дивизий 3-й румынской армии и немецкой оперативной группы «Холлидт». До 23 декабря войска 3-й гвардейской армии уничтожили более 30 тысяч вражеских солдат и офицеров, захватили 600 орудий и минометов, 330 автомашин, несколько тысяч пленных. Лишь одной 197-й стрелковой дивизией генерал-майора М. И. Запорожченко было взято в плен 7405 человек.

Н. Ф. Ватутин считал, что фашистское командование пытается закрыть огромную брешь, пробитую нашими войсками. Исходя из этой оценки, с которой была согласна и Ставка Верховного Главнокомандования, он старался наращивать силу удара, чтобы не дать противнику закрепиться на промежуточных рубежах. Ставка оказала ощутимую помощь в достижении этой цели. Юго-Западный фронт получил из ее резервов 2-й и 23-й танковые корпуса. Через неделю ожидалось прибытие еще двух танковых корпусов и трех-четырех стрелковых дивизий.

В штабе фронта заканчивалась разработка директивы о продолжении наступления без оперативной паузы.

— Идите ознакомьтесь с этим документом и немедленно направляйтесь к месту своей новой службы, — сказал на прощание Ватутин.

Из проекта директивы я узнал, что 3-й гвардейской армии предстояло разгромить свежие силы противника, сосредоточившиеся вблизи станиц Скосырская и Тацинская, а также в районе Морозовска, и к исходу 31 декабря выйти на рубеж река Калитва, Ильинка, Усть-Калитвинская, устье реки Быстрая. По данным разведки, гитлеровцы располагали на этом направлении 180—220 танками. А в двух танковых корпусах, приданных нашей армии (24-м и 25-м), насчитывалось всего 52 исправные маши-

ны, притом 24-й корпус В. М. Баданова надо было еще вызволить из окружения.

Утром 29 декабря я прибыл на КП Лелюшенко и без промедления включился в дело. Операция была уже в основном спланирована, задачи войскам определены. Я предложил лишь некоторые коррективы по использованию артиллерии.

С первых дней прибытия в 3-ю гвардейскую у меня, можно сказать, сложились хорошие отношения с основным ее руководящим составом. Я был очень доволен своим ближайшим помощником — начальником оперативного отдела полковником Сперанским, обладавшим широким оперативно-тактическим кругозором. Знал свое дело и начальник разведотдела полковник К. Г. Андреев. Приятное воспоминание осталось от знакомства с членами Военного совета. Особенно понравился мне Б. А. Двинский — бывший секретарь Ростовского обкома партии, человек твердого характера и больших организаторских способностей...

С утра 30 декабря после мощной артиллерийской и авиационной подготовки 3-я гвардейская продолжала свое победоносное наступление.

Опять отличилась 197-я стрелковая дивизия генерал-майора М. И. Запорожченко. В разгоревшихся с новой силой боях она уничтожила до двух тысяч вражеских солдат и офицеров, захватила 30 орудий и минометов, а также штаб 575-го немецкого пехотного полка с полковым знаменем.

А 14-й стрелковый корпус под командованием генерал-майора Ф. Е. Шевердина с частью сил 346-й стрелковой дивизии генерал-майора Д. И. Станкевского из 5-й танковой армии к 5 января нового, 1943 года овладел городом Морозовск. При этом было захвачено 430 неприятельских орудий и минометов, 65 танков.

К 11 января нам удалось окружить крупную группировку вражеских войск западнее Тацинской. 24-й и 25-й танковые корпуса в боях с этой группировкой уничтожили более двух тысяч солдат и офицеров противника и взяли в плен до 800 человек.

14 января в армию прибыл еще один танковый корпус (23-й под командованием генерал-майора танковых войск Е. Г. Пушкина). Он с ходу форсировал Северский Донец и завязал бой за город Каменск. 17 января к желез-

нодорожной станции Каменск первым прорвался танк младшего лейтенанта Г. В. Черкашенко и подбил стоявший под парами паровоз с воинским эшелоном. Следом за Черкашенко устремилась рота старшего лейтенанта Черкасского, а затем вся 3-я танковая бригада под командованием подполковника В. И. Красноголового.

Одновременно с запада Каменск был охвачен 2-м танковым корпусом генерал-майора танковых войск А. Ф. Попова. Его 169-я танковая бригада на подступах к городу уничтожила 22 и захватила 5 исправных танков противника. По инициативе начальника разведки бригады лейтенанта Ф. М. Клинова в исправные немецкие танки были посажены наши экипажи, и танки под командованием капитана Н. Р. Ирикова двинулись в город. Гитлеровцы не открыли по ним огня и поплатились за это, потеряв еще 15 машин, 8 арторудий, а также 200 солдат и офицеров. Воспользовавшись возникшим у неприятеля замешательством, в атаку перешли главные силы корпуса и во взаимодействии с другими нашими частями овладели Каменском.

Но самым важным результатом действий 3-й гвардейской армии на этом этапе явилось, пожалуй, то, что она сумела перерезать железнодорожную магистраль Воронеж — Ростов-на-Дону.

Обеспечивая разгром немецких войск в Сталинграде, 3-я гвардейская прошла с боями около 400 километров. Вместе с 1-й гвардейской и 6-й армиями Воронежского фронта участвовала в прорыве вражеского фронта на протяжении более чем 300 километров. Это далось ценою больших усилий и немалых жертв. Достаточно сказать, что в танковых корпусах, действовавших в составе 3-й гвардейской армии, осталось по десятку танков. Значительны были потери и в личном составе войск.

А сопротивление противника нарастало. Немецко-фашистское командование принимало экстренные меры, чтобы удержать за собой Донецкий промышленно-экономический район. Мы имели достоверные сведения, что противник усиливает свою донбасскую группировку, перебрасывая туда дивизии с Северного Кавказа и из Германии, укрепляет все важные в оперативном отношении населенные пункты, дополняет инженерными сооружениями есте-

ственные преграды. В полосе 3-й гвардейской армии наиболее мощная оборона создавалась вокруг Ворошиловграда и Дебальцево.

На подступы к Ворошиловграду мы вышли в первых числах февраля 1943 года. Этот крупный узел дорог и областной центр прикрывался тремя оборонительными рубежами. Основу обороны составляли доты и дзоты, противотанковые и противопехотные минные поля.

К 5 февраля нам удалось прорвать только два оборонительных рубежа. Дальнейшее продвижение армии было остановлено сильным артиллерийским огнем и контратаками противника. Учитывая обстановку, мы должны были тщательно подготовиться к штурму города. Нельзя атаковать такие объекты без предварительной мощной обработки их артиллерией и авиацией. Я придерживался этого принципа всегда, считая массированный, хорошо спланированный и умело управляемый артиллерийский огонь основным условием для достижения успеха с наименьшими жертвами. Однако близость Ворошиловграда на многих наших очень влиятельных командиров действовала неотразимо. Они настаивали на продолжении атак.

Подступы к городу с востока оказались наиболее укрепленными, а потому решено было нанести удары по его южной, юго-восточной и северной окраинам. Начинался штурм с юга и юго-востока силами 18-го стрелкового корпуса, в командование которым вступил многократно уже отличавшийся в боях генерал-майор М. И. Запорожченко. Своими активными действиями он должен был не только сковать противника, оборонявшегося на этом направлении, а и оттянуть на себя тактические резервы, обеспечивая тем самым успех удара по Ворошиловграду с севера. Там мы сосредоточили две танковые бригады во главе с начальником штаба 2-го танкового корпуса полковником С. П. Мальцевым и часть сил 1-го гвардейского механизированного корпуса генерал-майора И. Н. Руссиянова.

18-й стрелковый корпус перешел в наступление с утра 14 февраля. Этому предшествовала 45-минутная артиллерийская подготовка (плотность огня 70 стволов на километр фронта). Запорожченко действовал энергично, и уже в полдень разведка донесла, что противник начал перебрасывать войска с северной окраины города на южную. Немедленно последовало распоряжение С. П. Мальцеву: атаковать город с севера. Полковник А. П. Коденец и

подполковник М. И. Городецкий на высоких скоростях повели вперед свои 169-ю и 99-ю танковые бригады. Танкисты смяли вражескую пехоту и ворвались в город, однако па улицах были встречены огнем фаустников. С этим оружием мы столкнулись там впервые и потеряли многих, в том числе полковника Мальцева, полковника Коденца и подполковника Городецкого.

И все же танкистам удалось закрепиться в городе. А с юга в него уже вступили части 18-го стрелкового корпуса. Здесь в уличных боях особо отличился стрелковый полк подполковника В. А. Ленивого, энергичный характер которого никак не соответствовал фамилии.

Участь Ворошиловграда была решена.

В тот же день, 14 февраля, наши левофланговые дивизии под общим командованием генерала Е. Г. Пушкина освободили город Краснодон. Здесь нам стало известно о подвиге и героической гибели комсомольцев Краснодона, о зверской расправе фашистов над юными советскими патриотами. В сердцах воинов кипела ненависть к врагу. Они не жалели сил, чтобы ускорить его изгнание с нашей земли.

Одновременно с боями за Ворошиловград и Краснодон развернулось наступление на дебальцевском направлении. Там действовал приданный 3-й гвардейской армии 8-й кавалерийский корпус генерал-майора М. Д. Борисова. Рейдируя по тылам противника, он внезапной ночной атакой захватил станцию Чернухино, затем овладел городом Андрианополь, рабочими поселками Софиевка и Городище и уже 13 февраля достиг восточной окраины Дебальцево.

Дерзкие действия кавалеристов не на шутку всполошили генерал-фельдмаршала Манштейна. Он вынужден был лично заняться укреплением тылов. В Дебальцево спешно подбрасывались резервы, в том числе танковые дивизии. Завязались упорные бои, в результате которых противнику удалось окружить кавкорпус.

В этих кровопролитных боях навсегда увековечил свое имя славный сын Туркмении гвардии лейтенант Анка Клыч Атаев. Его сабельному эскадрону в составе 29 человек было приказано овладеть укрепленной высотой и удерживать ее, прикрывая 112-ю кавдивизию от удара противника во фланг и тыл. Эскадрон лихим налетом выбил гитлеровцев из нескольких кирпичных построек и закрепился на высоте. Противник постарался вернуть этот

важный опорный пункт. Немецкие автоматчики при поддержке артиллерии и бронемашин в течение одного дня семь раз безуспешно атаковали горстку конников.

На следующий день эскадрон Атаева был атакован батальоном немецкой пехоты с 16 танками. Вооружение кавалеристов составляли только автоматы, карабины, шашки, два-три десятка противотанковых и 60 ручных гранат, 40 бутылок с горючей смесью. Кавалеристов осталось в живых лишь 16 человек, да и те были изранены. А все же не покинули высоту.

— Умрем, но не сдвинемся с места! — призывал своих боевых товарищей лейтенант, сам истекавший кровью.

...Все смельчаки погибли в этом бою, но задачу свою выполнили до конца. Вот их славные имена: гвардии старшина И. Калдашев, гвардии старшие сержанты П. Астафеев и Колуев, гвардии сержанты П. Мягких, А. Глухоман, Д. Агибаев, А. Берсуков, Я. Титов, З. Анжинов, гвардии рядовые С. Зняев, Абдрахманов, Ф. Баширов, К. Баймуратов, Ю. Ситдиков, Б. Ишканбылов, М. Каримов, К. Панжаев, М. Ильханов, А. Молчанов, И. Хасанов, Д. Гулачанов, И. Агзанов, А. Батчингов, И. Касымов, Г. Персиянов, И. Олейник, М. Атаханов, Биджаев. Смертью храбрых пал и отважный командир эскадрона гвардии лейтенант Анка Клыч Атаев, удостоенный посмертно высокого звания Героя Советского Союза.

Бой в окружении с каждым днем становился все тяжелее. Иссякали продовольствие и фураж, не хватало боеприпасов. Попытки организовать снабжение кавкорпуса по воздуху оказались малоэффективными: мы не располагали достаточным количеством самолетов. К тому же сброшенные снаряды при ударе о землю, как правило, деформировались и поэтому не годились для дела. Выход был один: выводить конников из окружения. Но как? Пробиться самостоятельно через заслоны немецких танков они не могли.

Командующий решил пробить для них коридор массированным огнем артиллерии. На узкий участок фронта мы стянули все, что могли, из наших артиллерийских средств. Одновременно подготовили атаку 14-го стрелкового корпуса. С кавалеристами были согласованы по радио соответствующие сигналы, опознавательные знаки. И все удалось, как было задумано: кавкорпус соединился с глав-

ными силами армии. За мужество, проявленное в рейде по тылам противника, он был преобразован в 7-й гвардейский кавалерийский корпус, а его 21, 55 и 112-я дивизии стали соответственно 14, 15 и 16-й гвардейскими кавалерийскими дивизиями.

К середине февраля 1943 года армии Юго-Западного фронта вышли на рубеж Змиев, Красноград, Новомосковск, Синельниково, Красноармейское, Краматорск, Славянск, Радаково, Дьяково.

Правее Воронежский фронт освободил крупнейший промышленный центр Украины — Харьков и левым своим крылом приближался к Полтаве.

Слева войска Южного фронта овладели Ростовом и Новочеркасском, а через три дня достигли реки Миус.

Встревоженное потерей значительной части Донбасса, а также Харьковского промышленного района, немецко-фашистское командование ускорило переброску на Левобережную Украину наиболее боеспособных войск из Западной Европы. Сюда же в спешном порядке подвозились всеми видами транспорта боевая техника и боеприпасы. В ставке Гитлера лихорадочно разрабатывался план контрнаступления. Планом этим предусматривалось разгромить выдвинувшиеся к Днепру войска Юго-Западного фронта и отбросить их за Северский Донец, затем перегруппировать силы и, нанося удар по войскам левого крыла Воронежского фронта, вновь захватить Харьков и Белгород. В дальнейшем гитлеровцы намечали встречными ударами из района Белгорода, а также южнее Орла окружить и уничтожить еще более крупную группировку советских войск в районе Курска. Последнее рассматривалось как реванш за поражение под Сталинградом.

Для осуществления задуманной операции предназначалась группа армий «Юг» под командованием Манштейна. В состав ее включались войска, входившие ранее в группу «Дон», 4-я и 1-я танковые армии, группа «Кемпф» и остатки группы «Холлидт». В целом этот кулак включал 30 дивизий, в том числе вооруженные новейшими мощными танками «тигр» танковые дивизии «Райх», «Адольф Гитлер» и «Мертвая голова».

Однако командование Юго-Западного фронта не раскрыло суть замысла противника и начавшуюся перегруп-

пировку немецких войск расценило как отвод их из Донбасса. 17 февраля Н. Ф. Ватутин принял решение продолжать наступление, хотя войска Юго-Западного фронта были ослаблены в предшествовавших напряженных боях, имели некомплект личного состава и материальной части, недоставало боеприпасов и горюче-смазочных материалов. К тому времени армейские базы снабжения оторвались от боевых частей на 150—200 километров. Взорванные противником железные дороги и мосты восстановить еще не удалось, и подвоз всего необходимого войскам осуществлялся преимущественно автотранспортом, а его не хватало даже при нормальной глубине войскового тыла.

На эту тему мне не раз приходилось разговаривать с начальником штаба фронта. Направлялись в штаб фронта и документы убитых немецких солдат и офицеров, свидетельствующие о появлении перед нами новых дивизий противника. Ответ следовал всегда один и тот же: выполняйте поставленную задачу.

Справедливости ради надо, однако, сказать, что и сами мы не представляли тогда всей серьезности назревавшей угрозы...

Контрнаступление противник начал 19 февраля. Наши ослабленные войска, растянутые по фронту более чем на 400 километров, не выдержали внезапного танкового удара и начали отходить. В исключительно тяжелом положении оказалась вырвавшаяся вперед подвижная группа генерала М. М. Попова. В ходе ожесточенных боев она потеряла почти все свои танки (из 157 осталось всего 20). Значительный урон понесли 6-я и 1-я гвардейская армии. К исходу 3 марта они были оттеснены на Северский Донец. Перешла к обороне на восточном берегу Северского Донца и наша 3-я гвардейская армия.

4 марта противник перегруппировал силы и нанес второй удар с юго-запада в харьковско-белгородском направлении по обнажившемуся левому флангу Воронежского фронта. После кровопролитных боев, длившихся до конца месяца, войска Воронежского фронта оставили Харьков, а затем Белгород. Но и немецкое контрнаступление захлебнулось в собственной крови.

3-я гвардейская армия прочно удерживала позиции, занятые ею к исходу 3 марта. 18-й стрелковый корпус генерал-майора М. И. Запорожченко оборонялся на рубеже

Велтков, Рай-Александровск, Берестовая. 279-я стрелковая дивизия под командованием полковника Г. В. Мухина с 93-м и 95-м батальонами противотанковых ружей занимала рубеж Заможье, Тарасовка. 14-й стрелковый корпус генерал-майора Ф. Е. Шевердина закреплялся на линии Камышеваха, Елизаветовка, Ивановка. Недавно сформированному 29-му стрелковому корпусу, которым командовал генерал-майор А. И. Белов, была поставлена главная задача: удержать Ворошиловград. 7-й гвардейский кавалерийский корпус, составлявший резерв командующего армией, находился в районе Орехово, Шелковый проток.

Против нас на западном берегу Северского Донца закрепились части 27, 19 и 22-й танковых, 62, 385, 304 и 302-й пехотных дивизий, подразделения бригады СС «Шульц» и 71-й гренадерский батальон. Враг превосходил 3-ю гвардейскую армию в живой силе в 1,4 раза, в танках более чем в 13 раз, в пулеметах в 2,5 раза.

Мы не теряли времени зря: отрыли окопы полного профиля, оборудовали блиндажи, командные и наблюдательные пункты, хорошо организовали огневую систему по всему переднему краю и в глубине. Одновременно войска совершенствовали свою боевую выучку.

Систематически велись занятия с комсоставом штаба армии, штабов дивизий и частей. Здесь прежде всего изучались по картам, аэрофотоснимкам и донесениям войсковой разведки характерные особенности местности по ту сторону Северского Донца, группировки противника и их состав, огневые позиции неприятельской артиллерии и позиционные районы танков, расположение у немцев командных и наблюдательных пунктов.

Изучение противника — очень важная и далеко не простая обязанность штаба. Обычно в штаб стекаются неравноценные и в чем-то даже противоречивые данные разведки. Из них надо уметь выбрать наиболее существенное, выделить главное, отбросив все недостоверное. Только таким образом можно вскрыть систему обороны и планы врага. И это дается не сразу.

Боевая подготовка личного состава штабов входила, конечно, в круг моих прямых обязанностей. Однако с 14 марта я вынужден был переложить ее почти целиком на плечи начальника оперативного отдела полковника Сперанского. Самому мне с этого дня пришлось временно

вступить в командование армией, поскольку Д. Д. Лелюшенко получил ранение и его отправили в Москву лечиться.

Немцы продолжали обстреливать нас из артиллерии, время от времени бомбили, но, несмотря на свое численное превосходство, не решались форсировать Северский Донец. Мы же, напротив, всячески старались захватить плацдармы на западном берегу. Так продолжалось вплоть до июня 1943 года.

В это время по приказанию нового командующего войсками Юго-Западного фронта генерала Р. Я. Малиновского* мне довелось лично готовить и проводить одну частную операцию, имевшую целью захватить плацдарм у села Привольное. В ней участвовала 279-я стрелковая дивизия, усиленная одним пушечным и одним гаубичным артиллерийским полками, а также поддержанная с воздуха 1-м смешанным авиационным корпусом генерал-майора авиации В. И. Шевченко. Плацдарм мы захватили относительно легко. Удержать же его, а тем более расширить оказалось куда труднее. Противник контратаковал переправившиеся войска крупными силами танков и мотопехоты, а потом подверг их методичному обстрелу артиллерией и сильным бомбардировкам с воздуха. При одном из артиллерийских обстрелов осколком вражеского снаряда был убит стоявший рядом со мной командир 279-й стрелковой дивизии полковник Герасим Васильевич Мухин.

В период оборонительных боев в армии получило широкое развитие снайперское движение. До конца июня наши снайперы уничтожили почти 900 вражеских солдат и офицеров. Первенство в этом отношении держали комсомольцы 266-й стрелковой дивизии. Обучал их снайперскому искусству лейтенант Г. И. Величко, впоследствии удостоенный звания Героя Советского Союза.

Предметом особой нашей заботы было пополнение поредевших дивизий личным составом. Мы радовались каждому солдату, возвращавшемуся из госпиталя. С разрешения командования фронта проводили частичную мобилизацию военнообязанных в освобожденных районах.

* Генерал-полковник Н. Ф. Ватутин принял командование войсками соседнего, Воронежского фронта.— *Прим. авт.*

Впрочем, военнообязанные, как правило, сами являлись к нам и просили зачислить на службу. Активную и плодотворную воспитательную работу среди них вели армейские политработники всех категорий.

Много хлопот доставлял подвоз боеприпасов. С наступлением весенней распутицы резко сократились, а иногда и вовсе прекращались автоперевозки. Выручал гужевой транспорт, главным образом использовались волы. Хоть и медленно, зато верно тянули они по непролазной грязи тяжелые повозки, груженные снарядами. Волы состояли на строгом учете. Член Военного совета армии Б. А. Двинский потребовал однажды предать суду командира кавалерийской дивизии, с разрешения которого были зарезаны на мясо два старых вола. Генерал Двинский успокоился лишь после того, как ему доложили, что вместо этих волов в дивизии есть две хорошие рабочие лошади, захваченные у противника.

Мы, естественно, не знали планов и замыслов Ставки советского Верховного Главнокомандования, не имели достоверных сведений и о намерениях гитлеровского военного руководства. Но все же догадывались, что летом противник попытается вернуть утраченную стратегическую инициативу. И чувствовали, что главные события назревают где-то в районе Курска и южнее, в полосе Воронежского и Центрального фронтов. Не случайно именно эти фронты непрерывно усиливались и резервами Ставки, и за счет других фронтов. От нас, например, потребовали передать Воронежскому фронту значительную часть противотанковой артиллерии.

Первое официальное предупреждение о том, что немецко-фашистские войска в ближайшие дни, видимо, перейдут в наступление, мы получили из штаба фронта 1 июля. А рано утром 5 июля начальник штаба Юго-Западного фронта генерал Ф. К. Корженевич информировал меня по ВЧ, что наступление уже началось, и как раз там, где все мы предполагали, — на курском направлении. От имени командующего фронтом армии было приказано развернуть активные наступательные бои севернее Лисичанска, чтобы не допустить переброски вражеских войск из полосы Юго-Западного фронта в район Курска. Для подготовки нам отводилось 10—12 дней.

17 июля над тихой гладью Северского Донца на широ-

ком фронте была поставлена дымовая завеса. Противник открыл сильнейший артиллерийский и минометный огонь по очагам дымопуска и районам, в которых мы ложными шумами имитировали передвижение танков. Тем временем в других местах наши части скрытно начали переправляться через реку. Завязались напряженные бои и за расширение плацдарма, отвоеванного нами в мае близ села Привольное. Теперь он стал называться лисичанским плацдармом.

Появление здесь новых немецких танков «тигр» не было для нас неожиданностью. В войсках заранее изучали их тактико-технические данные, уязвимые места и готовы были умело вести борьбу с ними. 3-я гвардейская мужественно выдержала яростные контратаки и продолжала свое, правда медленное, продвижение вперед. Враг не смог снять с нашего фронта ни одной части. Поставленную нам задачу мы выполнили.

Летом сорок третьего года на бесчисленных дорогах войны стре́лки многих указателей уже смотрели на запад. Причем на них все чаще появлялись цифры, обозначавшие количество километров, оставшихся до Берлина. Не каждому из участников тогдашних боев довелось побывать в Берлине, но все рвались туда, не жалея сил для победы.

В первых числах августа войска Юго-Западного фронта начали подготовку Донбасской наступательной операции. Планом операции, разработанным с участием представителя Ставки Верховного Главнокомандования Маршала Советского Союза А. М. Василевского, предусматривалось нанести главный удар южнее города Изюм через Барвенково на Лозовую, Павлоград, Синельниково, отрезая противнику пути отхода в западном направлении и к нижнему течению Днепра. В состав ударной группировки включались 6, 12, 8-я гвардейская армии, 23-й танковый, 1-й гвардейский механизированный и 1-й гвардейский кавалерийский корпуса.

Нашей 3-й гвардейской армии, составлявшей левое крыло фронта, отводилась вспомогательная роль: она должна была своими активными действиями сковать побольше сил противника у захваченных нами плацдармов на западном берегу Северского Донца.

16 августа ударная группировка фронта перешла в наступление. Однако она сразу натолкнулась на упорное сопротивление и не смогла прорвать немецкую оборону. Через три дня была предпринята новая атака, которая тоже не увенчалась успехом. Тогда командование фронта решило скрытно перегруппировать силы несколько южнее и форсировать Северский Донец в полосе 8-й гвардейской армии. На это ушло несколько суток. Перегруппировка, по-видимому, была обнаружена противником, и предпринятое нами 27 августа очередное наступление не дало желаемого результата.

Но тут неожиданно обозначился успех в полосе 3-й гвардейской армии, к тому времени относительно слабой. Она имела только два стрелковых корпуса (в каждом по три стрелковые дивизии), одну отдельную мотострелковую бригаду, отдельный танковый полк, а из артиллерии — 152-й гаубичный, 312-й пушечный, 525-й минометный и 779-й истребительно-противотанковый полки. Притом везде был большой некомплект личного состава и вооружения. Противник значительно превосходил нас и численностью живой силы, и количеством техники. Но у нас отлично работала разведка. Ей удалось установить прочные связи с партизанами и партийным подпольем в тылу врага. Мы вовремя узнавали о каждом его маневре и стремились использовать любую его оплошность.

В последних числах августа нам стало известно, что немцы поспешно минируют свои тыловые дороги, готовят к взрыву шахты и заводы, форсируют отправку в Германию эшелонов с работоспособным населением. Анализируя эти данные, мы все больше склонялись к выводу, что гитлеровцы собираются отходить.

Чем это было обусловлено? Вероятно, успехами Южного фронта. Его войска еще 18 августа прорвали оборону противника на реке Миус, а к 30 августа уже овладели Таганрогом, заняли Дебальцево, Орджоникидзе (Енакиево) и продвигались к Иловайску. При продолжавшемся давлении главных сил Юго-Западного фронта с севера создавалась реальная угроза окружения вражеской группировки в центральной части Донбасса.

В ночь на 1 сентября противник в нескольких местах предпринял контратаки небольшими группами, и за передним краем его обороны начались подозрительные шумы: загудели моторы то ли танков, то ли автомашин. Чув-

ствовалось, что это демонстративные действия. Очевидно, враг начал отход.

Только что возвратившийся после лечения и вступивший в командование армией Д. Д. Лелюшенко приказал поднять все дивизии и гнаться за немцами по пятам, перерезать им пути отхода.

Были также подняты и переправились на западный берег Северского Донца 5-я гвардейская мотострелковая бригада и 243-й танковый полк. Туда же перемещался и командный пункт армии.

Сутки спустя 279-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора В. С. Потапенко овладела городом Лисичанск. В этом городе, как и в Краснодоне, гитлеровские палачи зверски казнили героев комсомольского подполья. А за несколько дней до того, как оставить город, согнали в овраг восемь с половиной тысяч мирных жителей, многих расстреляли, остальных избили и увезли в Германию. Имущество населения было разграблено. Сожжены или взорваны корпуса фабрик и заводов, затоплены шахты.

К вечеру 2 сентября другая наша дивизия — 266-я, которой командовал генерал-майор К. Г. Ребриков, освободила город Славяносербск. Здесь особенно отличился командир батальона капитан М. А. Алексеев. Его подразделение обошло противника с тыла и дезорганизовало управление войсками, чем немало способствовало успеху своей дивизии. За храбрость и решительность, проявленные в этом бою, капитану Алексееву было присвоено звание Героя Советского Союза.

На следующий день части той же 266-й стрелковой дивизии освободили город Первомайск, а 259-я стрелковая дивизия заняла станцию Попасная. На очереди был Артемовск.

5 сентября подошли переданные в состав нашей армии 23-й танковый корпус генерала Е. Г. Пушкина и части 1-го гвардейского механизированного корпуса генерала И. Н. Руссиянова. Командующий армией сам поставил им боевые задачи. Руссиянов должен был развивать наступление из района Часова Яра на Дружковку, Межевую, Павлоград. Генералу Пушкину предстояло наступать на Константиновку, Красноармейское, Чаплино.

Преодолев с боями по 70 километров, оба корпуса продолжали продвигаться вперед, уничтожая на своем пути

вражеские гарнизоны. А к вечеру 6 сентября 59-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора Г. П. Карамышева и 5-я отдельная гвардейская мотострелковая бригада полковника А. Г. Бугаева при поддержке 243-го танкового полка под командованием майора В. А. Подлесного освободили Краматорск. В боях за этот город высокое мужество и боевое мастерство проявил сержант В. И. Чаленко: он подбил из противотанкового ружья семь вражеских танков, за что был удостоен звания Героя Советского Союза.

В боях за Краматорск гитлеровцам был нанесен большой урон. Но мы тоже недосчитались многих. Пал смертью героя и командир 5-й отдельной гвардейской мотострелковой бригады полковник А. Г. Бугаев.

Почти одновременно с освобождением Краматорска части 34-го стрелкового корпуса генерала Б. К. Колчигина овладели Славянском, а 32-й стрелковый корпус генерала Д. С. Жеребина во взаимодействии с танкистами занял город Константиновка. В Константиновке наши войска окружили и уничтожили свыше 1500 эсэсовцев.

В ночь на 8 сентября с ходу был взят город Красноармейское. Это помогло войскам соседнего Южного фронта овладеть областным центром Сталино (Донецк). Донбасская группировка гитлеровцев оказалась расчлененной. Остатки ее, упорно сопротивляясь на промежуточных рубежах, стали откатываться к Днепру. По пути фашисты в дикой ярости уничтожили все, что не могли увезти или унести с собой. Причем их варварские действия четко определялись специальной совершенно секретной директивой, изданной командованием группы армий «Юг».

Требования этой директивы выполнялись неукоснительно. Только в Сталинской (Донецкой) области оккупанты разрушили 140 шахт, взорвали 22 доменные и 43 мартеновские печи со сложным техническим оборудованием, 34 прокатных стана, 3 блюминга, уничтожили всю областную энергетическую базу, все машиностроительные заводы, угнали 60 тысяч голов крупного рогатого скота, 9 тысяч свиней, 72 тысячи овец, 30 тысяч лошадей.

Этому разбою всеми силами старались препятствовать донецкие рабочие и колхозники. На территории области активизировались партизанские действия. Оккупантов били, как говорится, и в хвост и в гриву. По приблизительным подсчетам только в результате действий парти-

зап немцы потеряли здесь (за весь период оккупации) более 10 тысяч человек.

На последнем этапе боев за Донбасс враг широко использовал авиацию. Но темпы нашего наступления были столь высоки, что бомбовые удары гитлеровцев оказались малоэффективными. Зато близость вражеских полевых аэродромов позволила нам нанести весьма ощутимые удары по ним. И не только обычными в таких случаях способами — ответными бомбардировками с воздуха и огнем дальнобойной артиллерии, но и эффективными ударами танковых подразделений.

Дерзко действовала 135-я танковая бригада полковника М. З. Безнощенко. Эта бригада прошла с боями более 100 километров, горючее было почти целиком израсходовано, когда ее разведчики обнаружили аэродром, с которого действовали «юнкерсы» и «мессершмитты». Полковник Безнощенко приказал слить из баков остатки топлива, дозаправить его танк и еще несколько машин. Топлива хватило только па четыре, включая и командирский танк. Через сорок минут эти четыре танка, возглавляемые самим командиром бригады, на высокой скорости ворвались в расположение обнаруженного полевого аэродрома и уничтожили там прямо на земле 82 самолета.

Это был исключительный по результатам, но далеко не единственный случай захвата немецкого аэродрома наземными войсками.

22 сентября 1943 года войска Юго-Западного фронта приблизились к Днепру. До него оставалось менее трех десятков километров. Но какие это были километры!

Перед нами находился один из наиболее мощных узлов так называемого Восточного вала — запорожский плацдарм немцев. Он прикрывал подступы к Криворожью и Никополю с их железными и марганцевыми рудниками. Да и сам город Запорожье имел важное стратегическое значение: здесь пересекались железнодорожные, шоссейные и водные пути, по которым осуществлялось снабжение немецких войск на значительной части Левобережной Украины и в Крыму.

Противник в течение длительного периода готовился здесь к обороне. Создал внешний и внутренний оборо-

нительные обводы с промежуточным рубежом между ними.

Первый (внешний) обвод упирался правым флангом в Днепр, левым — в днепровские плавни. Он состоял из опорных пунктов, связанных между собой сплошными траншеями и единой огневой системой многочисленных дзотов и дотов, пулеметных площадок, ложных и запасных позиций, подземных убежищ и блиндажей с тяжелыми перекрытиями. Передний край прикрывался заполненным водой противотанковым рвом шириной более 5 метров и глубиной до 4 метров, а также минновзрывными заграждениями. Серьезными противотанковыми препятствиями являлись обрывистые балки и крутые, специально обработанные берега реки Конка.

Промежуточный рубеж имел отдельные опорные пункты, усиленные фортификационными сооружениями полевого типа.

Второй обвод, также упиравшийся флангами в Днепр и днепровские плавни, был оборудован бетонированными укреплениями и подземными убежищами, перекрытыми не только бревнами, но и рельсами, засыпанными сверху слоем земли толщиной до 4 метров.

В общую систему обороны входил также остров Хортица (бывшая Запорожская Сечь) с минированными берегами и 23 бронеколпаками — «крабами».

Командование фронта решило главный удар нанести с востока силами 8-й гвардейской армии под командованием генерал-лейтенанта В. И. Чуйкова. Наша 3-я гвардейская и 12-я армии наносили вспомогательные удары с юго-востока и северо-востока.

Первоначально была предпринята попытка овладеть плацдармом и городом с ходу. Она успеха не принесла. Тогда Р. Я. Малиновский приказал всем временно перейти к обороне и тщательно подготовить наступление к 10 октября.

8-я гвардейская армия усиливалась за счет 1-го гвардейского механизированного корпуса И. Н. Руссиянова.

В течение шести дней велась тщательная разведка противника — общевойсковая, авиационная, артиллерийская, инженерная. Изучались местность, система немецкой обороны, состав и группировка сил. Было установлено, что на плацдарме и в городе обороняются одна танковая и до пяти пехотных дивизий.

Большое внимание уделялось артиллерийскому обеспечению наступления на всю его глубину. Накапливались запасы снарядов и мин всех калибров, боевые комплекты для реактивной артиллерии. Планировалась система огня, создавались максимальные его плотности на участках прорыва.

В 3-й гвардейской при наличии почти 2700 орудий и минометов мы довели плотность до 270 стволов на километр прорываемого фронта. Продолжительность артиллерийской и авиационной подготовки атаки определили до двух часов.

Атаку решили начинать ночью. Это было сложно, но обеспечивало внезапность и позволяло снизить эффективность огня противника. Командующий фронтом утвердил наш план без каких-либо поправок.

И вот в 21 час 45 минут 10 октября земля и воздух содрогнулись от мощных взрывов. Вся артиллерия армии и поддерживающая нас авиация по утвержденному графику разрушали оборону врага, громили его резервы.

В 22 часа 30 минут стрелковые дивизии первого эшелона армии, сопровождаемые 243-м танковым полком, двинулись в атаку. Думалось, что после мощной артиллерийской и авиационной подготовки у противника мало что уцелело. Но нет! Гитлеровцев надежно укрывали прочные подземные убежища.

Враг предпринял контратаки вначале небольшими, а затем и более крупными группами пехоты с танками. Обе стороны несли значительные потери. Черноту ночи прорезали светящиеся следы трассирующих пуль, непрерывные вспышки разрывов. Вдали поднималось зарево пожарищ.

Задолго до рассвета наши передовые батальоны подошли к противотанковому рву. Саперы взрывчаткой разрушили его стенки, разровняли землю, пропуская вслед за пехотой, а точнее, вместе с ней, танки и артиллерию.

Двое суток кипела яростная борьба на внешнем обводе запорожского плацдарма. Наши бойцы врывались в траншеи и убежища врага, забрасывали их гранатами. Артиллеристы прямой наводкой уничтожали огневые точки и контратакующие немецкие танки. Войскам 3-й гвардейской удалось прорвать внешний обвод на двух участках и продвинуться в глубину вражеской обороны на 6—8 километров.

13 октября на левом фланге армии в прорыв был введен 23-й танковый корпус. Ему предстояло, взаимодействуя с 59-й гвардейской и 266-й стрелковыми дивизиями, протаранить основной — внутренний обвод плацдарма и выйти на юго-восточную окраину Запорожья. Он блестяще справился с этим.

Наши танкисты завязали бой в городе, а в это время восточной его окраиной уже овладели войска 8-й гвардейской армии. С севера прорывалась 12-я армия.

На рассвете 14 октября механизированный корпус генерала И. Н. Руссиянова с боем вышел к центру города. Но еще раньше, используя темноту, туда же прорвались и некоторые подразделения 39-й танковой бригады 23-го танкового корпуса. Командир взвода лейтенант Н. Л. Яценко вихрем промчался на своем танке по улицам Запорожья, подбил четыре немецких танка, раздавил шесть орудий и минометов, семь пулеметов с расчетами. За этот подвиг лейтенанту Николаю Лаврентьевичу Яценко было присвоено звание Героя Советского Союза.

А во второй половине дня город был полностью очищен от противника. За пять суток упорных боев на запорожском плацдарме и в самом Запорожье немецко-фашистские войска потеряли 23 тысячи солдат и офицеров, 430 орудий и минометов, более 160 танков и самоходных орудий.

Советское Верховное Главнокомандование высоко оценило действия войск, участвовавших в этой операции. Москва салютовала им 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий. У нас в 3-й гвардейской четыре соединения были награждены орденом Красного Знамени, многие части и соединения удостоились почетного наименования Запорожских.

На одной из площадей освобожденного города состоялся большой митинг с участием населения. Радость была всеобщей, как и чувство гнева против фашистов за их злодеяния, совершенные в Запорожье.

20 октября 1943 года Юго-Западный и Южный фронты были переименованы. Юго-Западный стал 3-м Украинским, Южный — 4-м Украинским. 3-я гвардейская армия передавалась в состав 4-го Украинского фронта, которым командовал Федор Иванович Толбухин.

4-й Украинский фронт развернул тогда наступление с целью разгрома мелитопольской группировки противни-

ка и овладения переправами в низовьях Днепра для последующего захвата Перекопского перешейка и изоляции 17-й немецкой армии, занимавшей Крым.

Прорвав вражескую оборону севернее и северо-восточнее Мелитополя, войска 3-й гвардейской армии устремились к Никополю, но достичь его не смогли. Противник остановил нас перед так называемым никопольским плацдармом, имевшим в глубину до 25—30 километров.

Никополь обороняли до двенадцати неприятельских дивизий, основательно зарывшихся в землю. Преодолеть их сопротивление можно было только при условии длительной (минимум двухчасовой) артподготовки и последующего непрерывного сопровождения атаки танков и пехоты сильным артогнем. А у нас для этого не было снарядов.

Разгром немецко-фашистских войск на никопольском плацдарме был завершен только 8 февраля 1944 года объединенными усилиями 3-го и 4-го Украинских фронтов. Я в этом уже не участвовал: в конце декабря 1943 года меня перевели на должность начальника штаба 1-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта.

ЗА ПРАВОБЕРЕЖНУЮ УКРАИНУ

Новый, 1944 год я встретил в Москве, у домашнего очага. Жена тоже недавно вернулась из поездки по освобожденным западным районам страны. Она по-прежнему работала в Совнаркоме РСФСР и являлась членом коллегии управления по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих.

О том, как мы были рады этой неожиданной встрече, можно даже не говорить. И я и Валентина с какой-то обостренной чувствительностью воспринимали даже житейские мелочи, от которых успели отвыкнуть. Ухо непроизвольно ловило лязг трамваев, мчавшихся по Бульварному кольцу мимо памятников Пушкину, Тимирязеву, Гоголю, и гудки автомашин, теснившихся на узком Арбате. Взор часто задерживался на распахнутой оконной форточке: в столице еще соблюдалась светомаскировка, хотя режим ее был уже не так строг, как осенью 1941 года. Москву теперь все чаще озаряли победные салюты в честь боевых успехов Красной Армии.

В Главном управлении кадров генерал Свиридов, вручая мне предписание в 1-ю гвардейскую армию, посоветовал ехать туда автомашиной:

— Это надежнее и, пожалуй, быстрее.

— У меня нет машины, — ответил я.

— Все уладим, — пообещал генерал. — Штабу вашего фронта выделено несколько новых «виллисов». На одном из них и поедете...

На следующий день маленькая юркая машинка, лихо управляемая молодым солдатом, увозила меня из Москвы. Благополучно добрались до сильно разрушенного Киева. Переночевали там и двинулись дальше в направле-

нии Житомира. Километрах в тридцати северо-восточнее этого города размещался в лесу штаб 1-го Украинского фронта.

Где-то на полпути между Киевом и Житомиром потерпели аварию и чудом остались живы. Случилось это при переезде через речку по деревянному мосту. Встречная грузовая автомашина неизвестно почему вдруг резко вильнула в нашу сторону и столкнула «виллис». Речка, правда, была мелководной, но с крутыми берегами. «Виллис», прежде чем плюхнуться в воду, несколько раз перевернулся в воздухе. Подоспевшие саперы вытащили его на берег, помогли заменить лопнувшую шину и сломанную рессору. Появился врач, ощупал нас и заверил: «Все в порядке». Однако водитель мой так разволновался, что мне пришлось взяться за руль.

Разыскав штаб фронта, я представился его начальнику генерал-лейтенанту А. Н. Боголюбову. Небольшого роста, полный человек в очках с черной оправой пристально посмотрел на меня, молча кивнул и так же кивком головы указал на стул. Несколько минут он изучал какие-то бумаги, потом стал знакомить меня с обстановкой.

В конце декабря 1943 года 1-я гвардейская армия приняла участие в Житомирско-Бердичевской наступательной операции, в результате которой были освобождены Радомышль, Коростень, Новоград-Волынский, Житомир, Бердичев, Белая Церковь. Но противнику удалось остановить наступление армии, и она перешла к обороне западнее Бердичева на рубеже Лабунь, Любар, имея в своем составе три стрелковых корпуса.

А. Н. Боголюбов сообщил мне также, что армию эту недавно возглавил заместитель командующего фронтом генерал-полковник А. А. Гречко, и рассказал о нем. В 1919 году, совсем еще юношей, Андрей Антонович добровольцем вступил в ряды Первой Конной, воевал против врангелевцев, принимал участие в борьбе с кулацкими бандами. После гражданской войны учился, командовал кавалерийскими частями. Накануне вероломного нападения фашистской Германии на СССР работал в Генеральном штабе, а с началом военных действий вступил в командование кавалерийской дивизией. Высокое искусство командования крупными войсковыми объединениями показал в битве за Кавказ...

Во время нашей беседы позвонил командующий фрон-

А. А. Гречко

Н. Д. Яковлев

А. А. Куценко

Г. И. Величко

Б. В. Беляев

А. И. Попов

В. И. Шевченко

И. С. Колесниченко

том. Боголюбов доложил ему о моем приезде и, положив трубку телефона, сказал:

— Николай Федорович скоро будет здесь и просил вас подождать его.

Ватутин появился примерно через полчаса. Раскрасневшийся от мороза, энергичный в движениях. Не дослушав моего официального представления, поздоровался запросто и пригласил к себе.

— Как доехали? — поинтересовался он.

— Спасибо, товарищ генерал армии. Хорошо.

Усадив меня, сам Ватутин не садился, а легко и спокойно передвигался по комнате. Я чувствовал себя неловко и не раз порывался встать. Но он тут же подходил и опять водворял меня на стул.

— Вам с Андреем Антоновичем придется много поработать, чтобы сделать Первую армию действительно первой, — внушал командующий фронтом. — Обратите особое внимание на довооружение частей и боевую выучку личного состава.

Я внимательно слушал его.

Под конец он охарактеризовал командиров 11, 94 и 107-го стрелковых корпусов — И. Т. Замерцева, И. И. Попова, Д. В. Гордеева, назвал некоторых командиров дивизий и, пожелав мне успеха, отпустил...

Генерал-полковник А. А. Гречко при первой нашей встрече показался мне значительно моложе своих сорока лет: худощав, подтянут, в густой русой шевелюре ни одного седого волоса. Понравилась и манера его разговора: спокойный, твердый голос, четкая формулировка фраз.

Пообедали вместе. За обедом он познакомил меня с членом Военного совета армии генерал-майором И. В. Васильевым — остроумным, жизнерадостным человеком, отлично разбирающимся в оперативных вопросах.

— Ну что ж, Георгий Иванович, — сказал командарм после обеда, — принимайте штаб, разбирайтесь с делами, со штабным народом, а потом поедем в войска.

Совместная наша поездка в войска началась 17-го и продолжалась до 22 января. Побывали не только в дивизиях, а и в полках, батальонах, даже в ротах на переднем крае обороны. Постигая на месте истинное положение дел в армии, я успел получше узнать и самого командарма. Выяснилось, что он превосходно разбирается в тонкостях любой военной специальности, профессионально беседует

и с артиллеристами, и с танкистами, и со связистами, и с саперами. Внимателен к рядовым бойцам, прислушивается к их суждениям, считается с их мнением. Очень возмущался Андрей Антонович, узнав, что в некоторых подразделениях бойцы нерегулярно получают горячую пищу и чай, давно не мылись в бане.

В 11-м стрелковом корпусе командарм обратил внимание на то, что многие солдаты, сержанты и офицеры не имеют наград, хотя шли с боями от Сталинграда, освобождали Донбасс, форсировали Днепр, были ранены и контужены. Иным из них долгое время не присваивались очередные воинские звания. Он приказал немедленно доложить ему наградные материалы на всех отличившихся и представить каждого солдата, сержанта, офицера к положенному званию. Тут же были установлены жесткие сроки исполнения этого требования.

Командующий армией повсеместно интересовался состоянием учета личного состава. Он обязал командиров соединений лично проследить, чтобы на солдат и офицеров, погибших в боях, составлялись поименные списки, чтобы их хоронили со всеми воинскими почестями и непременно сообщали родственникам погибших место погребения...

Пользуясь оперативной паузой, войска армии усиленно занимались боевой подготовкой, начиная с совершенствования подготовки одиночного бойца и кончая совершенствованием управления полками и дивизиями в различных видах боя. Занятия по тактике проводились методом двусторонних учений, с боевой стрельбой. Настойчиво отрабатывались новейшие способы борьбы с танками и самоходной артиллерией противника, организация взаимодействия между всеми родами войск.

На разборе учений командарм дал в общем положительную оценку боевой выучке личного состава и в последующей беседе со мной высказал уверенность, что 1-я гвардейская может вновь успешно громить немецко-фашистских захватчиков.

Планируя боевые действия Красной Армии на зимне-весеннюю кампанию 1944 года, Ставка Верховного Главнокомандования исходила из необходимости быстрее раз-

громить немецко-фашистские войска групп армий «Юг» и «А» в восточных районах Правобережной Украины, отбросить их от Днепра до Южного Буга, а в дальнейшем — к Днестру.

Начало наступления намечалось на первые числа марта. К этому времени 1-й Украинский фронт, действовавший в полосе шириной до 400 километров, имел 5 общевойсковых, 3 танковые и 1 воздушную армии. В более конкретном выражении это составляло: 56 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий, 7 танковых корпусов, 3 механизированных корпуса, около 12 000 артстволов всех калибров (в том числе 742 зенитных), 1409 исправных танков и самоходно-артиллерийских установок, 477 самолетов.

Утром 25 февраля к нам, в штаб 1-й гвардейской, приехал Н. Ф. Ватутин. Командующий армией в это время находился в 11-м стрелковом корпусе. Здороваясь со мной, Николай Федорович пошутил:

— Значит, навел порядок? Командарма прогнал в войска?

— Напротив, товарищ командующий, он меня прогнал в штаб, а сам все время находится в войсках.

— Знаю. У него правило суворовское: где солдаты — там и полководец.

Скоро я убедился, что это действительно так. Андрей Антонович не засиживался в штабе армии.

— Свяжитесь-ка с корпусом, — приказал Ватутин. — Если Гречко еще там, пусть отдаст необходимые распоряжения командиру корпуса, а сам едет сюда.

Связь у нас работала идеально: и проводная, и радио. Но не успел я соединиться со штабом корпуса, как открылась дверь и через порог шагнул сам командующий армией.

— На ловца и зверь бежит, — весело поприветствовал его Ватутин.

Видно было, что они искренне уважают друг друга и рады встрече.

— Теперь за дело, товарищи. Прошу к карте, — пригласил командующий фронтом. И подойдя к столу, где была разостлана моя рабочая карта, продолжил: — Одиннадцатый стрелковый корпус в полном составе передать вместе с его боевым участком восемнадцатой армии.

Андрей Антонович укоризненно посмотрел на Ватутина, как бы говоря: мы, мол, столько трудов положили на подготовку корпуса к предстоящей операции, а плоды пожнет кто-то другой.

— Не огорчайтесь, — понимающе улыбнулся Ватутин.— Вы получите взамен два стрелковых корпуса — семнадцатый гвардейский и тридцатый, с более полнокровными дивизиями. Да еще одиннадцатый танковый корпус и две артиллерийские дивизии прорыва...

В тот день я несколько часов провел в обществе Н. Ф. Ватутина. Он делился с нами своими замыслами, ставил задачу армии, давал советы, как решать ее. Мне не раз доводилось слышать о недюжинном уме этого человека, его образованности, организаторских способностях, кипучей энергии. Но только тут я имел возможность убедиться во всем этом лично и вдобавок еще ощутить редкостное обаяние Николая Федоровича, его способность воодушевить подчиненных, заразить своим энтузиазмом.

К сожалению, та моя встреча с ним была последней. 29 февраля, в разгар подготовки к многообещающей наступательной операции, командующий 1-м Украинским фронтом генерал армии Н. Ф. Ватутин получил тяжелое ранение. Как ни странно, об этом несчастье я узнал от И. В. Сталина.

Дело было так. Накануне к нам прибыл представитель Ставки Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. После ужина он и командующий армией ушли отдыхать, а я остался дежурить у ВЧ. В 2 часа ночи раздался резкий звонок. Снимаю трубку и слышу тихий голос Верховного:

— Здравствуйте. Товарищ Юрьев * у вас?

— Так точно.

— Попросите его к телефону.

Я приказал находившемуся со мной офицеру немедленно разбудить маршала. Г. К. Жуков появился быстро, взял телефонную трубку и жестом руки потребовал от меня остаться рядом, предполагая, видимо, что придется что-то записывать.

Телефон ВЧ обладал повышенной громкостью, и я отчетливо слышал весь разговор.

---

* Юрьев — один из псевдонимов Г. К. Жукова. — *Прим. авт.*

— Вам известно, что бандитами тяжело ранен Ватутин? — спросил Сталин.

— Нет, — ответил Жуков.

— Почему вы, представитель Ставки, допускаете безнаказанные действия бандеровских банд в расположении наших войск?

Жуков не успел ответить. Верховный тут же приказал:

— Вступайте в командование Первым Украинским.

На этом переговоры закончились. В аппарате послышались короткие гудки.

Положив телефонную трубку, маршал несколько минут молчал. Затем приказал мне подробно выяснить, как все произошло с Николаем Федоровичем Ватутиным и где он находится.

Нам было известно, что командующий фронтом уточнял в тот день задачи 13-й армии. Я прежде всего позвонил туда, к начальнику штаба генерал-лейтенанту Г. К. Маландину. Герман Капитонович был потрясен случившимся. Его связывала с Н. Ф. Ватутиным долгая и крепкая дружба — до войны они вместе работали в Генеральном штабе.

От Маландина я узнал, что и он, и командующий 13-й армией генерал-лейтенант Н. П. Пухов настойчиво предлагали Н. Ф. Ватутину заночевать у них. Но Николай Федорович не согласился — спешил в 60-ю армию к И. Д. Черняховскому. Где-то по дороге на автомашину командующего фронтом и бронетранспортер с охраной напала банда украинских националистов. Завязалась перестрелка. Ранив Н. Ф. Ватутина, бандиты скрылись в лесу. Командующего фронтом доставили в Киев.

Все эти подробности я немедленно доложил Г. К. Жукову, и он той же ночью выехал от нас на фронтовой командный пункт. А через полтора месяца до нас дошла горькая весть о безвременной кончине Николая Федоровича Ватутина.

3 марта 1944 года командующий 1-й гвардейской армией генерал-полковник А. А. Гречко подписал боевой приказ на переход армии в наступление. Оно должно было начаться с утра 4 марта, поэтому ночь мы провели уже на вспомогательном пункте управления. Командарм не со-

мкнул глаз ни на минуту, однако внешне был абсолютно спокоен. Я тоже бодрствовал всю ночь — волновали предстоящие события.

Часто звонили телефоны: командиры корпусов докладывали о готовности войск к наступлению, о поведении противника. В результате нашей разведки боем он отошел на свои основные оборонительные позиции. Выявились новые цели, и мы получили возможность уточнить график артиллерийского наступления.

4 марта в 7 часов 30 минут после мощной артиллерийской и авиационной обработки переднего края вражеской обороны полки первого эшелона под пронзительный гул знаменитых «катюш» поднялись в атаку и неудержимой волной покатились вслед за огневым смерчем.

К исходу дня наша ударная группировка прорвала главную полосу обороны противника на глубину до 15 километров. Однако дальше сопротивление врага усилилось, начались мощные контратаки. Очень затрудняла продвижение наших войск и весенняя распутица. Мне никогда не доводилось видеть такой вязкой, как цемент, грязи. Она засасывала не только колесные, но и гусеничные машины. Бойцы тянули буквально на себе пушки, повозки, а к ночи, когда подморозило, ломами и кувалдами сбивали с их колес застывшие глыбы чернозема.

Командарм приказал всем стрелковым корпусам продолжать наступление и в ночное время, используя заморозки. К утру 1-я гвардейская сумела продвинуться еще на несколько километров, а главное — подтянула свою артиллерию и обрушила ее огонь по узлам сопротивления гитлеровцев.

5 марта возросла активность вражеской авиации. Она наносила бомбовые удары по нашим войскам и тылам группами до 30 самолетов. И все-таки в течение этого и следующего дня нам удалось освободить довольно много населенных пунктов, в том числе районные центры Острополь и Грицев.

Утром 7 марта гитлеровцы потеснили части 94-го корпуса. Однако очень скоро положение там было восстановлено. 8 марта этот корпус по приказанию командующего фронтом должен был овладеть Староконстантиновом. 17-му гвардейскому стрелковому корпусу надлежало тем временем выйти к реке Ирпень, а затем на реку Случь.

В районе Староконстантинова немцы сгруппировали

значительные силы пехоты, до 100 танков (в том числе тяжелые танки «тигр») и самоходную артиллерию (в том числе «фердинанды»). Бои здесь приобрели очень напряженный характер. Тем не менее войска 1-й гвардейской армии сумели охватить Староконстантинов с трех сторон, а в ночь на 9 марта 94-му стрелковому корпусу удалось ворваться в город. Весь день там кипели уличные бои и только к 16 часам Староконстантинов был полностью очищен от противника.

Гитлеровцы начали в спешном порядке стягивать силы северо-восточнее Проскурова. В район Чубарова выдвигалась их 11-я танковая дивизия. К Давыдковцам перебрасывалась 16-я танковая дивизия, к Западнице выходили полки 6-й танковой дивизии. Нашей разведкой был обнаружен также подход на это направление 208-й и 291-й немецких пехотных дивизий.

Мы подвели первые итоги проведенных боев. До 10 марта в полосе наступления армии было уничтожено свыше 10 000 и взято в плен 780 неприятельских солдат и офицеров, подбито и сожжено 86 танков, уничтожено 100 орудий, 207 минометов, 7 бронетранспортеров, почти 500 автомашин, захвачено в исправном состоянии 106 орудий и минометов, 9 танков и самоходно-артиллерийских установок, 300 пулеметов, до 1500 автоматов и винтовок, до 400 автомашин, 6 различных складов.

Но силы врага были еще велики. Как раз 10 марта он нанес опаснейший контрудар в стык нашей и 3-й гвардейской танковой армии генерала П. С. Рыбалко, пытаясь смять левофланговые части последней. Танкисты дрались героически, однако гитлеровцев было намного больше. Для оказания помощи соседу генерал-полковник А. А. Гречко перегруппировал вправо 17-й гвардейский стрелковый корпус, усилив его противотанковой артиллерией.

В течение последующей недели 1-я гвардейская армия отбивала отчаянные контратаки противника по всему фронту и одновременно напряженно готовилась к решающим боям за Проскуров: подтягивала тяжелую артиллерию, накапливала боеприпасы. С утра 22 марта наступление возобновилось. Ломая упорное сопротивление, 107-й стрелковый корпус генерал-майора Д. В. Гордеева овладел станцией Гречаны, а затем в ночь на 24 марта прорвался к северо-восточной окраине Проскурова. Тем временем другие наши соединения, взаимодействуя с 3-й гвардей-

ской танковой армией генерала П. С. Рыбалко, успешно вели бои на северо-западной окраине города. К исходу следующего дня Проскуров был освобожден.

Главные силы армии устремились на юг. Части 11-го стрелкового корпуса во взаимодействии с 1-й гвардейской танковой армией генерала М. Е. Катукова форсировали Днестр и овладели Городенкой. А наш левофланговый 30-й стрелковый корпус совместно с войсками 4-й танковой армии генерала Д. Д. Лелюшенко 28 марта освободил областной центр Каменец-Подольский.

К началу апреля наступательная операция главных сил 1-й гвардейской армии в основном была завершена. Только с 21 по 30 марта 1-я гвардейская участвовала в освобождении от врага Проскурова, Сатанова, Бучача, Городенки, Черткова, Хоростува, Купчинцев, Товсте, Городка, Ярмолинцев, Смотрича, Солобковцев, Чемеровцев. А всего было освобождено 550 населенных пунктов.

Противник потерял убитыми и ранеными до 14 000 солдат и офицеров, пленными более 1570 человек. Наши войска подбили и сожгли 177 вражеских танков и самоходных артиллерийских установок, уничтожили 130 орудий и 105 минометов, 845 пулеметов, 53 бронетранспортера, 2482 автомашины, 114 мотоциклов, 100 тракторов, 29 радиостанций и много другой техники. 84 танка, 132 орудия, 220 пулеметов, 18 бронетранспортеров, 1010 автомашин, свыше 5000 винтовок и автоматов были захвачены исправными. В числе наших боевых трофеев оказались также 6 000 000 артиллерийских снарядов и 4500 тонн зерна.

В первой половине апреля, когда 1-я гвардейская перешла уже к обороне и приводила себя в порядок, прибыл генерал-майор А. Г. Батюня. Я познакомился с ним только в феврале, в штабе фронта. Он занимал тогда должность начальника штаба 38-й армии.

— Зачем пожаловал? — спрашиваю его.

— Сменить тебя... — ответил Батюня.

Прибыв в Москву, я немедленно позвонил начальнику Главного управления кадров генерал-полковнику Ф. И. Голикову и доложил, что прибыл по приказу командующего фронтом за новым назначением.

— Странно, — удивился Филипп Иванович. — Подождите немного. — Судя по долетавшим до меня фразам,

он созванивался с кем-то. Потом снова ожил телефон, у которого дожидался я. — Сегодня, в двадцать часов, позвоните в Генеральный штаб товарищу Антонову, — сказал Голиков и попрощался.

В указанное время я соединился с А. И. Антоновым.

— Здравствуйте, Георгий Иванович, — послышался приветливый голос Алексея Иннокентьевича. — Нам все известно из информации товарища Голикова. Решено направить вас на Третий Украинский фронт к товарищу Малиновскому. С ним уже все согласовано...

В штаб 3-го Украинского фронта я прибыл в начале мая. Представился начальнику штаба генерал-лейтенанту Ф. К. Корженевичу. Мы хорошо знали друг друга. Я искренне уважал его за светлый ум и высокие душевные качества. С ним можно было говорить откровенно.

Корженевич собрал со стола бумаги, положил их в папку и предложил:

— Пойдем к командующему.

Генерал армии Р. Я. Малиновский был, как всегда, малоразговорчив и нетороплив.

— Разговаривал со мной о вас генерал Антонов. Только на сегодня нет у меня вакантной должности начальника штаба армии. И командиры корпусов все на месте, воюют хорошо, не имею оснований заменить кого-либо из них,— сказал он.

— Готов выполнять любую работу, — ответил на это я. — Желательно бы, конечно, самостоятельную.

Малиновский на минуту задумался.

— Есть такая, да не маловата ли она для вас?.. Пойдете командовать дивизией?

— С удовольствием!

Меня действительно вполне устраивало предложение комфронта. Должность командира дивизии открывала широкие возможности для пополнения оперативно-тактического опыта.

— Тогда по рукам, — улыбнулся Родион Яковлевич.— Отдохните денек с дороги и поезжайте к Чуйкову в восьмую гвардейскую армию на должность командира восемьдесят второй гвардейской стрелковой дивизии...

5 мая я прибыл на командный пункт генерал-полковника В. И. Чуйкова. У него находился в это время командующий войсками 5-й гвардейской армии генерал-полков-

ник А. С. Жадов, видимо, приехал попрощаться перед отъездом на другой фронт.

Василий Иванович находился в приподнятом настроении. Не вставая со стула, он лихо развернулся в мою сторону, прищурил глаза, спросил:

— Ты как сюда попал?

Я доложил о решении командующего фронтом.

— В таком случае танцуй, джигит, лезгинку. Иначе не видать тебе дивизии. Ну полно, полно, — уже спокойно добавил он, заметив мое смущение. — Считай, что уговорил меня без лезгинки. Скачи к Фокапову и принимай дивизию.

Перед отъездом в штаб 29-го гвардейского стрелкового корпуса я заглянул к своему давнему сослуживцу — командующему артиллерией армии генерал-лейтенанту артиллерии Н. М. Пожарскому. Эта встреча была не только приятной, но и полезной для меня. Николай Митрофанович давно воевал в составе 8-й гвардейской и хорошо знал командный состав. Он очень тепло отозвался о командире 29-го стрелкового корпуса генерал-лейтенанте Якове Степановиче Фоканове:

— Солидный, умный, опытный. Характер весьма уравновешенный.

Познакомил меня Пожарский и с историей 82-й гвардейской дивизии. Сформирована она была в 1924 году в Забайкалье и получила номер 311. В конце июля 1942 года прибыла под Сталинград. Участвовала в контрнаступлении в составе 5-й танковой армии. Дралась на Среднем Дону и в Донбассе. За высокие боевые качества, проявленные личным составом, дивизия 19 марта 1943 года была преобразована в гвардейскую. А после боев за Запорожье получила почетное наименование Запорожской. Успешные ее действия при освобождении Одессы были отмечены орденом Богдана Хмельницкого II степени. Командовал ею до меня Иван Алексеевич Макаренко. По отзыву Пожарского, опытный командир и замечательный товарищ.

— Да вот кто-то подвел его, — с сожалением сказал Николай Митрофанович. — Получилось, будто Макаренко обманул командарма. Ну и отчислили из армии...

Подробнее об этом происшествии мне поведал при первом знакомстве командир корпуса Я. С. Фоканов:

— Надо было высоту одну взять. Взяли, а потом доложили об этом командующему армией. Он — туда, а про-

тивник к его приезду снова выбил наших. Иван Алексеевич и погорел... Впрочем, эта история — всем нам наука: прежде чем докладывать о выполнении задачи, убедись сам, что она действительно выполнена, да и закрепись хорошенько...

Тут же мне было сообщено, что дивизия в настоящий момент совершает марш и к 8 мая должна сосредоточиться в селах Ново-Александровка, Комаровка и Лазоревка.

— А пока она соберется, вы, Георгий Иванович, погостите у меня, — заключил командир корпуса и, вызвав адъютанта, спросил: — У нас найдется комната для генерала?

— Будет сделано! — отчеканил молоденький лейтенант...

На рассвете 8 мая я покинул КП 29-го корпуса. Еще клубился в низинах утренний туман, когда мой газик подкатил к Ново-Александровке, утопавшей в зелени садов. Бойцы сторожевого охранения, проверив мои документы, объяснили, где разместился штаб дивизии.

Начальник штаба подполковник А. Г. Мандрыка уже бодрствовал. Он встретил меня у калитки, за которой виднелся большой дом. Вероятно, раньше там размещалась школа.

— Как дела? — спрашиваю подполковника.

— Все в порядке, товарищ генерал. Марш завершен благополучно. Отставших нет. Оружие и транспорт в исправности. Личный состав помылся в бане и получил летнее обмундирование...

Весь день в сопровождении подполковника А. Г. Мандрыки и начальника политотдела подполковника Г. А. Гончарова я ездил из полка в полк, знакомился с людьми, с тем, как они разместились. А к вечеру меня известили, что дивизия выводится в резерв командующего с тем, чтобы 9 мая сосредоточить главные силы в балках северо-восточнее села Ташлык и организовать оборону по левому берегу Днестра. Командный пункт предлагалось разместить в километре северо-восточнее Ташлыка.

С наступлением сумерек я приказал командирам 242-го и 244-го гвардейских стрелковых полков направить на указанный нам рубеж обороны по два батальона для того, чтобы к утру они отрыли там траншеи, оборудовали пулеметные площадки и блиндажи. Начальника штаба диви-

зии подполковника Мандрыку отослал в Ташлык готовить новый КП.

На фронте стояла полнейшая тишина. Лишь за Днестром изредка потрескивали автоматные очереди.

В полночь, перед сном, вышел на улицу подышать майским воздухом, напоенным ароматами цветущих садов. Ах, как было хорошо! На память сами собой пришли чудесные пушкинские слова: «Тиха украинская ночь. Прозрачно небо. Звезды блещут...»

И вдруг со стороны противника послышался гул самолетов. Он зловеще нарастал, ширился и завершился грохотом авиабомб, обрушившихся на наш плацдарм за Днестром, на переправу у села Бутор, на село Ташлык.

Я бросился к телефону. Звоню в штаб корпуса. Генерала Фоканова на месте нет. Вместе с начальником штаба он еще с вечера поехал на КП армии получать награды за взятие Николаева и Одессы. На плацдарме — я это знал — находилась оперативная группа командира 28-го гвардейского стрелкового корпуса. Но проводная связь с ней прервалась. Передал туда по радио: «Иду на помощь». Позвонил подполковнику Мандрыке и приказал любыми средствами донести в штаб армии об осложнении обстановки на буторском плацдарме. Привел дивизию в боевую готовность, потребовал от командиров полков переправить за Днестр разведчиков и сам переправился вслед за ними.

У переправы бушевали пожары. На плацдарме рвались снаряды и мины, с надрывом работали пулеметы.

На месте выяснил, что гитлеровцы внезапным ночным ударом потеснили оборонявшиеся здесь части 28-го и 4-го гвардейских стрелковых корпусов. Командир 28-го корпуса генерал-майор С. И. Морозов окружен в лесу у селения Вайново, уже занятого противником.

К рассвету из состава нашей дивизии на плацдарм переправились 246-й гвардейский стрелковый полк под командованием подполковника В. С. Клепикова и саперный батальон. Переправить затемно остальные части, к сожалению, не удалось. А в светлое время этому препятствовали артиллерийский огонь и авиация. К тому же командир 242-го полка подполковник Б. А. Ойхман проявил неорганизованность и растерянность. Пришлось отстранить его от командования и заменить командиром батальона майором И. Ф. Сухоруковым. Я приметил этого

боевого офицера, когда знакомился с полком: много орденов было у него на груди.

Клепикову поставил задачу во что бы то ни стало выручить из окружения генерала Морозова. Конечно, сил у Клепикова было маловато, но он действовал теперь под защитой всей артиллерии дивизии, занявшей позиции на высоком восточном берегу Днестра, откуда просматривался и простреливался весь буторский плацдарм.

На рассвете, вернувшись в расположение главных сил дивизии, мне удалось наконец связаться с генерал-лейтенантом Я. С. Фокановым. Он был очень огорчен случившимся. Неожиданным явилось для него и мое решение об отстранении подполковника Ойхмана от командования полком.

— Всегда считал его хорошим командиром, — сказал с сожалением Яков Степанович.

— Не смею разубеждать вас, — ответил я. — Но в данном случае Ойхман повел себя неправильно, принялся даже обсуждать мой приказ с подчиненными.

— Ну ладно, вам там виднее, — согласился генерал.— Пришлите его ко мне. А впрочем, я скоро сам у вас буду.

Только мы закончили этот разговор, как у меня на НП появился командующий армией генерал-полковник В. И. Чуйков.

— Что тут случилось? — спросил он сердито.

Я доложил.

— Хорошо, хорошо, — скороговоркой бросил он, осматривая плацдарм в стереотрубу.

— Мало хорошего, — почти про себя произнес я, но командарм услышал.

— Хорошо, говорю, что полк туда выбросил и артиллерию поставил на место. А плохо, что не вся дивизия там.

— С наступлением ночи думаю переправить остальные два полка и противотанковую артиллерию.

— Не раздумывать, а делать надо, товарищ Хетагуров.

Чуйков бросил на дощатый столик фуражку и присел на скамейку, вытирая платком потный лоб.

— За инициативу спасибо. Не знаю, будет ли завтра к утру вся твоя дивизия на том берегу, но чтобы самого тебя здесь не было!

В это время по радио поступило донесение от Клепикова: взаимодействуя с подразделениями 30-й стрелковой дивизии, его полк вызволил из окружения штаб и командира 28-го гвардейского стрелкового корпуса генерала С. И. Морозова.

— Зря! — пошутил Чуйков. — Не надо было его выручать. Проспал! Прозевал! — И тут же приказал мне: — А командира полка представить к награде. Молодец!

— Товарищ командующий, нельзя ли помочь нам тяжелой артиллерией и авиацией? — спросил я.

Ответ последовал уклончивый:

— У тебя есть командир корпуса. Пусть он и принимает меры...

Утром 11 мая приехал генерал армии Р. Я. Малиновский в сопровождении Я. С. Фоканова.

— Докладывай, — кивнул мне командарм.

Я доложил обстановку. Родион Яковлевич спокойно выслушал, неторопливо поднял бинокль и несколько минут осматривал местность.

— Плацдарм отдавать нельзя, — заключил он, обращаясь ко всем нам сразу и ни к кому в отдельности. Потом адресовался уже явно к Фоканову и Чуйкову: — Подтяните корпусную и часть армейской артиллерии. Необходимо поставить задачи авиации... Поедемте, Василий Иванович, на ваш КП, там решим все конкретно.

Малиновский молча пожал мне руку и направился к машине.

— Действуй! — строго бросил в мою сторону командарм, следуя за командующим войсками фронта.

— Помогу всем, чем располагаю, — пообещал командир корпуса и тоже уехал на свой КП.

В течение дня авиация и артиллерия противника неоднократно разрушали понтонные мосты через Днестр, но саперы под огнем вновь восстанавливали их. Ночью 242-й и 244-й гвардейские стрелковые полки выдвинулись в район действий 246-го полка и развернулись в боевой порядок. Переправились на плацдарм и отдельный истребительно-противотанковый дивизион, и батареи 185-го гвардейского артиллерийского полка.

Гитлеровцы как будто ждали, когда дивизия полностью закончит переправу. На рассвете после короткой артиллерийской подготовки вражеская пехота при поддержке танков и самоходных орудий возобновила атаки. Наши гвар-

дейцы во встречном бою опрокинули противника, вышли на западную окраину Вайново и закрепились там.

Большую помощь 82-й гвардейской стрелковой дивизии оказали армейские артиллерийские части и особенно штурмовая авиация. До наступления темноты прославленные Ил-2 группами по 10—12 самолетов беспрерывно штурмовали скопления немецкой пехоты и танков, расстраивая их боевые порядки и нанося значительный урон.

В ночь я тоже перебрался на буторский плацдарм. На опушке крохотной рощицы за боевыми порядками 242-го гвардейского стрелкового полка саперы оборудовали для меня блиндаж, а связисты обеспечили связь со всеми подразделениями и противоположным берегом. Конечно, я мог управлять боем и со вчерашнего своего КП, но мне по опыту было известно, насколько возрастает стойкость войск, когда они видят командира рядом. К тому же новому командиру дивизии следовало наглядно показать подчиненным свою выдержку и самому воочию убедиться в морально-боевых качествах личного состава, оценить способности командиров полков, батальонов, рот. Давала, очевидно, себя знать и моя многолетняя служба в артиллерии: артиллерийский командир всегда стремится лично видеть цель, по которой ведет огонь. Существует даже своего рода афоризм: «Не вижу — не стреляю». Этот афоризм был особенно применим именно здесь, на буторском плацдарме, имевшем глубину не более трех километров.

Особое внимание я обратил на обеспечение флангов. Приказал сосредоточить и окопать там большую часть противотанковых пушек.

Артиллерия противника все время держала плацдарм под огнем. Иногда снаряды рвались рядом с моим блиндажом. Меня, однако, это не беспокоило: пересыпанные землей семь накатов из бревен надежно защищали даже от прямого попадания снаряда. Могло лишь завалить выход.

Случались дни, когда дивизии приходилось отбивать до восьми атак противника. На некоторых участках завязывались рукопашные схватки. Потери были значительными с обеих сторон. Но мы все же выстояли.

Вечером 15 мая мне позвонил командарм.

— Не тоскливо тебе там?

— Да нет. Фашисты скучать не дают. Правда, атаки

они прекратили, совершенствуют оборону и ставят минные поля.

— А ты сидишь и наблюдаешь.

— Так же, как вы в Сталинграде.

— Тоже мне, сравнил!.. Наступать надо. Расширять плацдарм.

— Пробовали, товарищ командующий. Не получается. Силенок пе хватает...

Передний край нашей обороны проходил всего в 800 метрах от траншей противника. Стороны не давали друг другу покоя: беспрестанно вели артиллерийский и пулеметный огонь, активизировались снайперы — днем нельзя было поднять головы над бруствером. Периодически обменивались бомбовыми ударами наша и немецкая авиация. По ночам действовали разведывательные группы, пытаясь захватить «языков». Но ни нам, ни фашистам взять пленных не удалось: местность освещалась ракетами, подступы к переднему краю у нас и у противника прикрывали плотные минные поля.

Так продолжалось до конца мая.

Однажды позвонили из оперативного управления штаба фронта:

— Встречайте гостью.

— Кто такая?

— Ваша жена Валентина Семеновна.

— Не может быть! Она не знает, что я здесь.

— Все она знает, товарищ генерал. Встречайте...

И телефон умолк.

Еще не веря в это чудо, я вызвал командира саперного батальона и поручил ему с группой бойцов встретить мою гостью у переправы и проводить на КП.

Валя вошла почему-то очень бледная.

— Ты с ума сошла! — напустился я. — Ведь любая шальпая пуля...

— А я думала, ты обрадуешься, — перебила меня Валентина. — Хоть бы сказал «здравствуй»... Что же касается пуль, то их тут действительно хватает...

— И каким счастливым ветром тебя занесло ко мне! — все еще удивлялся я, усадив жену на чурбачок, заменявший табуретку.

— Неожиданно появилась возможность повидать тебя. Разве могла я не воспользоваться этим...

Она глубоко вздохнула, затем поморщилась, взглянув

на свои ноги в огромных солдатских сапогах, явно не по размеру. После долгой паузы последовал вопрос, которого я давно ждал:

— Ну, рассказывай, родной, что с тобой произошло.

— Вообще-то, мне давно хотелось командовать дивизией... — начал было я.

— Ладно, после войны разберемся, — засмеялась Валентина и переменила тему разговора: принялась рассказывать о детях — Юле и маленьком Борисе. — А теперь — о моей работе, — уже другим тоном сказала она. — На вот почитай мою статью в «Красной звезде»... — И жена подала мне газету.

Меня поразили отдельные цифры, приведенные в статье. Только за один 1943 год и только по РСФСР сумма государственных пособий и пенсий семьям фронтовиков превысила шесть миллиардов рублей. А в 1944 году лишь на содержание детских домов намечалось израсходовать более полутора миллиардов. Запланировано было также передать семьям фронтовиков, проживающим в сельской местности, 115 тысяч голов крупного рогатого скота.

Помимо государственных средств на обеспечение семей военнослужащих поступали и личные сбережения советских граждан. По инициативе комсомола во многих областях Российской Федерации был создан так называемый молодежный фонд помощи детям. На средства этого фонда к тому времени уже открылись 33 детских дома и 10 здравниц.

Много добрых слов услышал я от жены о тогдашнем заместителе Председателя Совнаркома СССР Алексее Николаевиче Косыгине, который не столько по долгу службы, сколько по велению своей партийной совести шефствовал над Управлением по государственному и бытовому устройству семей фронтовиков.

— Удивительно отзывчивый человек! Вот у кого надо учиться заботе о людях! — восхищалась она.

Свидание наше продолжалось всего два дня. На плацдарме опять назревали грозные события. Наша разведка отмечала подход свежих сил противника. Участились разведывательные полеты вражеской авиации. Да и Валя торопилась на работу...

Предвидя очередной натиск гитлеровцев, мы всячески совершенствовали свою оборону. Было завершено оборудование трех линий траншей полного профиля с ходами

сообщения и укрытиями для личного состава. На подступах к переднему краю саперы установили сплошное минное поле в пять рядов, использовав для этого 2786 противотанковых и 2700 противопехотных мин. Минновзрывная полоса прикрывалась густой сетью проволочных заграждений и спиралей «бруно».

Враг не заставил долго ждать. Утром 31 мая на боевые порядки дивизии обрушился шквал огня. В течение тридцати минут снаряды и мины различных калибров вспахивали нашу оборону на всю ее глубину. Затем последовал бомбовый удар, от которого застонала земля.

Видимо, немцы решили, что после такой обработки от нашей обороны ничего не осталось. Вражеская пехота пошла на нас в полный рост. Но очень скоро попала под сосредоточенный огонь нашей артиллерии, отсекавший ее от танков. А танки напоролись на минное поле. Оно в значительной своей части все же уцелело. Вовремя подоспела на помощь нам и штурмовая авиация.

Только под прикрытием повторного артиллерийского налета противнику удалось отвести свои поредевшие части на исходный рубеж. И он уже больше не решался атаковать нас.

На третьи сутки после того памятного боя нас сменили. На буторский плацдарм вступили войска 32-го гвардейского стрелкового корпуса.

МЕЖДУ ВИСЛОЙ И ОДЕРОМ

Вернувшись на восточный берег Днестра, мы заняли те же окопы, которые готовили здесь в мае. Думалось, что надолго. Но тут же я получил распоряжение: ночным маршем по маршруту Темуш, Шибка выйти в лес юго-восточнее села Павловка, где привести дивизию в порядок и, соблюдая строжайшую маскировку, приступить к плановым занятиям.

— Готовьтесь, Георгий Иванович, к грядущим боям,— говорил генерал Фоканов. — Не теряйте ни одного часа. Основной упор — на отработку атаки.

Где нам придется атаковать противника, я еще не знал.

12 июня на торжественном митинге дивизии вручали орден Богдана Хмельницкого II степени. Генерал-полковник В. И. Чуйков под несмолкаемое «ура» прикрепил его к нашему боевому Знамени и в краткой своей речи высоко оценил доблесть, проявленную гвардейцами на буторском плацдарме.

А еще через несколько дней мне было приказано подготовить дивизию к погрузке в эшелоны. 8-я гвардейская армия в полном составе перебрасывалась на 1-й Белорусский фронт.

18 июня в путь тронулся первый эшелон нашей дивизии во главе со штабом. 22—23 июня мы разгрузились на станции Сварынь.

Начиналась грандиозная стратегическая операция четырех фронтов, вошедшая в историю Великой Отечественной войны под кодовым названием «Багратион». В связи с тем что 82-я гвардейская стрелковая дивизия получила значительное пополнение, большая часть которого не имела

боевого опыта, ее поставили во второй эшелон. С началом наступления она должна была прикрыть правый фланг ударной группировки армии. Однако вся наша артиллерия, включая 82-миллиметровые минометы, выдвигалась вперед, в боевые порядки первого эшелона.

8-я гвардейская армия вводилась в бой 18 июля. Ее атакам предшествовала мощная артиллерийская подготовка, длившаяся три часа. Надежно подавив огневые средства противника, наши войска почти без потерь прорвали передний край его обороны, молниеносно овладели городом Маценов, с ходу форсировали реку Западный Буг и вступили в пределы Польши.

22 июля в прорыв, осуществленный 8-й гвардейской, хлынули корпуса 2-й гвардейской танковой армии генерала С. И. Богданова. Через два дня упорных боев они вышли к Висле в районе Демблина и, развивая успех вдоль ее восточного берега, достигли предместья Варшавы — Праги.

Тем временем 8-я гвардейская и 69-я армии на плечах разбитого врага переправились на западный берег Вислы южнее Варшавы и захватили там два плацдарма (у Магнушева и Пулавы). Но тут сопротивление немцев возросло, и дальнейшее наше продвижение застопорилось.

82-я гвардейская стрелковая дивизия все еще находилась во втором эшелоне и только готовилась к переправе через Вислу. Однако в ночь на 3 августа обстановка резко изменилась. Я был спешно вызван к В. И. Чуйкову.

— Давайте сюда и слушайте внимательно, — пригласил он меня к своей оперативной карте. — Вторая танковая армия, а также выдвинувшаяся к Минску Мазовецкому сорок седьмая армия встретили упорное сопротивление крупных сил противника. Не исключено, что частью этих сил будет нанесен удар с севера вдоль восточного берега Вислы, чтобы отрезать ударную группировку нашей армии на магнушевском плацдарме. Не знаю, каковы вы в наступлении, а обороняться умеете. Поэтому и вызвал. Даю вам вдобавок к вашей восемьдесят второй еще одну дивизию — восемьдесят восьмую, две легкие артиллерийские бригады, два самоходных артиллерийских полка, огнеметный батальон и требую, чтобы вы отразили этот удар. Немедленно выступайте в направлении Праги и разверните обе дивизии фронтом на север по южному

берегу реки Свидер. Артиллерии у вас предостаточно. Договоритесь с Пожарским, как ее лучше подвести к рубежу обороны. Свяжитесь с сорок седьмой армией, уточните обстановку и сообщите им задачу вашей группы.

— Все ясно, товарищ командующий, — ответил я. — Только хватит ли у нас времени?

Чуйкову мой вопрос не понравился.

— А это вы спросите у противника, — резко бросил он и, выдержав паузу, пояснил уже более спокойным тоном: — Может, немцы и не полезут здесь.

Как ни странно, я больше всего опасался запоздания своей 82-й гвардейской стрелковой дивизии. Оставшийся там за меня начальник штаба А. Г. Мандрыка, в общем-то толковый, подготовленный офицер, не отличался расторопностью. Поэтому, связавшись с ним по телефону, я не только поставил ему задачу, но и потребовал тотчас довести ее до командиров полков. В их расторопности можно было не сомневаться.

И никто у нас не оплошал. К утру 4 августа войска вышли на Свидер и заняли оборону. Совместными усилиями мы четко разработали систему огня, выдвинув значительную часть артиллерии на стрельбу прямой наводкой.

На моем КП была уже установлена связь со штабом 47-й армии, тем не менее я решил лично встретиться с командармом, поставить его в известность о нашей задаче и согласовать с ним все, что касалось нашего взаимодействия.

Только выехал на шоссейную дорогу, встретил машину командующего 1-м Белорусским фронтом. Маршал К. К. Рокоссовский узнал меня, остановился.

— Здравствуйте, дальневосточник!

— Здравия желаю, товарищ командующий! — радостно приветствовал я его.

Рокоссовский, как всегда, был предельно вежлив, внимательно выслушал мой доклад.

— Ну что же, ваш командарм проявил полезную инициативу, — одобрил он. — Давайте посмотрим, как вы здесь устроились.

Я повернул обратно к Свидеру.

В течение часа Константин Константинович знакомился с системой нашей обороны. Хотел было проехать по мосту и осмотреть местность по ту сторону реки. Я до-

ложил, что мост и противоположный берег заминированы.

— Все правильно, по науке, — кивнул он и тут же спросил: — Почему не поставлены на позиции самоходные орудия?

Я ответил, что самоходно-артиллерийские полки предназначены для маневра огнем и поддержки контратак полков второго эшелона, а на позициях у нас достаточно 76-миллиметровых пушек. Они более живучи в оборонительном бою.

— Тоже верно, — согласился Рокоссовский.

Я в свою очередь попытался уточнить у него, что происходит в Варшаве. Константин Константинович помрачнел, заметно разволновался:

— Пока нам известно немногое. Есть сведения, что отряды так называемой Армии Крайовой, созданные эмигрантским правительством Польши для восстановления в стране буржуазного строя, подняли почти невооруженный народ против гитлеровских войск. Толкнули честных патриотов на явную авантюру и даже не сочли необходимым поставить в известность нас. А теперь вот просят помощи. Мы, конечно, помогаем: сбрасываем с самолетов оружие, боеприпасы, медикаменты, продовольствие для восставших. Но они-то ждут от нас большего, а на большее мы сейчас неспособны. Советские войска, ослабленные в предшествующих боях, никак не могут пробиться в Варшаву. Вы же сами знаете, что происходит на захваченных нами плацдармах...

В 47-ю армию я съездил вместе с Рокоссовским. Пробыл там недолго: уяснил обстановку, договорился о взаимодействии и вернулся на свой командный пункт.

Однако прошло несколько дней, а противник не предпринимал здесь наступления. Он лишь подверг нас сильной бомбардировке, во время которой погибли командир 19-го отдельного саперного батальона гвардии майор Гришанов, полковой инженер гвардии капитан Попов, командир стрелкового батальона гвардии капитан Рябов. Был ранен и подполковник И. Ф. Сухоруков, командовавший 242-м гвардейским стрелковым полком.

11 августа меня вызвал В. И. Чуйков.

— Хватит отсиживаться. Оставь на месте восемьдесят восьмую дивизию, а со своей дивизией ночью переправляйся через Вислу в районе Тарнова. Там войдешь

в состав четвертого гвардейского стрелкового корпуса. Ясно?

— Так точно.

— Имей в виду, положение за Вислой сложное, — предупредил командующий. — Пока не осмотришься, держи один полк в своем резерве...

Переправа прошла удачно, без потерь, хотя и под огнем противника. К утру 12 августа дивизия заняла оборону па рубеже Стара, Целинов, Суха Воля, Босипов. В боевых порядках 4-го гвардейского стрелкового корпуса мы составили второй эшелон.

От населенных пунктов на плацдарме остались лишь коробки каменных зданий да полуразрушенный костел в Магнушеве. Вокруг не уцелело ни одного деревца. Впереди грохотал сильный огневой бой.

Мы поспешно стали окапываться и успели справиться с этим вовремя. В шестнадцать часов пехота и танки противника прорвали оборону па левом фланге 47-й гвардейской стрелковой дивизии и вышли к кирпичному заводу, где располагался наш 242-й гвардейский стрелковый полк. Упорный бой продолжался два часа. Совместно с 47-й дивизией нам удалось опрокинуть врага, окружив до батальона пехоты и несколько танков. За ночь эти силы противника были полностью уничтожены.

А 18 августа наша дивизия вновь была возвращена в 29-й гвардейский стрелковый корпус. Только им командовал теперь не Яков Степанович Фоканов, а генерал-майор Афанасий Дмитриевич Шеменков.

Нового командира корпуса у нас прозвали Кутузовым — очевидно, за внешнее сходство с прославленным полководцем. У генерала Шеменкова и глаз был поврежден при ранении.

29-й гвардейский стрелковый корпус находился в первом эшелоне 8-й гвардейской армии. И уже па другой день мне предстояло провести разведку противника боем. В ней участвовало по одному батальону от 242-го и 244-го гвардейских стрелковых полков.

19 августа в 9 часов под мощным артиллерийским прикрытием батальоны внезапно атаковали неприятельское боевое охранение и выбили его из траншеи. Было захвачено семь пленных. Пленные дали весьма ценные показания, позволявшие нам точно установить очертание переднего края обороны врага, раскрыть его огневую систему,

выяснить, насколько укреплены господствующие высоты севернее Марьям-поля, с которых просматривались наши боевые порядки. Следовало немедленно воспользоваться этими данными, постараться развить успех разведывательных подразделений основными силами дивизии. Главный удар я решил нанести в направлении Гловачува. Лишившись этого важного узла грунтовых и шоссейных дорог, немецкая оборона должна была потерять устойчивость.

Генерал Шеменков одобрил мое решение и сказал, что в случае успеха меня энергично поддержат соседи: справа — 88-я, а слева — 47-я гвардейские стрелковые дивизии.

Удар наш был сокрушительным. Понеся большие потери в живой силе и технике, враг начал отходить на второй оборонительный рубеж Генрикув, Монполи, Эмилюв. На исходе дня дивизия уже штурмовала и эти населенные пункты. Бой продолжался всю ночь. До самого рассвета не прекращались яростные рукопашные схватки, и к утру 21 августа мы овладели Гловачувом.

Однако противник сумел подтянуть резервы и контратаковал нас одновременно с нескольких направлений. По документам убитых и показаниям пленных удалось установить, что перед нами появилась переброшенная из Радома 19-я немецкая танковая дивизия, имевшая до 70 танков, в основном типа «пантера» и Т-4. Справа и слева против наших соседей действовали части танковой дивизии СС «Герман Геринг», ранее находившиеся в предместьях Варшавы, и мотодивизия СС «Гитлерюгенд».

В особо опасном положении оказался наш 244-й гвардейский стрелковый полк, выдвинувшийся клином вперед. Я доложил об этом генералу Шеменкову.

— Георгий Иванович, мне нечем поддержать тебя, — ответил он. И тут же обнадежил: — У меня на КП — командарм, может, он что-либо найдет.

— Держись, Хетагуров! — послышался в телефонной трубке голос В. И. Чуйкова. — Посылаю тебе армейский тяжелый танковый полк. Круши там «пантеры» и других фашистских зверей.

К сожалению, обещанная помощь вовремя не подоспела. В три часа ночи крупные силы немецкой пехоты и до 60 танков обошли 244-й гвардейский стрелковый полк с фланга и прорвались ему в тыл. Завязался неравный бой

в окружении. Гвардейцы дрались героически, но боеприпасы были на исходе. Пал смертью храбрых командир 1-го батальона гвардии капитан Глыбин. Погиб поспешивший ему на помощь командир 3-го батальона гвардии старший лейтенант Гвазов. Но в конце концов полк все же вырвался из окружения и соединился с главными силами дивизии.

И тут последовал приказ о переходе к жесткой обороне.

В августовских боях 82-я гвардейская дивизия уничтожила до 5 тысяч вражеских солдат и офицеров, 47 танков, 4 самоходно-артиллерийские установки, 10 орудий, 22 пулемета, 83 автомашины с различными грузами. Однако и мы дорогой ценой заплатили за наши попытки как-то помочь восставшим варшавянам. Наши потери составили 545 человек убитыми и 1430 ранеными. А в артиллерии вышли из строя 27 орудий.

Чтобы выстоять после таких потерь, пришлось поглубже закопаться в землю. День и ночь трудились гвардейцы, совершенствуя оборону. И уже к концу августа мы имели три линии сплошных траншей. Первая из них находилась всего в 300—400 метрах от переднего края обороны противника. Чуть ли не впритык располагались наши и немецкие минные поля.

Гитлеровцы лишь однажды попробовали прощупать прочность обороны 82-й гвардейской и оставили на поле боя до 60 трупов, 2 самоходных орудия. Затем они ограничивались только беспокоящим артиллерийским и пулеметным огнем по нашим позициям. Мы «потчевали» их тем же, но, экономя снаряды, предпочитали наносить удары по точно засеченным целям.

В ночь на 10 сентября нас сменила 27-я гвардейская стрелковая дивизия. Нам же было приказано сосредоточиться в лесах восточнее Малень, Тшебень. Все мы обрадовались: «Наконец-то отдых!» Рано утром 11 сентября, уезжая на КП корпуса по вызову генерала Шеменкова, я распорядился о помывке личного состава в бане, а также о смене белья, починке обмундирования и обуви. Благо, было тихо, лес надежно маскировал войска.

Комкор встретил меня обычным вопросом:

— Как дела?

— Приводим себя в порядок: моемся, бреемся, штопаем дыры, — отрапортовал я.

— Это хорошо, — усмехнулся Шеменков. — Вам ведь идти в гости к братьям по оружию.

Я в недоумении посмотрел на него. Он пододвинул ко мне карту и пояснил:

— С наступлением темноты совершите марш через Тшебень, Магнушев, Вильчковице, Дольне, Железна Стара и смените 3-ю польскую пехотную дивизию в устье реки Пилица. Знаю, что устали, вижу это по твоему серому лицу. Но что поделаешь — надо... Да и полегче там, чем на прежних ваших позициях: как-никак, река отгораживает немца.

— А польская дивизия куда? — невольно вырвалось у меня.

— Все туда же,— спокойно продолжал генерал.— Будет наступать на Варшаву с юго-запада.

Позже я узнал, что 3-й дивизии Войска Польского, тесно взаимодействовавшей с 47-й армией, удалось переправиться на так называемый черняковский плацдарм, но там она была зажата превосходящими силами гитлеровцев и, как ни старалась, не смогла пробиться к центру города. Заметно поредевшие в боях, части этой дивизии к 23 сентября вынуждены были вернуться на восточный берег Вислы.

Нелегко пришлось и нашей дивизии, сменившей 3-ю польскую на реке Пилица. Восточный берег, на котором мы оборонялись, представлял собою совершенно открытую местность — с противоположного высокого берега она просматривалась и простреливалась во всех направлениях. От огня противника тут было одно спасение — поглубже зарыться в землю. И вся дивизия занималась этим денно и нощно.

Ко 2 октября, когда нас сменило здесь другое гвардейское соединение, в полосе обороны, имевшей по фронту не более 9 километров, общая протяженность траншей составляла 32 670 погонных метров, а длина ходов сообщения полного профиля достигала 15 километров. Кроме того, личным составом 82-й гвардейской было оборудовано 260 блиндажей и землянок, до 70 командных и наблюдательных пунктов, свыше 830 универсальных огневых площадок, 90 укрытий для артиллерии и минометов. Оборона в устье Пилицы стала настолько прочной, что гитлеровцы совсем отказались от попыток штурмовать ее и даже реже

обстреливали артиллерией. По-видимому, убедились, что их артогонь уже не причиняет нам никакого урона.

Закончив передачу своего боевого участка, я, как водится, направился с докладом к командиру корпуса. На корпусном КП явно ощущалась какая-то нервозность: саперы усиливали перекрытия блиндажей, бойцы комендантского взвода торопливо копали дополнительные щели. Сам генерал-майор Шеменков вместе с начальником штаба корпуса полковником А. К. Козловицким колдовал над картой.

— Вот где благодать-то, — молвил я с нарочитой беззаботностью, входя в распахнутую настежь дверь.

— Ну, брат, благодать и тут относительная, — повернулся на мой голос Шеменков. — Получены данные о намерении немцев развязать химическую войну и применить какую-то новую бомбу Фау-2, разрыв которой якобы сжигает все вокруг. Кроме того, авиаразведка доносит, что противник подтягивает к нашим плацдармам свежие силы пехоты и танков.

— На то они и фашисты, — продолжал я в прежнем тоне. — От них всего можно ожидать.

Шеменков жестом пригласил меня к карте и заговорил строго:

— Так вот, Георгий Иванович, ваша дивизия отныне будет составлять второй эшелон корпуса. Занимайте оборону восточнее Рознишевски и севернее Луцьянова. Окапывайтесь и стройте укрытия, не забывая ни о Фау, ни о возможности химического нападения. А в ночь на пятое выдвиньте не менее двух батальонов на западный берег Вислы с задачей: демонстрировать подход и выдвижение к переднему краю новых войск. Командующий армией обещал прикрыть эти ваши батальоны авиацией. Но, как говорится, на бога надейся, а сам не плошай: пусть они все же держатся поближе вот к этим лесам. — Генерал ткнул карандашом в карту и поднял свой единственный глаз на начальника штаба: — Позаботьтесь о срочном получении недостающих противогазов...

Как показал дальнейший ход событий, тревоги эти были не лишены оснований. На захваченных нашими войсками немецких полевых складах были обнаружены немалые запасы химснарядов и так называемых фаустпатронов, ошибочно отождествлявшихся тогда с ракетным оружием дальнего действия Фау-2.

10*

К счастью, противник все же не решился на применение химического оружия. Зато с фаустниками нам пришлось встретиться.

...Почти до конца ноября 82-я гвардейская дивизия находилась во втором эшелоне корпуса. В частях широко развернулась боевая учеба личного состава.

В относительно спокойной обстановке мы встретили 27-ю годовщину Великой Октябрьской революции. С утра 7 ноября в подразделениях состоялись митинги. Для всего личного состава был приготовлен праздничный обед. А для командиров полков и офицеров штаба дивизии генерал Шеменков разрешил устроить товарищеский ужин и сам был нашим гостем. Он поздравил всех нас с праздником, похвалил дивизию за боевые успехи и усердную учебу, пожелал новых побед. Потом мы пели любимые песни. Немного потанцевали. Даже меня уговорили сплясать лезгинку. И когда я, едва переводя дух, вернулся на свое место, а вокруг еще не утих шум, вызванный столь экстравагантным поступком командира дивизии, из соседней комнаты, где хлопотали накрывшие нам стол две телефонистки и машинистка, зазвучал вдруг изумительно красивый девичий голос:

Ой, не свиты, мисяченьку,
Не свиты ни-ко-о-му...

Офицеры бросились к двери. Девушка смутилась и умолкла. А когда я подошел, чтобы попросить ее продолжить песню, то с удивлением увидел, что по щекам певуньи катятся слезы. Вспомнила, наверное, что-то далекое из своей жизни в мирное время.

— Пора по домам, — поднялся командир корпуса.

Видимо, песня и слезы девушки растрогали и его.

Праздник кончился. Снова наступали фронтовые будни.

25 ноября нашу дивизию перевели из второго эшелона в первый. Она заняла оборону на рубеже Богушков, Грабув, Залесны.

В те дни и командир корпуса, и командующий армией были очень озабочены уточнением группировки противника. Необходим был «язык», но никак не удавалось захватить его. Гитлеровцы, вероятно, со дня на день ожидали нашего удара и проявляли повышенную бдительность: по ночам освещали местность ракетами, при малейшем

шорохе открывали бешеный ружейно-пулеметный огонь. Ночные вылазки наших мелких разведгрупп дублировала разведка боем в составе усиленных батальонов. Однако и это не принесло успеха.

В ночь на 3 декабря в поиск отправилась разведгруппа из 244-го гвардейского полка нашей дивизии. Ей удалось скрытно выдвинуться почти вплотную к первой траншее немцев, и тут она нарвалась на противопехотные мины. Четыре бойца были ранены и едва не угодили в лапы гитлеровцев.

— Обожглись, товарищ генерал, — докладывал мне командир отдельной разведроты гвардии старший лейтенант В. И. Шевченко. — А все-таки мы что-нибудь придумаем, — пообещал он.

И придумали. У нас нашлись бойцы из Донбасса, хорошо знакомые с подземной проходкой. Пользуясь тем, что первая траншея на участке 246-го полка была удалена от противника всего на 150—200 метров, решили вести там подкоп. Несколько суток бывшие шахтеры, как муравьи, копошились под землей и в конце концов достигли цели: проложили невидимый путь к подбитому танку, за которым начиналось неприятельское минное поле. Первой проникла под этот танк группа саперов во главе со старшим сержантом Борщом. С помощью шеста она подвела так называемый удлиненный заряд почти к самому брустверу немецкой траншеи. Вслед за саперами тем же подземным ходом выдвинулась и заняла исходное положение для броска группа захвата под командованием гвардии лейтенанта Смирнова. Справа и слева от нее расположились две группы обеспечения. Одновременно изготовились боевые расчеты минометов и станковых пулеметов, коим была поставлена задача окаймить огнем район действий разведчиков. Около полуночи раздался взрыв удлиненного заряда, от которого сдетонировали расположенные поблизости вражеские противопехотные мины. Группа захвата тут же ринулась в немецкую траншею, захватила одного оторопевшего от неожиданности ефрейтора и благополучно возвратилась назад.

По документам пленного была установлена его принадлежность к 1-му батальону 184-го пехотного полка 221-й немецкой пехотной дивизии. Кроме того, он дал ценные сведения о соседних подразделениях. Но, как всегда, эти сведения нуждались в проверке. Нужен был вто-

рой — контрольный пленный, и разведчики добыли его тем же способом (только уже на участке другого полка) в ночь на 16 декабря. При этом они еще сумели взорвать два вражеских блиндажа и унести исправный немецкий пулемет. Контрольный пленный полностью подтвердил и во многом дополнил показания ефрейтора, захваченного раньше.

С тех пор за разведротой нашей дивизии по праву закрепилась репутация лучшей во всей 8-й гвардейской армии. Разведчики старшего лейтенанта В. И. Шевченко и в дальнейшем действовали очень дерзко и, как правило, успешно.

К концу 1944 года почти вся советская земля была очищена от немецко-фашистских захватчиков. В результате разгрома гитлеровских войск в Северной Норвегии и выхода из войны Финляндии линия советско-германского фронта сократилась почти вдвое. Красная Армия освободила от фашистского ярма Румынию и Болгарию, избавила от оккупации часть Польши, вступила в пределы Венгрии, Югославии и Чехословакии, начала громить врага в Восточной Пруссии.

Но гитлеровская клика еще упорствовала, стремилась затянуть войну. Между Вислой и Одером противником было создано семь мощных оборонительных полос, эшелонированных в глубину до 500 километров. Они включали в себя сильно укрепленные промышленные центры и множество других крупных населенных пунктов с каменными постройками.

Для сокрушения этой обороны в Ставке Верховного Главнокомандования, при активном участии командующих и штабов 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, тщательно разрабатывалась одна из крупнейших стратегических операций завершающего года войны, вошедшая в историю как Висло-Одерская. В окончательном варианте план ее сводился к следующему: нанести мощные фронтальные удары на лодзинском и ченстоховском направлениях, стремительно взломать вражескую оборону на всю глубину, рассечь главные силы неприятельской группы армий «А», уничтожить их по частям и в последующем выйти к реке Одер. Наступление должно было начаться с завислинских плацдармов: магну-

шевского (8-я гвардейская армия), пулавского (69-я армия) и сандомирского (1-й Украинский фронт).

В середине ноября 1944 года во главе нашего 1-го Белорусского фронта был поставлен Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. А Константин Константинович Рокоссовский вступил в командование войсками соседнего, 2-го Белорусского фронта.

На штабном учении, где предварительно проигрывалась Висло-Одерская операция, Георгий Константинович сделал обстоятельный обзор положения на советско-германском фронте, охарактеризовал оборону противника и ознакомил всех нас с замыслом предстоящей операции.

Начинать ее предполагалось в двадцатых числах января 1945 года. В действительности же, по настоятельной просьбе наших западных союзников, войска которых едва не потерпели катастрофу в Арденнах, срок этот был изменен.

Уже 11 января 82-я гвардейская стрелковая дивизия, усиленная 46-й минометной бригадой, 1504-м легким самоходно-артиллерийским полком и двумя батареями 351-го тяжелого гаубичного артиллерийского полка, заняла исходное положение для наступательных действий. Перед нами ставилась задача: прорвать вражескую оборону на участке Геленув, Генрикув и, наступая в направлении Зелонка, Крушины, выйти основными силами на шоссе в районе Урбанув, Бернце Шляхецке, а передовыми отрядами — на рубеж Кадлубек, Трамбуки.

Дивизия приняла боевой порядок в два эшелона. В первом эшелоне у нас были 246-й и 244-й гвардейские стрелковые полки, во втором — 242-й гвардейский стрелковый полк. Полки тоже имели двухэшелонное построение, притом в первый эшелон выдвигались штурмовые группы, возглавленные наиболее опытными офицерами, как правило, коммунистами и комсомольцами. Я нашел время поговорить с ними лично, дал ряд практических советов относительно взаимодействия не только между полками, но также с танками и артиллерией.

Большую подготовительную работу провел перед наступлением политотдел дивизии, в частности его начальник Г. А. Гончаров. Во всех подразделениях прошли партийные и комсомольские собрания с повесткой дня: «Об ответственности коммунистов и комсомольцев за выполнение боевой задачи». Состоялись десятки разнообразных

бесед с личным составом, в которых наряду с командирами и политработниками активное участие приняли герои прошлых боев из рядового состава. В каждой беседе неизменно звучал призыв добить фашистского зверя в его берлоге. Важную роль сыграла и наша дивизионная газета. В общем, потрудились все, сделано было много, и сомневаться в успехе нашего наступления не приходилось.

Началось оно на рассвете 14 января. Артиллерийская подготовка продолжалась всего 25 минут, но мощь огневого удара была огромной. Плотность артиллерии на участке прорыва дивизии составляла 260 стволов на километр фронта. Огонь вели полковые и дивизионные пушки, корпусные и армейские гаубицы, артиллерия большой мощности и гвардейские минометы «катюши».

Стрелковые полки поднялись в атаку дружно и, неотступно следуя за огневым валом, уже к 10 часам прорвали главную полосу обороны противника.

В 244-м полку наиболее энергично действовал 2-й батальон под командованием гвардии капитана Ф. К. Сарычева. В бою за первую и вторую траншеи он истребил свыше 600 и взял в плен 75 гитлеровских солдат и офицеров, уничтожил 52 пулеметные точки, 10 противотанковых орудий. Пытаясь задержать продвижение этого батальона, немцы выбросили навстречу ему в селение Липска Воля 10 автомашин с пехотой и столько же танков. Но и здесь капитану Сарычеву удалось сломить сопротивление врага. Гвардейцы сожгли 2 танка, самоходную артиллерийскую установку, 8 автомашин и принудили гитлеровцев к поспешному отступлению.

А в 246-м полку отличился батальон гвардии капитана Б. В. Беляева. Я всегда любовался атлетической фигурой этого комбата (недаром он учился в Московском институте физкультуры!), но в том бою был поражен и его удалью. Беляев лично повел гвардейцев в атаку. Воодушевленные примером командира, они бросились вперед с неудержимой силой. Заминка получилась лишь во второй траншее: 7-я рота залегла перед не разрушенными артиллерией проволочными заграждениями. Беляев мигом оказался там, перекрывая шум боя, призвал: «Коммунисты и комсомольцы, за мной!» Первым поднялся парторг роты гвардии старший сержант И. А. Пальчик. Он бросил на колючую проволоку шинель и преодолел заграждение.

Вражеская пуля сразила смельчака уже по ту сторону проволоки, когда поднялась вся рота.

9-ю роту того же батальона немцы прижали к земле огнем из хорошо замаскированного дота. В атаке был убит командир роты гвардии старший лейтенант Синельников. И тут бойцы опять увидели рядом с собой комбата Беляева. По его целеуказанию вражеский дот был подавлен огнем артиллерии, и атака возобновилась.

Батальон Беляева упорно продвигался от рубежа к рубежу...

К исходу первого дня наступления 82-я гвардейская овладела двумя оборонительными позициями немцев, а с утра 15 января в том же боевом порядке завязала бой за третью. На сей раз атаке предшествовала 40-минутная артиллерийская подготовка. Она была очень эффективной. Полки первого эшелона стремительно двинулись вперед, перерезали важную железную дорогу Варка — Радом и задолго до ранних зимних сумерек вышли на рубеж Кадлубек-Новы, Кадлубек, Францишкув, Езерно. А это означало, что тактическая зона обороны противника была прорвана полностью. В ходе прорыва дивизия уничтожила до 1500 и пленила почти полторы сотни фашистских солдат и офицеров, разгромив штаб 18-го пехотного полка, 102-й полк шестиствольных минометов, казачий дивизион, сформированный из бывших белогвардейцев, и подразделения аэродромного обслуживания 6-го воздушного флота.

Все это время мне приходилось выслушивать деликатные, но настойчивые укоры командира 242-го гвардейского стрелкового полка подполковника И. Ф. Сухорукова.

— Товарищ генерал! До каких пор я буду торчать во втором эшелоне и ловить фрицев, разбежавшихся по кустам,— с досадой говорил он.— Дайте нам задачу, достойную гвардейцев.

— Дам, Иван Федорович, — пообещал я. — Только ты все же не гнушайся тем, что делаешь сейчас: тылы наши должны быть в полной безопасности...

Вечером 16 января мы услышали по радио приказ Верховного Главнокомандующего. В приказе отмечалось, что войска 1-го Белорусского фронта за трое суток продвинулись вперед на 60 километров, пробив брешь в обороне противника шириною до 120 километров. В числе генералов, войска которых добились наибольшего успеха,

была названа и фамилия командира 29-го гвардейского стрелкового корпуса.

А на следующий день мы получили выписку из этого приказа. За проявленный героизм, мужество и отвагу Верховный Главнокомандующий объявил благодарность всему личному составу 82-й гвардейской стрелковой дивизии.

Из дивизии в свою очередь последовали представления лучших наших бойцов и командиров к правительственным наградам. В частности, было возбуждено ходатайство о присвоении звания Героя Советского Союза Б. В. Беляеву и Ф. К. Сарычеву. И оно было удовлетворено. Этого высокого звания были удостоены также командир стрелковой роты гвардии капитан Н. Ф. Шарко и командир батареи гвардии капитан А. С. Попов.

О Попове в те дни много говорили в дивизии. Отбивая контратаку немецких танков, его батарея понесла значительные потери. Несколько человек было убито, командиры двух взводов и наводчик одного из орудий тяжело ранены. Получил ранение и сам комбат, но всетаки заменил выбывшего из строя наводчика да еще сумел подбить пять танков и две самоходки...

Началось преследование противника в оперативной глубине. Оно велось круглосуточно, без передышки. Перед нами были разрозненные части 6-й пехотной, 10, 19 и 25-й танковых дивизий. Наши бойцы изнемогали от усталости, но все же вцепились в отступавшего врага мертвой хваткой. Для быстроты передвижения использовались и трофейные автомашины. На многих из них сидели за рулем пленные.

Введенный в прорыв в полосе нашей дивизии 8-й гвардейский механизированный корпус никак не мог оторваться от нас. Нередко наши стрелковые подразделения оказывались даже впереди танкистов, расчищали им путь, уничтожая мелкие, а порой и довольно значительные группы противника, засевшие в населенных пунктах, в лесах, у переправ.

В ночь на 19 января мой командный пункт расположился в местечке Ольша. Я приказал дать частям отдых, подтянуть артиллерию и тылы, а затем уже продолжать наступление. Но тут же получил приказание командующего 8-й гвардейской армией: на рассвете нанести внезапный удар всей дивизией по Лодзи с запада. На восточ-

ных подступах к этому крупному городу враг оборонялся очень упорно и задержал там продвижение советских войск.

В 3 часа ночи я поднял дивизию по тревоге, указал командирам полков маршруты движения, а сам выехал с разведротой на рубеж развертывания. В 5 часов утра все наши стрелковые полки, а также приданный нам тяжелый танковый полк развернулись западнее Лодзи и после мощного пятнадцатиминутного артналета начали атаку. Как раз в это время на мой КП прибыл В. И. Чуйков вместе с членом Военного совета 8-й гвардейской армии генерал-майором А. М. Прониным. На их глазах первым ворвался в Лодзь 242-й гвардейский стрелковый полк под командованием полковника И. Ф. Сухорукова, частично посаженный на танки армейского танкового полка. Затем в бой вступили и остальные силы дивизии.

Во второй половине дня все было завершено. Лишь немногим гитлеровцам, оборонявшимся здесь, удалось прорваться на юг. Остальные были перебиты, а 570 вражеских солдат и офицеров мы захватили в плен.

Осмотрев освобожденный город Лодзь, командарм приказал мне временно оставить там один полк для несения комендантской службы, а двумя другими и армейским танковым полком немедленно наступать на Згеж.

Наш марш на Згеж начал 246-й гвардейский стрелковый полк, усиленный батареей самоходных артиллерийских установок и истребительно-противотанковым дивизионом 76-миллиметровых пушек под командованием капитана Репина. В это время по радио передавался приказ Верховного Главнокомандующего, в котором объявлялась благодарность войскам, участвовавшим в боях по разгрому лодзинской группировки противника. Среди генералов, войска которых сражались за Лодзь, была названа и моя фамилия. Столица нашей Родины — Москва салютовала освободителям Лодзи 24 залпами из 324 орудий. 29-му гвардейскому стрелковому корпусу присваивалось почетное наименование Лодзинского. Лодзинским стал и наш 242-й гвардейский стрелковый полк.

Овладев городами Згеж и Шварзенец, 82-я гвардейская стрелковая дивизия в авангарде 29-го гвардейского стрелкового корпуса двинулась на Познань. Утром 23 ян-

варя наша разведка натолкнулась на упорное сопротивление гитлеровцев, занявших оборону перед внешним оборонительным обводом этого города-крепости. Постепенно в бой втянулись и главные силы дивизии. С каждым часом он приобретал все более напряженный характер. Противник широко применил против нас фаустпатроны. Фаустники засели на хуторах, у перекрестков дорог, в противотанковых рвах. Суточное продвижение дивизии исчислялось всего сотнями метров (см. схему 1).

И все же в течение шести суток нам удалось овладеть рубежом Яниково, Глувенец, Зеленец. Внезапной ночной атакой мы захватили вражеский аэродром с 350 самолетами и планерами. Противник же выбросил нам в тыл авиадесант, что, разумеется, осложнило обстановку. Но практически ничего не изменилось. Очень скоро все парашютисты были перебиты.

Не обошлось без потерь и с нашей стороны. Скончался после операции смертельно раненный командир 244-го гвардейского стрелкового полка отчаянно храбрый полковник Василий Андреевич Усков. А в 246-м гвардейском стрелковом полку погиб отважный комбат капитан П. С. Страшко.

Гитлер и его генералы придавали исключительное значение удержанию Познани — важнейшего узла коммуникаций на берлинском направлении (здесь сходились шесть железнодорожных линий и семь шоссейных дорог).

Над укреплением Познани потрудились лучшие немецкие фортификаторы. Вокруг города с мощной цитаделью они возвели два оборонительных обвода.

Внешний обвод, проходивший в 4—6 километрах от городской черты, состоял из трех линий траншей, развитой системы ходов сообщения и отсечных позиций, многочисленных дотов и дзотов, эшелонированных в глубину и прикрытых минновзрывными заграждениями. Промежутки между дотами и дзотами простреливались фланкирующим и перекрестным огнем. Тяжелое оружие располагалось на второй позиции, как правило, в районе командных пунктов батальонов.

На внутреннем обводе насчитывалось 18 крепостных фортов и 54 дота, соединенных между собой подземными ходами. Форты существовали здесь с конца прошлого века, но затем подверглись модернизации с учетом новых условий войны. Каждый из них имел форму многоуголь-

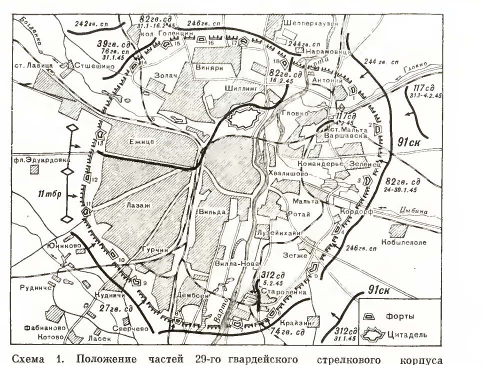

Схема 1. Положение частей 29-го гвардейского стрелкового корпуса перед штурмом Познани

ника площадью 4500—8000 квадратных метров и представлял собой двух- или трехэтажное подземно-наземное сооружение с кирпичными стенами и сводчатыми каменными перекрытиями толщиной до трех метров. С внешней стороны все форты были обнесены рвами шириной 10—12 и глубиной 8—10 метров, а также земляными валами и высокими металлическими изгородями. В изломах рва размещались боевые казематы с множеством бойниц, из которых ров простреливался кинжальным пулеметным огнем и фаустпатронами. В так называемом внутреннем дворе любого из фортов имелось еще до 5 железобетонных дотов или броневых колпаков, хорошо оборудованные минометные позиции и пулеметные площадки. Гарнизон форта насчитывал от 150 до 600 человек, большей частью из числа войск СС. Все форты и доты были связаны между собой и расположенной за ними старинной цитаделью единой огневой системой; гарнизон блокированного форта всегда мог вызвать на себя огонь соседних фортов.

В жилой части города большинство кирпичных домов, замков и все фабрично-заводские корпуса заранее приспосабливались к круговой обороне. Для ведения огня использовались оконные и дверные проемы, заложенные мешками с песком, а также специально пробитые в углах зданий по всем этажам бойницы с широким радиусом обстрела.

На подступах к Познани с севера и северо-востока (там как раз предстояло действовать нашей дивизии) противник располагал 5 фортами, 27 дотами и 6 дзотами. Танкодоступные направления прикрывали противотанковые рвы глубиной 4—5 и шириной 6—8 метров.

Чтобы правильно организовать штурм этих грозных укреплений, необходимо было тщательно разведать огневую систему противника. Визуальным наблюдением и опросом местных жителей нам удалось довольно точно установить расположение огневых точек. Но последнее слово принадлежит в таких случаях разведке боем. Эту задачу я и возложил на командира разведроты гвардии старшего лейтенанта В. И. Шевченко, усилив его подразделение ротой саперов, батареей 76-миллиметровых пушек, минометной батареей, отделением химиков-дымовиков, одним тяжелым и двумя средними танками.

После часовой артподготовки разведчики прикрылись дымовой завесой и пошли на штурм форта № 16. По ним

сразу открыли сильный огонь соседние форты и цитадель. Однако гвардейцы прорвались к форту. Первыми его достигли младший лейтенант Андреев и рядовой Глебов. Андреев был ранен в ногу, но остался в строю. Получили ранения и еще 11 участников штурма. А все-таки задача была выполнена: своей отважной вылазкой разведчики выявили огневую систему противника в полосе дивизии, и теперь мы могли действовать наверняка.

Я перегруппировал силы. Нацелил на форт № 15 полк И. Ф. Сухорукова и временно подчиненный мне в оперативном отношении один из полков 39-й стрелковой дивизии, на форты № 16 и № 17 двинул полк В. С. Клепикова, а на форт № 18 — 244-й полк, которым после гибели В. А. Ускова стал командовать подполковник Н. П. Павленко. Каждый полк усиливался одним 203-миллиметровым орудием, предназначавшимся в первую очередь для разрушения стен фортов и дотов. Каждому участнику штурма было приказано иметь при себе трофейные фаустпатроны.

В наступление мы перешли 1 февраля. Разворачивалось оно медленно и трудно.

Прикрываясь железнодорожной насыпью, 242-й полк двумя штурмовыми отрядами атаковал познанский пригород Голенцин и развернулся фронтом на восток. Больше часа продолжалась огневая дуэль, прежде чем подразделения этого полка вновь стали продвигаться вперед, штурмуя буквально каждый дом.

Еще хуже шли дела у Павленко. Этот полк трижды бросался в атаку, и всякий раз противник возвращал его на исходный рубеж. А потом начались даже контратаки, и немцам удалось вклиниться в боевые порядки батальона Героя Советского Союза Ф. К. Сарычева.

Во второй половине дня я сам поехал туда и задержался до вечера, помогая молодому командиру полка управлять боем. С наступлением темноты на полковой КП пришла польская женщина, хорошо владевшая русским языком, и привела с собой двух немецких солдат — перебежчиков. Они сообщили, что утром противник предпримет здесь контратаку гораздо большими силами. На всякий случай я распорядился о немедленном выдвижении сюда роты тяжелых танков ИС-3.

Показания перебежчиков оказались верными. На рассвете 2 февраля фашисты опять атаковали батальон Са-

рычева. Главный их удар пришелся по штурмовой группе Героя Советского Союза Н. Ф. Шарко, основу которой составляла 4-я стрелковая рота. Несколько часов продолжался тяжелый бой. Враг потерял три танка, две самоходные артиллерийские установки, сотни солдат и, наверное, десятки офицеров. Но и мы не избежали потерь: с поля боя унесли тяжело раненного Николая Филипповича Шарко. Он выжил, однако в строй уже не вернулся. Имя его навсегда вписано в боевую летопись 82-й гвардейской стрелковой дивизии.

На первых порах нас радовал главным образом В. С. Клепиков. Его полк раньше других прорвался за внутренний обвод и завязал бои в пригороде Виняры. Три дня и две ночи в Винярах шли яростные схватки за каждый дом, каждый сарай. Гвардейцы отвоевывали у врага метр за метром.

Чтобы ускорить дело, командир полка решил обойти этот район с запада и учинить переполох в тылах оборонявшихся там неприятельских войск. Осуществить задуманное можно было только ночью и лишь небольшим числом людей. Командир батальона Б. В. Беляев, к тому времени ставший уже майором, сформировал две группы из добровольцев, по шесть человек в каждой. Одну из них возглавил гвардии старшина Г. М. Запорожец, другую — гвардии сержант Н. С. Иванов. В ночь на 5 февраля обе группы просочились в расположение противника и пустили в ход все, что имели на вооружении: фаустпатроны, ручные гранаты, автоматическое стрелковое оружие. Непрерывно передвигаясь, эти малочисленные группы сумели создать такое впечатление, будто в тыл гитлеровцев прорвались внушительные силы. Там возникло замешательство, близкое к панике. Этим и воспользовался Клепиков. Перейдя в атаку всем полком, он к утру почти без потерь овладел Винярами.

Одновременно с этой радостной вестью пришла и горестная. Снова из полка Павленко. Продвижение этого полка задержала, более чем на сутки, огневая точка, искусно замаскированная в роще. Командир штурмовой группы гвардии лейтенант Н. А. Белецкий с десятком бойцов сам пополз по-пластунски к этому дзоту. По офицеру полоснула пулеметная очередь. Обливаясь кровью, он поднялся во весь рост, пошел на дзот и упал, закрыв своим телом пулеметную амбразуру.

Узнав об этом, я приказал представить Н. А. Белецкого посмертно к награде, а командиру полка объявил строгий выговор. В тот же день я собрал на его КП всех находившихся рядом командиров батальонов и рот. Благо, было уже темно и наступило некоторое затишье.

Собравшиеся выглядели неодинаково. Одни после трудного боевого дня казались очень усталыми, другие — напротив — были полны энергии. Но слушали меня все одинаково внимательно.

Закончив разбор боя за рощу и кладбище, я рассказал о лейтенанте Николае Алексеевиче Белецком, павшем смертью героя.

— Конечно, лейтенант совершил подвиг и достоин вечной славы. А все же действия его как командира одобрить не могу. Они неправильны...

Сказав это, я сделал паузу. Комбаты и ротные, находившиеся на КП, переглянулись.

— Может, и неправильны... Но жизнь иногда вносит свои поправки в наши действия, — подал голос командир полка.

— Командир в любой обстановке должен оставаться командиром, — возразил я. — Для чего штурмовым отрядам и группам приданы танки, пушки, самоходные артиллерийские установки, саперы, огнеметчики? Надо уметь распорядиться всем этим! В Познани много дотов и дзотов. В Берлине их будет во сто крат больше. Прошу командиров помнить об этом и готовить бойцов к предстоящим трудностям. Наша святая обязанность — беречь людей. Прежде чем атаковать какой-либо объект, надо уничтожить, подавить, подорвать, ослепить огневую точку, преграждающую подступы к нему. Врага можно сломить только при умелом сочетании атаки с мощным огнем...

В заключение я предложил собравшимся почтить вставанием память погибшего боевого товарища. Затем отдал указания на дальнейшие действия, отпустил комбатов и ротных, а сам уехал в полк В. С. Клепикова.

Этому полку предстояло штурмовать два форта. Для разрушения их толстых стен требовалась артиллерия большой мощности, а ее не дали. Вся артиллерия находилась на южных подступах к Познани, где наш корпус наносил свой главный удар. Я связался по радио с генералом Шеменковым и попросил придать дивизии хотя бы батарею орудий большой мощности.

— Обходись тем, что у тебя есть. У нас тут тоже туго, — ответил командир корпуса.

— Нет, товарищ генерал, обойтись невозможно, — решительно заявил я. — Буду вынужден прекратить атаки фортов до тех пор, пока не пришлете тяжелых орудий.

Командир корпуса, никак не отреагировав на мой демарш, спокойно стал информировать меня о положении в других дивизиях. Я истолковал это как молчаливое обещание помочь нам. Так оно и оказалось в действительности. Но до подхода артиллерии большой мощности мне не раз еще пришлось и погоревать, и порадоваться.

Всех в дивизии очень обрадовало донесение старшего лейтенанта В. И. Шевченко, что его разведрота, посланная мной на усиление нашего правофлангового полка, ворвалась в форт № 15. Произошло это так. Уже знакомый читателям гвардии младший лейтенант А. В. Андреев получил задание разведать подступы к форту. Воспользовавшись густым туманом, он с небольшой группой разведчиков сумел обойти форт с тыльной стороны. Там бойцы залегли и повели наблюдение. Сквозь туман смутно виднелся мост через крепостной ров, охраняемый автоматчиком и пулеметным расчетом из двух человек. Вскоре все трое сошлись вместе, закурили и присели на ящики с патронами. Разведчики не упустили случая: бесшумно сняли охрану моста, а затем бросились к воротам, проникли в казематы форта, забросали их гранатами и обстреляли фаустпатронами. В бой тут же подключилась вся разведрота. Он был тяжелым. Гитлеровцы вызывали на себя артиллерийский огонь из других фортов и цитадели. Осколками вражеского снаряда был вновь ранен, на этот раз тяжело, гвардии младший лейтенант А. В. Андреев. Он потерял сознание, и товарищи вынесли его в безопасное место, а сами продолжали бой. Они уничтожили свыше ста и захватили в плен восемьдесят гитлеровцев, однако для удержания форта сил было мало. Противник применил танки и самоходную артиллерию. Разведчики вынуждены были отойти. Но свое дело они сделали — основательно прощупали важный объект, а главное, подорвали у гарнизона форта веру в несокрушимость их обороны.

За выдающиеся боевые успехи А. В. Андрееву было присвоено звание Героя Советского Союза, а его подчиненные — старшины Негодяев, Морозов, Дьяченко и ря-

довые Еремеев и Аверьянов получили ордена Красного Знамени или ордена Славы.

В то же утро отличился и командир минометного взвода гвардии лейтенант В. П. Игнатьев. Действуя в составе одной из штурмовых групп, он проник во двор, где стояла на огневой позиции немецкая пушка. В короткой рукопашной схватке взвод Игнатьева уничтожил орудийный расчет и открыл огонь по дому, превращенному в опорный пункт вражеской обороны. Неожиданно во дворе появилась фашистская самоходка. Лейтенант не растерялся и почти в упор расстрелял ее. За проявленное мужество и находчивость ему также было присвоено звание Героя Советского Союза.

И почти одновременно с двумя приятными событиями пришла горькая весть: погиб командир 246-го гвардейского стрелкового полка подполковник Вениамин Степанович Клепиков.

В соединении все знали и любили этого жизнерадостного, большой души человека, обладавшего исключительно высокими морально-боевыми качествами. Беда стряслась нежданно-негаданно. Противник контратаковал полк тяжелыми танками и самоходными орудиями. Клепиков ввел в бой свой последний резерв, но так как большая задымленность мешала обзору поля с его КП, он сам сел в самоходно-артиллерийскую установку и выдвинулся ближе к боевым порядкам. Контратаку удалось отбить. Полк уничтожил 11 вражеских танков, 5 самоходных орудий, свыше батальона мотопехоты. А когда гитлеровцы уже ретировались, все увидели, что самоходка, с которой командир полка управлял боем, объята пламенем. Спасти Вениамина Степановича не удалось...

В командование 246-м гвардейским стрелковым полком вступил находившийся со мной помощник начальника оперативного отделения штаба дивизии капитан А. И. Попов. Он давно рвался на самостоятельную командную должность. И я не сомневался, что этот смелый, умный и грамотный офицер не уронит чести полка, завоеванной при Клепикове.

...С подходом двух батарей большой мощности, одна из которых имела на вооружении 203-миллиметровые, а другая 280-миллиметровые орудия, мы разработали план одновременной огневой блокировки всех четырех фортов, находившихся в полосе нашей дивизии. К утру 9 февраля

дивизия произвела очередную перегруппировку и возобновила наступление.

Форты № 17 и № 18 были серьезно разрушены. В образовавшиеся проломы устремились штурмовые группы. Гарнизоны обоих фортов сопротивлялись отчаянно, однако вынуждены были сложить оружие. Затем капитулировал и осажденный форт № 15. Всего в трех фортах мы взяли в плен 900 солдат и офицеров, захватили много оружия и боеприпасов, в том числе 1500 фаустпатронов, а также гараж с большим количеством автомашин.

Остался форт № 16. Туда я послал с ультиматумом двух пленных немцев — унтер-офицера и солдата в сопровождении нашего автоматчика. Из окна дома, в котором размещался мой наблюдательный пункт, хорошо было видно, как парламентеры подошли к изрядно искромсанной тяжелыми снарядами каменной громаде, навстречу им вышел немец с белым флагом, а затем распахнулись ворота, и оттуда нескончаемой цепочкой потянулись гитлеровские солдаты с поднятыми руками.

Мне захотелось осмотреть форт. Направились мы туда втроем — я, начальник штаба дивизии полковник А. Г. Мандрыка и командующий артиллерией дивизии подполковник П. М. Зотов. По пути к нам присоединился молодой офицер — командир батареи большой мощности.

Мы прошли в ворота, рядом с которыми в стене форта зияла пробоина от прямого попадания 280-миллиметрового снаряда. Миновали крутой откос, ощетинившийся бурой прошлогодней травой в черных подпалинах, измочаленное осколками большое дерево, опрокинутую взрывной волной полосатую будку часового и спустились во внутренний двор форта. Где-то в подземных казематах еще хлопали выстрелы. Это бойцы ликвидировали эсэсовцев, не пожелавших сдаться. Усатый старшина с небритыми щеками, размахивая руками, торопил бойцов, конвоировавших пленных. Я на минуту остановился возле него:

— Побриться надо.

— Слушаюсь! — отчеканил старшина и снова заторопил конвоиров.

— Всю ночь воевал, а не оправдывается, — заметил Зотов.

Я не успел ответить ему — к нам подбежал статный гвардеец, доложил:

— Старший сержант Андрющенков. В казематах форта обнаружено тридцать раненых немцев. Что с ними делать?

— Принять как пленных, оказать помощь тем, кто в ней нуждается, и при первой возможности переправить к командиру медсанбата, — распорядился я.

Старший сержант продолжал стоять.

— Вы что, не поняли приказание генерала? — спросил Мандрыка.

— Так точно. Неужто их положат рядом с нашими ранеными?.. Это ж фашисты, эсэсовцы!

— Командир медсанбата придумает что-нибудь, — успокоил я Андрющенкова, и он побежал выполнять приказание.

Неожиданно почти рядом с нами раздались два выстрела. Командир батареи БМ, прижав рукой низ живота, боком падал прямо на меня. Его подхватил ординарец. Вернулся Андрющенков, на ходу разрывая индивидуальный пакет. Прибежали другие бойцы. Появилась медсестра. Но все это было уже ни к чему. Молодое, без единой морщинки лицо командира батареи, всего несколько секунд назад такое румяное, полное жизни, быстро бледнело. Под боком у него все шире растекалась лужа крови. Он умирал на глазах у нас, не проронив ни слова, ни стона.

Усатый старшина бросился с автоматчиками в подземелье. Вскоре они выволокли оттуда двух офицеров СС. Один оказался комендантом форта, другой его помощником...

Вернувшись на свой КП, я связался по радио с командиром корпуса, доложил, что форты взяты и главные силы дивизии ведут бои в северных кварталах Познани.

— У нас тут тоже дело подвигается помаленьку, хоть ты и ограбил меня — выпросил две такие батареи! Как там они?

Я сообщил о недавней трагедии в форте № 16.

— Ах, мерзавцы! — выругался Шеменков. — Какой офицер был!..

А наступление развивалось. Части 82-й гвардейской пробивались к цитадели.

В уличных боях большую изобретательность и дерзость проявили наши саперы. Они выкуривали гитлеровцев из их убежищ дымовыми шашками, выжигали тро-

фейными фаустпатронами, по пожарным лестницам проникали на чердаки домов и спускали вниз взрывчатку, пользуясь дымовыми и вытяжными трубами.

...В дивизии нашей сражались представители многих национальностей Советского Союза. По-братски помогали друг другу, идя на штурм познанских бастионов, русский капитан Ф. К. Сарычев, капитан украинец Е. А. Белоконь, капитан белорус Г. Ф. Бычков, казах М. Д. Даиров, удмурт Н. Н. Бикбаев, осетин С. Д. Доциев, армянин А. А. Сагателян, узбек М. Зарипов, молдаванин Н. Г. Шефул, татарин Г. М. Мухаметшин, грузин С. П. Порфиладзе, латыш К. В. Велик... Да разве всех перечислишь!

Общими усилиями за две недели боев воины дивизии уничтожили около 7 тысяч вражеских солдат и офицеров, да еще захватили в плен 4550 человек. А сколько было разбито немецкой боевой техники! Какие, казалось бы, непреодолимые препятствия остались позади!

Но впереди еще была цитадель.

Своими массивными равелинами, редутами и башнями цитадель возвышалась над всеми другими постройками Познани. Пятиугольник крепости был опоясан рвом шириной 10—12 и глубиной 8—10 метров. За рвом поднимался земляной вал высотой 6—7 и толщиной у основания до 12 метров. Главный вход в крепость с южной стороны — железные ворота — прикрывался огнем из трех башен и четырех редутов с многочисленными бойницами. На внутрикрепостном дворе оборона усиливалась железобетонными колпаками и щитами. Численность гарнизона превышала 11 000 человек.

Тщательно изучив все доступные нам данные о цитадели, командир корпуса решил штурмовать ее с юга и юго-запада силами 74-й и 82-й гвардейских стрелковых дивизий. С севера же крепость блокировалась 27-й гвардейской стрелковой дивизией (см. схему 2).

При выработке этого решения я высказался за продолжительный обстрел цитадели артиллерией большой мощности. Разрушить прочные крепостные стены можно было только тяжелыми снарядами. Снаряды 76-миллиметровых пушек, как мы убедились при штурме фортов, отскакивали от них будто горох. Эту артиллерию целесо-

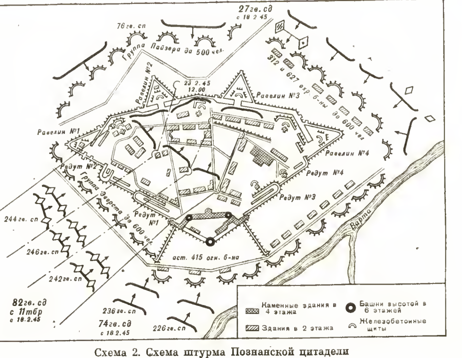

Схема 2. Схема штурма Познанской цитадели

образнее было использовать для стрельбы по бойницам, внутрикрепостным постройкам и живой силе в случае вылазок противника из крепости. Генерал Шеменков согласился с моими доводами.

К 16 февраля 82-я гвардейская стрелковая дивизия передала свой боевой участок 27-й гвардейской и завершила перегруппировку на юго-западные подступы к цитадели. Здесь нам предстояло разгромить так называемую группу Эверста (в ней насчитывалось до 600 человек), а затем овладеть равелином № 1 и двумя редутами. На усиление мы получили 1191-й легкий артиллерийский полк, 182-ю легкую артиллерийскую бригаду, дивизион 189-й тяжелой артиллерийской бригады, 7-й и 10-й штурмовые инженерно-саперные батальоны, 41-й огнеметный батальон. Поддерживать дивизию должна была 184-я тяжелая артиллерийская бригада большой мощности.

Фронт прорыва не превышал у нас 700 метров. Тем не менее было решено наступать всеми тремя стрелковыми полками одновременно — в одном эшелоне. Зато полки строили свой боевой порядок в три эшелона. Все приданные дивизии огневые средства распределялись по полкам, в том числе каждый полк получил по одному 280-миллиметровому орудию.

Отдельный истребительно-противотанковый дивизион майора Репина, оставленный в резерве, занял огневые позиции на участке 242-го гвардейского стрелкового полка, ближе к крепостным воротам, откуда вероятнее всего могла последовать контратака танков и самоходно-артиллерийских установок противника.

Мы отдавали себе ясный отчет в том, что овладение цитаделью потребует от личного состава дивизии максимального напряжения физических и моральных сил. Поэтому политотдел, партийные и комсомольские организации заблаговременно развернули соответствующую работу. Надо было внушить каждому участнику штурма, что через Познанскую цитадель пролегает прямой путь в логово фашистского зверя. Широко велась пропаганда успехов Красной Армии на всем советско-германском фронте. На партийных и комсомольских собраниях обсуждались итоги последних боев, проведенных дивизией; коммунисты и комсомольцы обменивались боевым опытом. Большое внимание было уделено укомплектованию коммунистами и комсомольцами штурмовых групп.

Предметом особых забот являлось артиллерийское обеспечение боев за цитадель. Командующий артиллерией дивизии гвардии подполковник П. М. Зотов и весь его штаб скрупулезно рассчитывали действия артиллерии буквально на каждую минуту боя. Зотов лично занимался выбором огневых позиций батарей, организацией их взаимодействия со штурмовыми отрядами и группами. Также основательно готовилось инженерное обеспечение штурма, за которое нес персональную ответственность дивизионный инженер гвардии майор А. М. Иванов. Много хлопот было у моего заместителя по тылу полковника А. М. Константинова. Должен сказать, кстати, что он у нас всегда блестяще справлялся со своими многотрудными обязанностями.

Командир корпуса назначил начало штурма на 8 часов 18 февраля. За сутки части дивизии должны были занять исходное положение.

Казалось, все шло хорошо. Но случилось непредвиденное: рубеж, на который выходил наш 242-й гвардейский стрелковый полк, был преждевременно оставлен одним из полков 74-й гвардейской стрелковой дивизии. Противник немедленно воспользовался этим и захватил три квартала перед крепостью. 242-му полку пришлось вести ожесточенный бой за возвращение их, в ходе которого было уничтожено до 400 и взято в плен 50 неприятельских солдат и офицеров.

Приближалась последняя перед штурмом ночь. Я съездил к командиру корпуса, чтобы внести последние коррективы в план наших действий. В подвале, где разместился штаб дивизии, меня ожидали полковник А. Г. Мандрыка, подполковник П. М. Зотов и начальник оперативного отделения штаба дивизии подполковник А. А. Соколов.

— Все в порядке! — объявил я им почти торжественно. — Командир корпуса принял все наши предложения. У вас ко мне есть что-нибудь?

У каждого что-то было. Каждый доложил по своим вопросам, а потом вдруг мне сообщили, что убит командир 246-го гвардейского стрелкового полка гвардии капитан А. И. Попов — во время рекогносцировки попал на мушку снайпера.

Для меня это было тяжелым ударом. Словно родного сына потерял.

— Эх, Алеша, Алеша!.. — простонал я.

Заплаканная девушка из АХЧ поставила на стол еду и чайник. Я знал — это невеста Попова...

Приказал принять полк А. В. Плякину. Майор Плякин был начальником штаба того же 246-го гвардейского стрелкового полка. Покойный В. С. Клепиков всегда отзывался о нем с похвалой. Уже одно это являлось надежной гарантией, что Плякин не подведет.

Отпустив всех, кто был у меня, распорядился, чтобы немедленно ложились спать, хотя твердо знал — вряд ли кто уснет. Да и сам не уснул — одолевали тревожные думы.

Чуть забрезжил рассвет, я вместе с Соколовым, Зотовым и командирами приданных артиллерийских частей направился на НП. Он находился в том же доме, в просторной мансарде над шестым этажом. Оттуда открывался широкий обзор — ничто не заслоняло цитадель.

Преодолев груды битого кирпича, пересыпанные раскрошенной штукатуркой, и разбросанные взрывной волной по всему четвертому этажу рулоны и листы бумаги из помещавшегося здесь склада канцелярских товаров, мы поднялись в небольшое помещение. Здесь уже хлопотали связисты. Зазуммерил телефон, соединявший нашу мансарду с чердаком Познанского городского театра, где обосновался командир корпуса.

— Сверим часы, да и будем начинать минут через пятнадцать, — услышал я голос генерала Шеменкова.

Эти пятнадцать минут тянулись удивительно долго. Наконец грохнули разом около тысячи орудий и минометов разных калибров. За первым залпом поддерживающая дивизию артиллерия большой мощности перешла на методический обстрел равелина № 1 и крепостной стены. Но даже ее тяжелые снаряды не могли пробить эти сооружения. Осколки снарядов со свистом резали воздух, отскакивая па триста — четыреста метров и долетая даже до моего НП. Создалась опасность поражения приблизившихся к крепости штурмовых групп.

Решили перейти на второй плановый вариант — перенести артиллерийский огонь на внутренние строения крепости и штурмовать ее, используя штурмовые лестницы, а для танков проделать проходы в стене с помощью саперов-подрывников.

Один тяжелый снаряд разорвался перед крепостью, разбрасывая деревья.

— Как косит! — восхитился кто-то.

— Хорошего мало, недолет, — отозвался на эту реплику Зотов.

Два снаряда срикошетили и, визжа, пошли гулять в сторону дальних равелинов.

— С участка Плякина стреляют неважно, — высказал я свое недовольство Зотову.

Он бросился к телефону. А в это время совсем не слышный в полете из-за гула нашей артиллерии рядом с НП разорвался 105-миллиметровый немецкий снаряд. Мансарду тряхнуло. Посыпалась штукатурка. Из оконных рам вылетели последние стекла. Загремело опрокинутое ведро.

Долго не рассеивался дым от этого взрыва, да к тому же в крепости начались пожары. Все это не только затрудняло наблюдение, но и мешало нашим артиллеристам вести прицельный огонь. Я присел рядом с Зотовым у низкого окна. В бинокль тоже плохо было видно происходящее.

— Артиллеристы корпусной группы бьют вслепую, — доложил я командиру корпуса. — Надо приказать им работать поочередно: полчаса на нас, затем столько же на Баканова *.

— Согласен, — ответил генерал Шеменков, — но перейдем на такое чередование после авиационной обработки.

На крепость уже выходили бомбардировщики из авиадивизии полковника Н. П. Федоренко. Мы видели, как от самолетов оторвались и с воем ринулись к земле темные силуэты бомб. И тут же высоко взметнулись несколько багрово-черных столбов с кудрявыми раструбами. Взрывная волна сметала с крыш черепицу, вышибала не только оконные рамы, но и двери в домах, примыкавших к цитадели.

Артиллеристы тоже делали свое дело. Теперь уже значительно лучше. Снаряды 203- и 280-миллиметровых орудий крушили редуты и равелины. У Зотова блестели глаза.

---

* Генерал-майор Д. Е. Баканов командовал тогда 74-й гвардейской стрелковой дивизией.

— Вот как надо! — комментировал он почти каждое удачное попадание.

К концу артиллерийской подготовки мощь огня возросла до предела. Чаще зазвонили телефоны: меня вызывали командиры полков — докладывали о готовности к броску в атаку.

— Активнее используйте дымовые шашки! — напоминал им я.— Сочетайте свой бросок с артогнем прямой наводкой...

Наконец все пришло в движение: автоматчики, саперы с длинными штурмовыми лестницами, связисты со своими проводами, артиллеристы, катившие перед собой на новые огневые позиции полковые и дивизионные пушки.

Напряженнее стала и обстановка на НП. Одна за другой следовали команды, то краткие, то резкие, подстегивающие. Все чаще звучало слово «вперед!».

— Ну, Павел Михайлович, теперь не зевай. Вон смотри, из ворот крепости строчит крупнокалиберный пулемет, — подсказал я Зотову.

Командующий артиллерией дивизии должен был организовать подавление и уничтожение уцелевших после артподготовки пулеметов и минометов противника. Вражеские пушки, танки и самоходно-артиллерийские установки вряд ли могли уцелеть. А вот пулеметы и часть минометов гитлеровцы, несомненно, уберегли, спустив их в подземные казематы.

Начальник оперативного отделения А. А. Соколов докладывает, однако, что Плякину мешает и артиллерия противника, открывшая огонь из леса за кладбищем. Отдаю соответствующее распоряжение Зотову. А Соколов тем временем протягивает мне трубку телефона — связал меня с командиром 244-го полка.

— Павленко, ваших не вижу! — кричу я в трубку. — Рассредоточивайтесь — и вперед!

Тут же приказываю Соколову передать Сухорукову, чтобы он помог огнем Павленко. Соколов кивает головой и снова ко мне с телефонной трубкой.

— Плякин просит...

Вижу, что бойцы Плякина бросились с лестницами и штурмовыми мостиками к земляному валу. Падают, поднимаются и снова падают.

— Противник режет кинжальным огнем из крепости и с кладбища, — жалуется Плякин.

— Не поднимать людей в атаку, пока не уничтожены мешающие вам огневые точки. У вас для этого средств достаточно. Заодно ударь на всякий случай по сараю, который горит.

— По сараю нельзя, — сорванным до хрипа голосом отвечает Плякин. — Туда повел своих комбат Беляев...

А я опять принимаюсь торопить Павленко:

— Вы что, под землю провалились? А ну вперед! Там дорога есть, у станции, за насыпью. Поставьте орудия на прямую наводку и марш по дороге...

Вижу, что у Плякина какой-то смельчак с пистолетом в руках перебежал открытое место, направляясь к пролому в крепостной стене.

— Кто это там с пистолетом бегает? — спрашиваю Плякина.

— Командир штурмового отряда Герой Советского Союза Борис Беляев.

— Я же приказал не с пистолетами, а с артиллерией и фаустпатронами атаковать противника. Вынужден буду наказать и тех, кто бегает перед гитлеровцами с пистолетом, и вас заодно...

...Так прошел весь день. Никто не думал о еде. Сам я, кажется, выпил лишь стакан чаю.

Уже вечерело, когда на земляном валу показалась группа гвардейцев с красным флагом. Тот, кто нес флаг, стал вдруг медленно оседать на землю. Древко подхватил сосед.

— Узнать, кто нес флаг, и доложить! — приказал я Соколову.

Доложили: флаг нес комсомолец Александр Попов. Призван на четвертом году войны, когда два старших его брата — Петр и Константин — уже пали смертью храбрых в боях с фашистами. Александр тоже дрался погвардейски — тоже, будучи раненным, остался в строю. Его мы и представили к званию Героя Советского Союза.

...Ночью все подступы к цитадели освещались не только ракетами, но и пламенем пожаров в близлежащих кварталах, специально подожженных противником. Но осада не прекращалась. Штурмовые отряды и группы в нескольких местах забрасывали рвы всем, что попадало под руку, — мебелью, досками, бревнами, ящиками, битым кир-

пичом. Артиллерия посылала снаряд за снарядом в центр крепости. Саперы готовили подрыв крепостной стены.

Командир 246-го гвардейского стрелкового полка А. В. Плякин доложил, что его 3-й батальон ведет бои внутри цитадели. Я сначала не поверил, приказал уточнить эти данные. Уточнили — все правильно. Но сообщили и горестную весть: погиб командир 3-го батальона Герой Советского Союза гвардии майор Б. В. Беляев.

Вот как это произошло. Майор Беляев первым устремился в пролом крепостной стены, личным примером увлекая за собой бойцов. Рядом с ним шли коммунисты гвардии капитан Абрамов, гвардии сержант Левчик, рядовой Бобичев, медицинская сестра Клава Зенкова, комсомолец Стругачев. Фашисты, отстреливаясь из-за деревьев и кладбищенских памятников, начали отходить внутрь крепости. Шальная вражеская пуля смертельно ранила Беляева. Медсестра Клава Зенкова долго тащила его на себе, а когда вынесла в безопасное место, обнаружила, что у майора перестало биться сердце. Так потеряли мы общего любимца — Бориса Владимировича Беляева — героя из героев!

Утром 19 февраля в цитадель прорвались бойцы еще одного батальона. Затем там появился и командир полка А. В. Плякин вместе со своим заместителем по политчасти И. Д. Кучерявым.

А 244-й гвардейский стрелковый полк под командованием К. Ф. Павленко вел тяжелый бой во рву. Я усилил полк за счет своего резерва — отдал туда противотанковый дивизион майора Репина. Одновременно приказал Павленко:

— Сарычева вперед! Он покажет всем, как надо воевать. Только не жалейте снарядов — надежно подавляйте огневые точки.

В тот же миг меня вызвал командир корпуса. Я доложил обстановку. Он, в свою очередь, проинформировал меня, что первый эшелон дивизии Баканова ведет бой на южных скатах вала.

Еще раз соединился по телефону с Павленко, предупредил:

— Там у вас за валом — наши соседи. Смотрите, не ударьте по ним.

После этого в сопровождении Соколова и Зотова я отправился на новый НП — поближе к месту боев.

К вечеру полк Плякина прочно закрепился внутри цитадели, а у Павленко батальон Сарычева овладел земляным валом. Гвардейцы окапывались там, укрываясь от пулеметного огня противника. И опять за докладом об этом успехе последовало известие о несчастье: на земляном валу сложил голову Герой Советского Союза гвардии капитан Ф. К. Сарычев.

У меня защемило сердце. Погибли лучшие командиры батальонов, гордость нашей дивизии.

Федор Кузьмич Сарычев, как и Борис Владимирович Беляев, был из числа тех молодых людей, которые буквально накануне войны вступили в самостоятельную жизнь. Уроженец Пензенской области, он окончил неполную среднюю школу и краткосрочные курсы. Некоторое время работал механиком в МТС. Осенью 1940 года был призван в армию. Служил сначала в Сибири. В 1942 году добился отправки на фронт. Войну начал у Сталинграда, прошел с боями Украину, Польшу и все подсчитывал, сколько еще километров осталось до Берлина. Но не суждено было Федору Кузьмичу одолеть эти трудные километры. Мы похоронили его в Познани.

А Борис Владимирович Беляев родился в Калуге. Перед войной окончил Московский институт физкультуры. Воевал с 1941 года, последовательно командуя взводом, ротой, батальоном... Недавно я узнал, что по стальным путям нашей Родины курсирует сейчас тепловоз имени Героя Советского Союза Б. В. Беляева. Построен он из металлолома, собранного учащимися калужской школы, в которой учился когда-то наш боевой комбат.

В бою за цитадель после тяжелого ранения выбыл из строя еще один очень уважаемый в дивизии человек — Герой Советского Союза старший сержант Николай Семенович Иванов. Сержанту было в ту пору чуть более 20 лет. К счастью, он остался жив и, по моим сведениям, поселился после войны в селе Арал-Геобе Алма-Атинской области Казахской ССР.

...В ночь на 20 февраля я был вызван на НП командира корпуса. Там уже находился прибывший раньше меня командир 74-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор Д. Е. Баканов.

— Ну как у тебя дела, Георгий Иванович? — спросил Шеменков. Выслушав мой короткий доклад, он, видимо, решил подзадорить Баканова и с притворным со-

чувством произнес: — А вот Дмитрий Евстигнеевич никак не может пробиться к воротам... — Командир корпуса многозначительно посмотрел на нас обоих и после паузы сказал, как о давно решенном: — В общем, завтра давайте кончать. Командарм уже ругается...

— Ругаться проще всего, — заметил я. — Надо бы поактивнее включить в дело авиацию и подтянуть побольше тяжелой артиллерии.

— Ну, авиация не в моем ведении, — откликнулся на эту реплику Шеменков, — а артиллерией нужно распоряжаться правильно...

С наступлением утра неистово заработала артиллерия большой мощности. В разные стороны полетели глыбы прочно сцементированного кирпича. Проломы в крепостных стенах расширялись прямо-таки на глазах. Через ров, по мосту, сооруженному за ночь на клеточных деревянных фермах, в цитадель устремились тяжелые и огнеметные танки, самоходно-артиллерийские установки. С вала одновременно хлынули штурмовые группы.

Я прильнул к стереотрубе. На второй редут поднялись три гвардейца. В руке у одного из них был красный флаг. У ног знаменосца вздымались фонтанчики песка от рикошетирующих пуль. И опять с непостижимой для ума последовательностью повторилось то, что я уже наблюдал на исходе первого дня штурма: знаменосец упал, к нему бросился товарищ, подхватил флаг и под вражеским огнем закрепил древко на редуте. Ветер развернул алое полотнище. Оно пламенело, как бы притягивая к себе новых и новых участников штурма.

Затрепетал красный флаг и на втором углу редута, обращенном к северу. Он находился дальше и казался темнее первого. Его потом назвали «саперным флагом», потому что водрузили его саперы.

А первым на редут поднялся агитатор штурмовой группы сержант А. Незаметдинов. Его сопровождали младший лейтенант Ступников и младший сержант Строгачев (все из 246-го гвардейского стрелкового полка). За проявленную отвагу каракалпаку А. Незаметдинову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Был блокирован и редут № 1, но там у противника уцелело больше огневых средств, и он упорно сопротивлялся нашему 242-му стрелковому полку.

Успешнее действовал левофланговый 244-й полк. Его штурмовые отряды захватили два надежно укрепленных дома и частью сил прорвались через пролом в крепостной стене к цитадели.

Справа же от нас 74-я гвардейская стрелковая дивизия приблизилась к главному входу в крепость. На развороченные стены двухэтажной башни взбирались сотни гвардейцев. Среди них отчетливо были видны люди в гражданском. «Кто такие? Откуда они взялись?» — гадали мы. Лишь позже выяснилось, что вместе с 74-й гвардейской дивизией цитадель штурмовал вооруженный отряд поляков — жителей Познани. Их никто не приглашал для участия в этом опасном деле. Они сами пришли сюда...

Местное население, особенно молодежь, не раз оказывало помощь и нашей дивизии. Польские патриоты подносили боеприпасы, помогали саперам в инженерных работах, были нашими проводниками по извилистым городским закоулкам, подвалам, лабиринтам промышленных предприятий.

23 февраля, в день 27-й годовщины Красной Армии, мы нанесли противнику новый ошеломляющий удар. 242-й гвардейский стрелковый полк овладел наконец редутом № 1 и вышел к редуту № 3. Здесь отличился еще один Иванов — Михаил Романович, гвардии старший лейтенант, командир штурмовой группы. После взятия редута № 1 он с десятью бойцами ворвался в главное здание крепости, уничтожил там около 30 гитлеровцев и пленил более 120, а затем водрузил на этом здании красный флаг, который словно бы символизировал нашу победу над цитаделью. Михаилу Романовичу Иванову тоже было присвоено звание Героя Советского Союза.

Примерно в середине дня в крепости один за другим прогремели страшной силы взрывы — противник сам уничтожил свои склады боеприпасов. Затем в амбразурах уцелевших казематов появились белые флаги. Остатки гарнизона цитадели капитулировали. Сдались в плен комендант крепости генерал-майор Маттерн и начальник штаба. А в редуте № 4 были обнаружены трупы еще одного генерала и полковника войск СС, которые покончили жизнь самоубийством.

По пробитой гусеницами танков и самоходок ухабистой дороге я приехал на площадь цитадели. Она вся бы-

ла изрыта бомбами, снарядами, минами. Догорали дома, сараи, конюшни, тянулся едкий дым из погребов. Провели большую группу пленных с понуро опущенными головами. У глубокой воронки от авиабомбы расположилось какое-то саперное подразделение и вместе с ним группа поляков. Я поинтересовался, о чем они беседуют. Оказывается, главным предметом беседы был мост через крепостной ров. Мне только что довелось проехать по этому мосту, построенному под огнем противника.

— Молодцы! — похвалил я саперов. — Хороший мост.

— Вместе строили! — не без гордости объявил один из поляков.

Звали этого человека Леонард Куява. А двадцать лет спустя этот самый Леонард Куява, в то время уже пенсионер, одним из первых жителей Познани поздравлял меня в тот день, когда я стал почетным гражданином его родного города. Этот факт был мне очень приятен. Для всех ветеранов 82-й гвардейской Познань — тоже по-своему родной город. Там — братские могилы наших боевых товарищей. Там многие из нас пролили кровь. И там все мы были удостоены щедрых наград Родины. За освобождение Познани мне в числе семерых солдат и офицеров дивизии было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. 6 солдат, сержантов и офицеров были награждены орденом Ленина, 21 — орденом Красного Знамени, 3 — орденом Богдана Хмельницкого, 14 — орденом Александра Невского, 668 — орденом Славы, 382 — орденом Красной Звезды, а все остальные — медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». Ни один участник штурма города-крепости не остался без награды.

В ЛОГОВЕ ФАШИСТСКОГО ЗВЕРЯ

Уже 3 февраля 1945 года советские войска вышли к Одеру и захватили небольшие плацдармы на его западном берегу. До Берлина оставалось всего 60—80 километров. Однако продолжать наступление на берлинском направлении главная ударная группировка фронта не могла. Большинство соединений понесло значительные потери в непрерывных и ожесточенных боях на 500-километровом пространстве между Вислой и Одером. Отстали тылы. Ощущалась острая нужда в боеприпасах и горючем.

К тому же стало известно, что гитлеровцы готовят сильный контрудар из Восточной Померании по правому флангу и тылу советских войск. Это заставило командующего 1-м Белорусским фронтом Маршала Советского Союза Г. К. Жукова срочно повернуть на север 1-ю и 2-ю гвардейские танковые армии, 7-й гвардейский кавкорпус, а также часть артиллерии и инженерных войск.

Верховный Главнокомандующий потребовал от командования 1-го и 2-го Белорусских фронтов в первую очередь разгромить восточно-померанскую группировку немцев и только после этого начинать Берлинскую наступательную операцию.

В наступлении на Берлин предстояло принять участие и 82-й гвардейской стрелковой дивизии. 24 февраля я передал Познанскую цитадель командиру 2-й штурмовой бригады и повел свои части по маршруту Познань, Шлехен, Пинне, Кема, Варцбаум, Бетше, Мезеритц, Радах. Попутно наши передовые отряды прочесывали окрестные леса, а также вылавливали с помощью польского гражданского населения переодевшихся гитлеровцев.

В Радахе разместился мой командный пункт. Туда же прибывало свежее пополнение. В ночь на 3 марта 242-й

гвардейский стрелковый полк произвел смену одного из полков 35-й гвардейской стрелковой дивизии, оборонявшегося южнее крепости Кюстрин, а остальные части приступили к планомерной боевой подготовке.

Напряженная учеба в перерывах между боями стала в дивизии своего рода традицией. И, пожалуй, именно поэтому даже в таких тяжелых боях, какие нам пришлось выдержать при штурме цитадели, мы понесли относительно небольшие потери — 175 человек убитыми и 364 ранеными, уничтожив при том более 5500 гитлеровцев.

К концу марта положение на советско-германском фронте значительно изменилось в пользу Красной Армии. Войска 2-го и 1-го Белорусских фронтов разгромили восточно-померанскую группировку противника и вышли к его Данцигско-Гдынскому укрепленному рубежу. Шло непрерывное наращивание наших сил и средств на рубеже рек Одер и Нейсе, от которых до Берлина, как говорится, рукой подать. Совинформбюро сообщило, что войска 5-й ударной армии уже овладели Кюстрином.

Утром 25 марта меня срочно вызвали в штаб 8-й гвардейской армии. Приехал, иду прямо к командарму, а там — командующий фронтом. И сразу — вопрос:

— Сколько вам потребуется времени для овладения крепостью Кюстрин?

Я опешил.

— Но она же взята... Все слышали по радио...

— Вас не об этом спрашивают, — нахмурил брови маршал Жуков. — Отвечайте на мой вопрос: когда сможете овладеть Кюстрином и что для этого нужно?

— Товарищ командующий, мою дивизию совсем недавно вывели в резерв... И потом, мне не известна обстановка в районе Кюстрина... не знаю, что из себя представляет эта крепость, какие там силы, — отвечал я сбивчиво.

— А вы говорите, дивизия хорошая... — осуждающе бросил командующий фронтом в сторону В. И. Чуйкова.

— Лучшая в корпусе. Настоящая, штурмовая, — твердо заявил командарм и с некоторым удивлением взглянул на меня.

— Разрешите, товарищ маршал, провести рекогносцировку, а затем доложить вам сроки овладения крепостью,— обратился я к Жукову.

— Хорошо, — согласился он. — К вечеру разберитесь во всем, разработайте план штурма и доложите, какие требуются вам средства усиления.

По моей просьбе в рекогносцировочную группу были включены командующий артиллерией и начальник инженерных войск армии. На обратном пути в дивизию спрашиваю моего старого друга генерал-лейтенанта артиллерии Н. М. Пожарского:

— Николай Митрофанович, как же так получилось, что Кюстрин еще надо штурмовать, а было уже объявлено о его взятии?

Пожарский пожал плечами:

— Я могу, Георгий Иванович, ответить тебе лишь предположительно. Есть два Кюстрина: город — восточнее Одера и одноименная старинная крепость — на острове, омываемом Одером и Вартой. То, что в городе и сейчас наши, это я знаю точно — разговаривал со своим коллегой из пятой ударной армии.

— Ходили слухи, что в Кюстрине недавно был Гитлер, выступил там с речью и призвал свои войска не сдавать этот пункт ни при каких обстоятельствах, — заметил я.

— Правильно, — подтвердил Пожарский. — Гитлер приезжал именно в крепость Кюстрин. Допускаю, что наши войска ее все-таки брали. Бывает же так: возьмут, поспешат донести, а удержать не сумеют...

В действительности так и было в данном случае: один полк из 5-й ударной армии внезапно ворвался в крепость, но подвергся сильным контратакам противника и не выстоял.

Крепость Кюстрин, построенная еще в девятнадцатом столетии на острове, имела крепкие кирпичные стены толщиной 2,5 и высотой до 10 метров. С внешней стороны простирались земляной вал и глубокий ров, заполненный водой. Трое крепостных ворот — Кётские, Восточные и главные — Берлинские, а также мосты к ним прикрывались перекрестным огнем из фортов и редутов. По западному берегу Варты и в рощах северо-восточнее крепости гитлеровцы подготовили мощную полевую оборону в три линии траншей с многочисленными дотами и дзотами, эшелонированными в глубину. Так же, как и в Познани, все кирпичные строения перед крепостью и

внутри ее противник приспособил для круговой обороны. По данным разведки, численность крепостного гарнизона превышала 2000 человек. Командовал им генерал-лейтенант войск СС Рейнфарт.

Сплошные болота и непроходимые топи в пойме Варты не позволяли развернуть наступление одновременно с нескольких направлений. Прорваться к крепости по суше можно было только с юго-востока по железной дороге. Здесь я и решил нанести главный удар. Кроме того, намечалось переправить небольшой десант через Варту.

Боевой порядок дивизии строился в два эшелона: в первом эшелоне — 242-й и 246-й гвардейские стрелковые полки, во втором — 244-й гвардейский стрелковый полк. Завершить штурм планировалось в течение четырех суток.

26 марта 82-я гвардейская при поддержке 141-го отдельного минометного полка, двух дивизионов 100-й гаубичной бригады большой мощности, двух дивизионов 26-й тяжелой артиллерийской бригады, 43-й пушечной артиллерийской бригады с 185-м гвардейским артиллерийским полком, батареей трофейных 105-миллиметровых пушек, двумя ротами танков ИС и отдельной ротой приступила к выполнению своей боевой задачи.

Восемь часов продолжалась артиллерийская подготовка. Одновременно наша авиация усиленно бомбила полевую оборону немцев и крепостные сооружения. Тяжелые авиационные бомбы вдребезги разносили вражеские доты и дзоты. В крепостных стенах и фортах образовались проломы. Большие разрушения были причинены зданиям внутри крепости.

В 19 часов 30 минут части дивизии перешли в наступление. 242-й гвардейский стрелковый полк, преодолевая огневое сопротивление врага, вышел 1-м батальоном к железнодорожной платформе Кицербуш. Действовавший исключительно напористо 2-й батальон того же полка овладел дамбой, тянувшейся вдоль восточного берега Одера. Однако с рассветом 27 марта гитлеровцы подвергли дамбу сильному артиллерийско-минометному обстрелу и ударам авиации, а затем перешли в контратаку и потеснили оттуда наши подразделения.

На следующий день продвижения почти не было. Шла напряженная артиллерийская дуэль, активно действовала

как наша, так и вражеская авиация. Штурмовые отряды окапывались, готовясь к новому решительному броску.

Большую часть дня я провел на НП командира 242-го полка и принял решение: с утра 28 марта 1-м батальоном этого полка вместе с отдельной ротой нанести повторный удар вдоль железной дороги и овладеть кварталами № 47, 44, 40; 2-м батальоном захватить квартал № 45 и крепостной форт. Наступать предстояло в очень узкой полосе и потому батальоны эшелонировались в глубину штурмовыми группами. В состав каждой штурмовой группы входили: стрелковая рота, две 45-миллиметровые пушки, два 76-миллиметровых орудия, 120-миллиметровый миномет, крупнокалиберный пулемет, два станковых пулемета, девять ручных пулеметов, саперный взвод, 100 фаустпатронов, два танка ИС и одна самоходно-артиллерийская установка (САУ-152).

Существенно менялся боевой порядок дивизии: 246-му гвардейскому стрелковому полку приказано было наступать вслед за 242-м полком.

В 7 часов 30 минут наша артиллерия нанесла новый мощный удар по всей обороне противника. Штурмовые отряды устремились вперед. 242-й гвардейский стрелковый полк с отдельной ротой сбил гитлеровцев с перекрестка железной и шоссейной дорог и вышел на дамбу. 3-я стрелковая рота ворвалась в квартал № 47, а бойцы отдельной роты захватили восточную часть квартала № 44. 2-й батальон к середине дня овладел фортом. В 17 часов 242-й и 246-й гвардейские стрелковые полки завязали ожесточенные бои в кварталах № 40, 42, 43, 44, 45, 46 и 47.

В это время на мой НП, выдвинутый к перекрестку дорог, прибыли генерал-полковник В. И. Чуйков и командующий бронетанковыми войсками 8-й гвардейской армии генерал М. Г. Вайнруб. Приезд их совпал с ударом вражеской авиации по боевым порядкам дивизии, и оба генерала чуть было не погибли от бомбы, разорвавшейся вблизи НП. Вайнруб успел прикрыть командарма и был тяжело ранен. У нас в дивизии ему определенно не везло. В Лодзи, прибыв к нам с тяжелым танковым полком, он тоже был ранен.

Раненого генерала увезли в медсанбат, а командарм вместе со мной занялся уточнением плана дальнейших действий. Решено было ночью опять обрушить на кре-

ность всю мощь огня нашей артиллерии и высадить туда десант для захвата переправ через Одер. Командующий армией обещал оказать десанту помощь и бомбардировочной авиацией.

Когда он уехал, я сразу направился в отдельную роту, солдатам которой предстояло участвовать в десанте. В беседе с людьми особо подчеркнул, что они должны успеть высадиться на остров за пять минут до того, как наша бомбардировочная авиация закончит обработку полевой обороны немцев.

Десантники действовали очень хорошо. Не дав гитлеровцам опомниться от сосредоточенного огня нашей артиллерии и удара с воздуха, они ворвались в неприятельские траншеи, забросали гранатами дзоты, широко использовали фаустпатроны.

Успешно развивались события и на главном направлении. Утром 29 марта штурмовые отряды ворвались в крепость, а к полудню остатки ее гарнизона капитулировали. Лишь комендант крепости Рейнфарт бежал за Одер с небольшим числом приближенных.

В боях за крепость Кюстрин 82-я гвардейская истребила до 1000 и взяла в плен 944 гитлеровца, в том числе 156 раненых. Уничтожено было 80 пулеметов, 16 минометов, 19 орудий, 6 танков и САУ, 150 автомашин, два склада с боеприпасами. Захвачено в качестве боевых трофеев: более 100 пулеметов, 500 автоматов и винтовок, 40 орудий, 62 автомашины, 2 бронетранспортера, 96 вагонов, 2 паровоза, 6 складов с боеприпасами, 4 продовольственных склада.

Наши потери были намного меньше. Даже потери десантированной отдельной роты оказались незначительными: из 156 человек было убито пятеро и ранено 20.

Отлично действовали наши саперы, обеспечивавшие переправу десантников и взрывавшие вражеские укрепления на пути штурмовых групп. Особо проявили себя при этом гвардии лейтенант Сергеев, гвардии старший сержант Пасеков, гвардии сержант Ковалев, рядовой Янакий. Смертью храбрых пали в этом бою гвардии сержант Лукьяненко и рядовой Усько.

Добрым словом хочу помянуть здесь и медиков, которые в трудных условиях самоотверженно боролись за спасение жизни раненых. Один только сержант Михайлов вынес с поля боя 46 солдат и офицеров. Высокую опера-

тивность в оказании помощи пострадавшим в бою проявили капитаны медслужбы А. И. Агапова и И. Е. Сатановский, лейтенанты медслужбы А. Я. Чумакова и Г. С. Белипкова.

30 марта, как только я передал донесение об овладении крепостью Кюстрин, к нам приехал В. И. Чуйков. По-видимому, командарм сам хотел проверить, насколько основательно мы закрепились здесь.

Проверил и остался доволен.

— Будем считать, что ошибка исправлена,— коротко подытожил он.

Еще в январе 1945 года, после прорыва советскими войсками Вислинского оборонительного рубежа, гитлеровцы приступили к строительству многополосной, глубоко эшелонированной обороны на берлинском направлении. С особой интенсивностью эти работы развернулись в феврале — марте, когда неотвратимая угроза приблизилась к Берлину почти вплотную.

Созданию здесь устойчивой обороны благоприятствовали холмистая местность и густая сеть населенных пунктов с прочными кирпичными постройками, обилие рек, судоходных и ирригационных каналов. Общая глубина только первой полосы, или, как ее называли, предполья Одерско-Нейсенской оборонительной системы, достигала 20—40 километров.

Важнейшее значение противник придавал обороне перед нашим кюстринским плацдармом. Здесь первая полоса имела три-четыре позиции, каждая из трех-четырех траншей, связанных между собою ходами сообщения. Передний край прикрывался многорядными минными полями с плотностью до двух тысяч мин на километр фронта, проволочными заграждениями и малозаметными препятствиями. На танкоопасных направлениях были созданы противотанковые рвы и одиночные колодезеобразные окопы для солдат, вооруженных фаустпатронами.

Грозной преградой на пути советских войск к Берлину были Зееловские высоты, вздымавшиеся над старым руслом Одера на 40—60 метров. Используя их крутые — до 40° — склоны, изрезанные оврагами, противник создал здесь вторую оборонительную полосу.

За Зееловскими высотами проходила третья (тыловая) полоса вражеской обороны с передним краем по реке Флисс. Она тоже была хорошо укреплена и простиралась до реки Шпрее.

Вокруг самого Берлина один за другим следовали три так называемых оборонительных обвода. Первый — внешний — находился в 25—30 километрах от центра города и опирался на берега рек, каналов, пригородные лесопарки. Второй — внутренний обвод — тянулся в основном по окраинам Берлина, превращенным в мощные узлы сопротивления, которые соединялись тремя — пятью траншеями с пулеметными, минометными, артиллерийскими огневыми позициями и железобетонными дотами, эшелонированными в глубину. Границы третьего обвода совпадали с линией окружной железной дороги.

Для удобства управления обороной город делился на девять секторов, из которых восемь располагались по окружности, а девятый — в центре. В границах этого сектора находились важнейшие государственные учреждения, в том числе рейхстаг и имперская канцелярия с бункером Гитлера, а потому девятый сектор был подготовлен к обороне особенно тщательно. Центральные кварталы представляли собой батальонные узлы сопротивления с ротными и взводными опорными пунктами, которые располагались в отдельных зданиях и сообщались между собой подземными ходами. Улицы были забаррикадированы, а баррикады прикрыты огнем крупнокалиберных пулеметов и орудий прямой наводки. На перекрестках улиц устанавливались железобетонные колпаки и закапывались танки. Всего в Берлине насчитывалось более 400 железобетонных и броневых долговременных сооружений. Самые мощные из них, в Зоологическом саду и некоторых парках, имели высоту до 40 метров, делились на шесть этажей (толщина перекрытий 3,5 метра, стен — 2,5 метра). В гарнизоне каждого такого сооружения насчитывалось от 300 до 1000 человек. Наверху устанавливалось от четырех до девяти зенитных орудий калибра 128 миллиметров.

Общая численность Берлинского гарнизона превышала 200 тысяч человек, а всего на берлинском направлении оборонялось до миллиона человек. В их распоряжении находилось более 10 000 стволов артиллерии и минометов, 1500 танков и штурмовых орудий, 3300 самолетов.

С нашей стороны против них было сосредоточено 2 500 000 человек, 42 000 орудий и минометов, 6250 танков и самоходно-артиллерийских установок, 7500 боевых самолетов. Такого количества сил и средств не применялось ни в одной из операций Советской Армии за все время Великой Отечественной войны.

Овладев крепостью Кюстрин, наша 82-я гвардейская стрелковая дивизия оставила там только один батальон, а все остальные свои части и подразделения сосредоточила на заодерском плацдарме. Мой командный пункт находился северо-восточнее Зееловских высот, в районе Запцига.

Все говорило о том, что нам предстоит участвовать в нанесении главного удара. К тому времени в дивизии насчитывалось 4780 солдат, сержантов и офицеров, причем 1827 из них только за последний месяц были награждены орденами и медалями.

Порадовало меня и новое пополнение. Среди вновь прибывших оказалось немало бойцов из знаменитого партизанского соединения С. А. Ковпака. При первой же встрече с ними я, конечно, стал расспрашивать о комиссаре этого соединения моем старом друге и наставнике С. В. Рудневе.

— Хороший был человек, — услышал я в ответ.

Меня это встревожило.

— Почему был? Где он теперь?

— Нема нашего Семена Васильевича... Погиб в Карпатах. Недалеко от Делятина... И сын его, Радик, тоже там убит, — разом заговорили несколько бойцов.

Радость встречи с этими славными хлопцами сменилась глубоким горем...

14 апреля был получен боевой приказ. Нашей дивизии, как и всей 8-й гвардейской армии, действительно надлежало наступать на главном направлении. Но пока она составляла резерв командарма. Ночью 15 апреля мы сосредоточились в лесу Гузовер на стыке с 5-й ударной армией.

В пять часов утра 16 апреля, за два часа до восхода солнца, предрассветная тишина взорвалась грохотом десятков тысяч орудий и минометов. Огонь был настолько плотным и мощным, что командование фронтом сократило время артиллерийской подготовки. Она продолжалась менее получаса и завершилась залпами реактивной

артиллерии. Тут же вспыхнули 140 зенитных прожекторов и сотни фар танков непосредственной поддержки пехоты. В небо взвились тысячи разноцветных ракет.

Зрелище было величественным. Со своего наблюдательного пункта я хорошо видел, как войска первого эшелона 8-й гвардейской армии устремились в атаку. Противник молчал. Главная полоса обороны в полдень была прорвана. Однако при подходе к Зееловским высотам (вторая полоса обороны) на советские войска обрушился шквал пулеметного и артиллерийского огня. Некоторые части отхлынули назад, в открытую приодерскую долину.

Командование фронта попыталось поправить дело вводом в бой 1-й и 2-й гвардейских танковых армий. Но Зееловские высоты оказались для них слишком трудным препятствием. Потребовались новые усилия, чтобы основательно подавить оборону гитлеровцев артиллерийским огнем и бомбовыми ударами авиации.

На следующий день в расположение 244-го гвардейского стрелкового полка нашей дивизии летчики сбросили на парашюте большой металлический ключ с таким сопроводительным посланием:

Гвардейцы, друзья, к победе —
вперед!
Шлем вам ключ от Берлинских ворот!..

На одной стороне этого ключа было выбито «1760 г.», на другой — «1945 г.».

В 1760 году Берлин капитулировал перед русскими войсками, и тогда в Россию был увезен символический ключ от берлинских ворот, а по всей Европе пронеслась крылатая фраза генерал-фельдмаршала П. Шувалова: «Из Берлина до Петербурга не дотянуться, но из Петербурга до Берлина достать всегда можно».

Весть о том, что ключ от Берлина находится в нашей дивизии, вызвала у гвардейцев новый прилив боевого энтузиазма. По этому поводу политработники провели летучие митинги, рассказали о том, как наши далекие предки штурмовали германскую столицу 185 лет назад.

17 апреля вечером командующий армией принял решение ввести в сражение находившуюся в его резерве 82-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Нам ставилась

задача форсировать реку Флисс на участке Герльсдорф, Нейдер, обойти главные опорные пункты противника и овладеть четырьмя господствовавшими здесь безымянными высотами.

Дивизия построила боевой порядок в два эшелона. В первом — два стрелковых полка: 242-й (полковника И. Ф. Сухорукова) и 244-й (подполковника К. Ф. Павленко). Во втором — 246-й гвардейский стрелковый полк под началом Героя Советского Союза подполковника А. В. Плякина.

Артиллерийская подготовка атаки продолжительностью 45 минут назначалась на шесть часов утра 18 апреля.

За ночь мы произвели соответствующую перегруппировку и в точно назначенное время всей огневой мощью обрушились на траншеи противника по высотам. С этого момента на моем НП неотлучно находился член Военного совета 8-й гвардейской армии генерал-майор А. М. Пронин, который лично информировал командарма о ходе и результатах боя.

Первым форсировал реку Флисс и стремительно атаковал безымянные высоты западнее Герльсдорфа 242-й гвардейский стрелковый полк. Я тотчас представил его командира полковника И. Ф. Сухорукова к званию Героя Советского Союза. Спустя некоторое время переправились через Флисс и подразделения 244-го гвардейского стрелкового полка. К 14 часам противник был выбит с высот и из рощи юго-восточнее Ворина.

Закрепившись на этом рубеже, мы во второй половине дня атаковали Ворин и к 20 часам овладели им. А ночью обходным маневром с востока и севера захватили еще один важный опорный пункт гитлеровцев — Янсфельде. Тут в числе прочих боевых трофеев нам достались 10 исправных бронетранспортеров. На них мы посадили наших бойцов, вооруженных фаустпатронами, и направили эту подвижную группу к Берлинскому шоссе.

Берлинское шоссе входило в полосу соседней 5-й ударной армии, но меня это не смущало. Я помнил приказ Верховного Главнокомандующего, в котором говорилось, что разграничительные линии между соединениями и армиями не должны сковывать инициативу командиров, мешать им в использовании благоприятных оперативных

возможностей для нанесения противнику неожиданных ударов.

Посоветовавшись с генералом А. М. Прониным, отдал приказ командирам полков развивать наступление вдоль Берлинского шоссе в направлении Мюнхенберга, где, по показаниям пленных, сосредоточились значительные силы немецкой пехоты с танками и артиллерией.

Следовало поторапливаться. С утра 19 апреля, когда к шоссе вышли главные силы дивизии, появилась вражеская авиация. Группами до 12 самолетов она бомбила наши части и обстреливала их из бортового оружия. Затем мы подверглись и сильному артиллерийскому огню из района Мюнхенберга.

К 16 часам 246-й и 244-й гвардейские стрелковые полки подошли к Мюнхенбергу с северо-востока. 242-й гвардейский стрелковый полк я направил лесами в обход города с запада. Основная масса нашей артиллерии начала методический обстрел восточных подступов к нему. Здесь у неприятеля были развернуты артиллерийские и минометные батареи, отрыты траншеи и подготовлены пулеметные площадки. С моего НП, оборудованного на высотке, поросшей лесом, хорошо просматривалось все это.

С Сухоруковым поддерживалась непрерывная радиосвязь. И когда он донес, что его полк, преодолев лесной массив, обошел Мюнхенберг и развернулся фронтом на восток, я подал команду Павленко и Плякину:

— Начали!

Два полка тут же завязали огневой бой и приковали к себе внимание гитлеровцев. А тем временем полк Сухорукова на своих и трофейных бронетранспортерах и автомашинах почти беспрепятственно ворвался в город со стороны Берлина.

Враг, попавший в ловушку, отчаянно сопротивлялся, но наши отлично натренированные штурмовые группы брали квартал за кварталом. К 20 часам дивизия полностью овладела этим важнейшим опорным пунктом гитлеровцев на подступах к Берлину. В ходе боя гвардейцы уничтожили более 1000 и взяли в плен 150 вражеских солдат и офицеров, освободили из фашистской неволи 1500 граждан разных национальностей, подбили 15 танков, 7 самоходных орудий, захватили артиллерийский дивизион в полном составе, 3 танка, 50 пулеметов, свыше 500 автоматов и винтовок, ремонтные мастерские, склады

с вооружением, боеприпасами и различным военным имуществом.

Это был большой успех. Захватив Мюнхенберг, мы, по существу, вышли на тылы группировки противника, все еще оказывавшей упорное сопротивление главным силам 8-й гвардейской армии у Зееловских высот.

Когда в городе были подавлены последние очаги сопротивления противника и я доложил об этом В. И. Чуйкову, он в первую минуту засомневался:

— Неужто успели покончить вчистую?

— К вам поехал генерал Пронин, он все видел и подтвердит мой доклад, — ответил я.

— Передайте личному составу дивизии благодарность Военного совета армии и представьте к наградам особо отличившихся, — приказал В. И. Чуйков.

— Спасибо!

— Не спешите, выслушайте до конца! — продолжал командарм. — Сдайте дивизию своему заместителю генералу Дуке и сегодня же вступайте в командование двадцать девятым гвардейским корпусом.

— А что случилось с генералом Шеменковым? — забеспокоился я.

— Абсолютно ничего. Он идет в другое хозяйство... Больше вопросов, надеюсь, нет? Или опять собираетесь отказываться от нового назначения?

— Никак нет, товарищ командарм. Благодарю за доверие!

— То-то же... Не время сейчас для разговоров. Дорог каждый час. Жмите на Берлин, комкор!

По всему чувствовалось, что у Василия Ивановича было прекрасное настроение. Вероятно, и на направлении главного удара армии тоже обозначился серьезный успех.

То, что меня назначили командиром 29-го гвардейского Лодзинского стрелкового корпуса, я и впрямь воспринял с благодарностью. Корпус этот считался лучшим в 8-й гвардейской армии. Недаром на него возлагались такие сложные задачи, как прорыв позиционной вражеской обороны с магнушевского плацдарма, овладение промышленной Лодзью, штурм мощных крепостей Познань и Кюстрин. Можно было не сомневаться, что и в решающем сражении за Берлин ему суждено играть да-

леко не последнюю роль. Начало-то уже положено: 82-я гвардейская стрелковая дивизия своим выходом на тыловой оборонительный рубеж немцев западнее Зееловских высот значительно облегчила прорыв второй полосы их обороны главными силами 8-й гвардейской армии. В какой-то мере мы помогли и 5-й ударной, наступление которой вдоль шоссе Кюстрин — Берлин развивалось теперь особенно успешно.

Прибыв к новому месту службы, я уже не застал там генерала Шеменкова. Меня встретили начальник штаба корпуса полковник А. К. Козловицкий, начальник политотдела полковник С. С. Копылов, командующий артиллерией генерал-майор артиллерии В. М. Зеленцов и начальник оперативного отдела полковник Ф. Ф. Гайворонский. Всех их я хорошо знал, ко всем относился с большим уважением и был уверен, что работать мы будем дружно.

Хорошее впечатление произвел на меня своим первым докладом полковник С. С. Копылов. Я не мог не оценить того, как предельно конкретны были характеристики, которые он давал каждому политработнику частей корпусного подчинения. Немногословно, но обстоятельно доложил начальник политотдела и о том, как все они вместе решают главную свою задачу — поддерживают в войсках высокий наступательный порыв. Чувство гордости и высокой ответственности звучало в словах Копылова, когда он говорил о выполнении нашими солдатами и офицерами своего интернационального долга. И это особенно понравилось мне. Мы ведь пришли в Германию не как завоеватели, а как освободители. И хотя германский фашизм причинил всем нам, советским людям, неисчислимые беды и страдания, следовало сделать все, чтобы священная ненависть к фашизму не вылилась в слепую месть жителям Германии.

Трудное это было дело: вести войска на штурм Берлина, по справедливости называвшегося логовом фашистского зверя, каждый час терять товарищей в результате яростного сопротивления гитлеровцев и в то же время не допускать бессмысленной жестокости со стороны наших солдат, не нарушать норм нашей социалистической морали по отношению к берлинцам...

В ночь на 23 апреля я отдал приказ на форсирование Шпрее.

В полосе наступления корпуса не уцелело ни одного моста. Преодолевать эту внушительную водную преграду войскам предстояло на подручных средствах и вплавь. Такие задачи не решаются без потерь. Но руководящий состав корпуса постарался сделать все, чтобы свести потери к минимуму. Категорически запрещалось поднимать людей в атаку на позиции противника, недостаточно обработанные огневыми средствами. Командирам, вплоть до ротного, не разрешалось переправляться через Шпрее первыми. Они должны были руководить переправой и управлять боем. Мне, в частности, пришлось резко отчитать бывшего своего заместителя, а теперь командира 82-й гвардейской стрелковой дивизии Героя Советского Союза генерала М. И. Дуку, порывавшегося переправиться вплавь с передовыми подразделениями дивизии. Такой, казалось бы, благородный порыв грозил гибелью самому генералу и мог вызвать неоправданные потери среди его подчиненных, так как нарушилось бы управление боем.

Еще до рассвета, в 2 часа 30 минут, наша артиллерия открыла плотный огонь по западному берегу Шпрее. Через полчаса начала переправу 82-я гвардейская, используя наспех собранные по всему побережью спортивные и прогулочные лодки. Первым на противоположный берег реки ступил 242-й гвардейский полк Героя Советского Союза полковника И. Ф. Сухорукова. А в этом полку первенство принадлежало роте автоматчиков под командованием гвардии старшего лейтенанта К. П. Матвеева. За плечами у Матвеева был долгий и славный боевой путь, начавшийся еще в 1941 году. Мне больно писать об этом... Вражеская пуля сразила мужественного коммуниста, ветерана дивизии за несколько дней до окончательной нашей победы...

Хочу отметить, что и на этом завершающем этапе войны командный состав частенько отказывался от эвакуации в госпиталь по ранению. В том же 242-м полку командир взвода 45-миллиметровых пушек младший лейтенант М. И. Сергеев, будучи серьезно раненным, не ушел с поля боя, пока там основательно не закрепились стрелковые подразделения.

То же самое докладывали мне о командире стрелковой роты старшем лейтенанте А. К. Малике. Даже получив тяжелое ранение, он нашел в себе силы управлять ротой до подхода других подразделений.

Правее 82-й дивизии форсировала Шпрее 27-я гвардейская стрелковая дивизия, а затем на захваченный плацдарм я переправил и второй эшелон корпуса — 74-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Противник предпринял сильные контратаки, но все они были отражены и мы продолжали наступление. Через несколько часов, преодолев Шпрее, корпус с ходу форсировал Тельтов-канал и, развивая успех, овладел пригородами Берлина — Нидером, Баумшуленвегом, Брицем и, наконец, ворвался на южную окраину столицы фашистской Германии.

У нас имелся солидный опыт штурма крупных городов и даже крепостей. Но то, с чем мы встретились в Берлине, не шло ни в какое сравнение с тем, что нам было знакомо. Здесь оборонялись наиболее стойкие части СС, юнкера, отпетые нацисты. У них не было выбора: одни опасались, и не без основания, расплаты за свои прошлые, часто кровавые, преступления, другие считали, что с гибелью гитлеровского рейха погибнет все их будущее. А потому и те и другие дрались с отчаянием обреченных и в жилых домах, и на лестничных клетках, и в подвалах, и на чердаках, и на крышах, и в подземных тоннелях канализационной системы, и в метро. Огонь велся из-за высоких парапетов многочисленных каналов, из траншей, вырытых в скверах и парках, из железобетонных и броневых сооружений, воздвигнутых на перекрестках улиц. Противник минировал не только сами дома, но даже мебель в них, не говоря уже об автомашинах, мотоциклах, велосипедах. На каждом шагу нас подстерегали «сюрпризы» и «ловушки». Гитлеровцы чувствовали, что почва уходит у них из-под ног, а потому шли ва-банк. Они могли, например, беспрепятственно впустить советских бойцов в здание, представлявшее собой бесценный памятник истории и культуры немецкого народа, и тут же мощным взрывом сокрушить это национальное сокровище.

Исключительную опасность представляли диверсионные группы фаустников. Хорошо зная город, они искусно маневрировали по переулкам и проходным дворам, между развалинами и уцелевшими зданиями, в лабиринте подземелий и заводских корпусов.

Труднопреодолимыми препятствиями оказались превращенные в неподвижные огневые точки тяжелые танки противника, вкопанные в землю, а кроме того, прикры-

тые специально сооруженными завалами из битого кирпича и рельсов, плотно обложенных мешками с песком. Под нижним люком каждого танка имелся колодец для хранения боеприпасов, соединенный траншеей с подъездом ближайшего дома или подвалом. Только прямым попаданием тяжелого снаряда или авиабомбы можно было уничтожить эти огневые точки.

Специфика берлинской обороны заставила нас по-новому комплектовать штурмовые группы. Здесь в состав их включалась артиллерия разных калибров от 45-миллиметровых пушек до 203-миллиметровых гаубиц. А это тотчас сказалось и на тактике боя. Начинали его, как правило, 45- и 76-миллиметровые орудия под прикрытием автоматчиков, а также бойцы, вооруженные трофейными фаустпатронами. Затем подключались танки, в том числе огнеметные, и химики-пиротехники. Когда все вокруг окутывалось дымом и пылью, незаметно для противника выдвигались гаубицы и прямой наводкой разрушали простенки нижних этажей в атакуемом здании. В результате здание теряло устойчивость и обрушивалось, погребая под своими развалинами тех, кто в нем оборонялся.

Нередко штурмовым группам придавалась полевая реактивная артиллерия (М-30). Тяжелые ее снаряды бойцы затаскивали на вторые-третьи этажи и запускали прямо с подоконников.

Наш корпус настойчиво пробивался к центру Берлина. 25 апреля части 82-й гвардейской стрелковой дивизии почти достигли аэропорта Темпельхоф. Правее действовала 27-я гвардейская стрелковая дивизия. А 74-ю пришлось развернуть в обратном направлении для отражения контратак гитлеровцев, которые вышли нам в тыл после того, как выбрались из метрополитена.

Лишь отразив эти контратаки, пленив при том до двух батальонов фольксштурма, мы быстрее двинулись вперед и к исходу дня завязали бои за аэропорт. Ожесточенные схватки в прилегавших к нему кварталах продолжались всю ночь. Наконец к 7 часам утра 82-я гвардейская овладела Темпельхофом. Одновременно частью сил она штурмовала тюрьму севернее аэродрома и освободила заключенных там граждан разных национальностей, в том числе и наших соотечественников.

К 9 часам того же дня корпус развернулся фронтом на север и после короткой артиллерийской подготовки

устремился к Ландвер-каналу. Посаженный на танки и самоходно-артиллерийские установки, 242-й гвардейский стрелковый полк с ходу форсировал его. Но остальным нашим частям удалось переправиться на южный берег канала лишь к утру 28 апреля. Противник оказывал все возраставшее сопротивление, вел массированный артиллерийский огонь из парка Тиргартен, обстреливал нас фаустпатронами, поливал из крупнокалиберных пулеметов.

Перед нами были Ангальтский и Потсдамский вокзалы. Вокзальные здания с их толстыми кирпичными стенами представляли собой сильные опорные пункты, хорошо прикрытые разнообразными противотанковыми и противопехотными препятствиями.

Бои здесь затянулись на четверо суток. Каждый метр давался нам ценой громадных усилий. Ведь за вокзалами, в восточной части Тиргартен-парка, находились рейхстаг и имперская канцелярия, а в ней — бункер Гитлера.

В 3 часа 1 мая на командный пункт одной из дивизий нашей армии прибыл в качестве парламентера начальник штаба сухопутных войск Германии генерал пехоты Кребс. Его тут же направили для переговоров к генерал-полковнику В. И. Чуйкову, а войска тем временем усилили натиск. И в тот же день у Бранденбургских ворот, в 200 метрах от рейхстага, мы встретились с дивизиями 3-й и 5-й ударных армий, штурмовавших Берлин с севера и востока. А над рейхстагом уже развевалось алое знамя.

В 15 часов гарнизон Берлина капитулировал. Из подвалов и бункеров выходили с поднятыми руками немецкие солдаты и офицеры. И все бормотали: «Гитлер капут!»

Вскоре мы узнали не переносный, а истинный смысл этих слов: Гитлер в тот день покончил с собой. Это был достойный финал для бесноватого фюрера...

Двадцать четыре залпа из 324 орудий, прогремевшие в Москве, возвестили всему миру о падении Берлина. Этот исторический победный салют навсегда останется в памяти благодарного человечества, освобожденного Советской Армией от ужасов коричневой чумы.

В честь победы Родина щедро наградила своих защитников. 29-й гвардейский Лодзинский стрелковый кор-

пус был награжден орденом Красного Знамени. Этого же ордена были удостоены и все три его дивизии. А 244-му гвардейскому стрелковому полку выпала честь быть удостоенным почетного наименования Берлинского. Командирам 74-й и 27-й гвардейских стрелковых дивизий генерал-майорам Д. Е. Баканову и В. С. Глебову указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза. Тысячи гвардейцев получили ордена и медали. Объявили и мне о награждении орденом Суворова I степени.

На улицах Берлина в составе 29-го гвардейского Лодзинского Краснознаменного стрелкового корпуса довелось воевать и многим участникам битвы за Москву, и героическим защитникам Ленинграда, и тем, кто грудью своей преградил путь немецко-фашистским захватчикам на Кавказ, кто погнал их от Курска и Белгорода. Не имея возможности перечислить на страницах книги всех отличившихся солдат и офицеров, я низко кланяюсь им, живым и мертвым, и благодарю за верную службу Отчизне.

И ОПЯТЬ —
В МЕСТА ЗНАКОМЫЕ

В Берлине мы задержались недолго. Ровно столько, сколько требовалось, чтобы привести в порядок вооружение и боевую технику, а также передать по назначению пленных и трофеи.

Утром 10 мая 29-й гвардейский Лодзинский Краснознаменный стрелковый корпус двинулся по наспех расчищенным от битого кирпича берлинским улицам к новому месту расквартирования. По-разному провожали нас жители поверженной фашистской столицы: одни хмурились, другие льстиво и угодливо улыбались, третьи были явно обеспокоены. Берлинцы уже успели убедиться в исключительно гуманном отношении советских военнослужащих к мирному населению, видели трогательную заботу о немецких детях и стариках. На городских площадях и в скверах с утра до ночи дымили походные кухни: в них готовилась горячая пища. Налаживалось общественное питание в уцелевших столовых, кафе, ресторанах. В столицу Германии один за другим прибывали железнодорожные эшелоны и транспортные самолеты с продовольствием из Советского Союза. Советские люди оставались щедрыми даже в тот момент, когда сами испытывали вызванные войной трудности.

Штаб корпуса с корпусными частями разместился в городе Ошатц. Две дивизии — неподалеку от него, в немецких казармах. 82-я гвардейская дивизия была введена в город Риза. Ей предстояло принять, устроить на временное жительство и обеспечить всем необходимым около сорока тысяч советских граждан, насильно вывезенных в фашистскую Германию и подлежавших репатриации.

В конце июня, когда жизнь корпуса уже почти вошла в нормальную мирную колею, мне неожиданно предложили временно передать командование полковнику Ф. Ф. Гайворонскому (он уже стал у нас начальником штаба корпуса) и немедленно убыть в Главное управление кадров Наркомата обороны. Причина вызова была мне не известна, а задавать вопросы у военных не принято. Наспех собрав дорожные вещи, я вылетел в Москву.

В Главном управлении кадров меня ознакомили с приказом И. В. Сталина, которым предписывалось отбыть в распоряжение командующего 1-м Дальневосточным фронтом Маршала Советского Союза К. А. Мерецкова на должность командира стрелкового корпуса.

— Кирилл Афанасьевич на месте решит, каким из корпусов вам командовать, — сказал на прощание генерал-полковник Ф. И. Голиков.

Итак, снова на Дальний Восток! В места знакомые и родные... Опять бои, опять сражения. На этот раз с последней союзницей «третьего рейха» — империалистической Японией.

Многие годы японская военщина вынашивала планы большой войны против Советского Союза. Достаточно вспомнить японскую интервенцию в 1919—1922 годах, провокации у озера Хасан и на Халхин-Голе, частые пограничные инциденты, захват в открытом море советских транспортных и торговых судов, наконец, подписание Японией пресловутого антикоминтерновского пакта, чтобы понять, что все это были звенья одной цепи.

Как только фашистская Германия развязала войну в Европе, империалистическая Япония резко активизировала свою подготовку к агрессии на Дальнем Востоке: широким фронтом развернула она работы по усовершенствованию укреплений в Маньчжурии, расширению там сети полевых аэродромов, созданию крупных баз снабжения, по строительству новых шоссейных и железных дорог. Одновременно непрерывно наращивалась численность войск вблизи советских границ. Если при вторжении в Маньчжурию в начале тридцатых годов Квантунская армия насчитывала в своем составе 11 тысяч человек, то к моменту вероломного нападения на СССР фашистской Германии численность этой армии увеличилась до 660 тысяч солдат и офицеров. Наше Верховное Главнокомандование вынуждено было держать на дальневосточных границах

от 30 до 40 дивизий, что ослабляло силы, действовавшие против гитлеровской военной машины.

Японский генеральный штаб разработал два варианта плана войны: вариант генерала Исихара — «Вперед, на север» и вариант генерала Муто — «Вперед, на юг». 2 июля 1941 года на совещании под председательством императора Японии был принят вариант Исихары, которым предусматривалось вторжение в Советский Союз. Однако после ряда постигших нашу страну военных неудач сторонники Муто сумели убедить императора, что русские уже проиграли войну, что через некоторое время можно будет беспрепятственно ввести японские войска в Сибирь и занять территорию вплоть до Урала. А пока-де следует завоевать Малайю, Индонезию, Филиппины, Сиам, Бирму. 7 декабря 1941 года японские милитаристы развернули военные действия на Тихом океане, не прекращая вместе с тем подготовки к нападению на СССР. На 1 января 1942 года в Квантунской армии насчитывалось уже 1 100 000 человек, что составляло 35 процентов численности всех видов вооруженных сил государства.

В 1942 году, в то время, когда немецко-фашистские войска наступали на Сталинград и Северный Кавказ, японский генеральный штаб вновь вернулся к «плану Исихары» и «уточнил» его. В «уточненном» виде этим планом предусматривалось отторгнуть советскую территорию вплоть до самой Волги.

Готовясь к войне против Советского Союза, японские милитаристы уделяли очень много внимания разработке новых видов оружия. Большие надежды возлагались на так называемую бомбу «Кэ» с радиодистанционными трубками. Но предпочтение отдавалось все же бомбе «И», которая представляла собой небольшой фарфоровый сосуд, начиненный бактериями чумы, сибирской язвы, брюшного тифа, холеры и других страшных болезней. Квантунская армия имела в своем составе два специальных бактериологических отряда — 731-й и 100-й. Один из них располагался в районе Харбина, другой — в Могатоне.

Как ни странно, разгром фашистской Германии не образумил японскую военщину. Япония продолжала боевые действия против наших тогдашних союзников по антифашистской коалиции — США и Англии. В интересах быстрейшей ликвидации военного пожара на Азиатском кон-

тиненте и обеспечения безопасности наших дальневосточных границ Советское правительство еще в ходе войны с Германией взяло на себя обязательство принять участие в разгроме агрессивных сил Японии.

Сразу же после победы на Западе советское Верховное Главнокомандование начало переброску значительного количества войск и боевой техники на Дальний Восток. Туда же направлялись офицеры и генералы, имевшие боевой опыт и хорошо знавшие Дальневосточный театр по довоенной службе. Вот почему оказался там и я.

С Москвой распрощался в первых числах июля. На вокзале меня провожали жена, дочка и маленький сынишка. Конечно, грустно было расставаться с ними опять...

В вагоне встретился с генералами Мальцевым, Романовым и Прудниковым. Они получили назначения на должности членов военных советов армий.

В Иркутске, прогуливаясь по перрону, увидели генерал-полковника С. П. Иванова. Семен Павлович пригласил меня и трех других генералов к себе в вагон. Несколько часов ехали с ним. Узнали, что он назначен начальником штаба Главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке Маршала Советского Союза А. М. Василевского. Такой орган управления войсками создавался с учетом большой удаленности Дальневосточного театра, его огромной и сложной по физико-географическим особенностям территории.

Для осуществления разработанной Генеральным штабом и Ставкой гигантской по пространственному размаху стратегической наступательной операции развертывались три фронта: Забайкальский (командующий маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский, член Военного совета генерал-лейтенант А. Н. Тевченков, начальник штаба генерал армии М. В. Захаров); 1-й Дальневосточный (командующий Маршал Советского Союза К. А. Мерецков, член Военного совета генерал-полковник Т. Ф. Штыков, начальник штаба генерал-лейтенант А. Н. Крутиков); 2-й Дальневосточный (командующий генерал армии М. А. Пуркаев, член Военного совета генерал-лейтенант Д. С. Леонов, начальник штаба генерал-лейтенант Ф. И. Шевченко). Кроме того, к боевым действиям привлекались Тихоокеанский флот и Краснознаменная Амурская военная речная флотилия.

В помощь Главному командованию советских войск на Дальнем Востоке Ставка направила туда командующего ВВС главного маршала авиации А. А. Новикова, заместителя командующего артиллерией Советской Армии маршала артиллерии М. Н. Чистякова, заместителя начальника войск связи генерал-полковника войск связи Н. Д. Псурцева, заместителя начальника тыла генерал-полковника В. И. Виноградова и других ответственных работников Наркомата обороны. Прибыли туда Народный комиссар Военно-Морского Флота адмирал Н. Г. Кузнецов и начальник Главного политического управления генерал-лейтенант И. В. Шикин, который становился здесь членом Военного совета Главного командования.

Разумеется, Семен Павлович не вдавался тогда в подробности. Замысел операции оставался секретом для нас. Многого не знал, очевидно, и сам Иванов. Но сейчас я могу сказать, что Ставка планировала мощными рассекающими ударами с трех направлений, сходящихся в центре Маньчжурии, расчленить, окружить, принудить к капитуляции или уничтожить главные силы Квантунской армии. Разгрому должны были подвергнуться также японские войска в Северной Корее, на Южном Сахалине и крупных островах Курильской гряды.

К тому времени Квантунская армия включала в себя три фронта: 1-й, 3-й, 17-й. В нее же входили: 4-я Отдельная армия, 2-я и 5-я авиационные армии и Сунгарийская военно-речная флотилия. В сухопутных войсках суммарно насчитывалось: 31 дивизия, 9 пехотных и 2 танковые бригады. Кроме того, под контролем японского командования находились: армия марионеточного государства Маньчжоу-Го (2 пехотные и 2 кавалерийские дивизии, 12 пехотных бригад и 4 кавалерийских полка); армия Внутренней Монголии — войска князя Дэвана (5 кавалерийских дивизий и 2 кавалерийские бригады); Суйюаньская группа (до 6 пехотных дивизий). На Южном Сахалине и Курильских островах действовали соединения 5-го фронта, в состав которых входило около 4 пехотных дивизий и танковый полк. Сунгарийская военно-речная флотилия располагала 4 канонерскими лодками, 12 бронекатерами и 10 сторожевыми катерами, 3 полками морской пехоты с 50 десантными мотоботами и 60 моторными лодками.

Три советских фронта включали в себя 11 общевойсковых, танковую и 3 воздушные армии. Сухопутные войска были представлены 80 дивизиями (из них 6 кавалерийских и 2 танковые), 4 танковыми и механизированными корпусами и 30 отдельными бригадами.

Тихоокеанский флот имел 2 крейсера, 1 лидер, 12 эскадренных миноносцев, 19 сторожевых кораблей, 78 подводных лодок, 10 минных заградителей, 52 тральщика, 49 охотников за подводными лодками, 204 торпедных катера и 1549 самолетов. В Амурской военной флотилии было 8 мониторов, 11 канонерских лодок, 52 бронекатера, 12 тральщиков и другие корабли. Воздушное пространство прикрывалось тремя армиями ПВО.

Советские войска превосходили противника в личном составе в 1,2 раза, в самолетах почти в два раза, а в танках почти в пять раз. Однако сложный горно-таежный, местами заболоченный театр военных действий и мощные укрепления противника, особенно в Приморье, создавали для нас исключительные трудности.

Общая протяженность линии фронта превышала 5 тысяч километров. С запада противника прикрывал высокий горный хребет Большой Хинган, с севера — хребты Ильхури Алинь и Малый Хинган, с востока — Восточно-Маньчжурские горы. На границе с Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой или вблизи границы японцы имели 17 укрепленных районов, до 8000 долговременных сооружений. Общая протяженность укрепленной полосы вдоль границы превышала 1000 километров. Лучше всего в инженерном отношении была подготовлена восточная граница Маньчжурии, у советского Приморья. Здесь находилось восемь укрепленных районов: Жаохэйский, Хутоуский, Мишаньский, Пограничненский, Дуннинский, Дунсинчженьский, Хуньчуньский и Кэнхынский. Каждый из них состоял из трех — семи узлов сопротивления, нескольких отдельных опорных пунктов, занимавших по фронту до 100 и в глубину до 50 километров. Они размещались на господствующих высотах и имели между собой огневую связь. Только в одном Пограничненском укрепленном районе насчитывалось 122 дота, 131 дзот, свыше 26 километров противотанковых рвов, надолб и эскарпов, 14 километров проволочных заграждений, более 20 километров траншей и ходов сообщения.

Советским войскам предстояло преодолеть еще и крупные реки, дремучую тайгу, болота, обширные безводные плоскогорья и другие естественные преграды.

...Моя встреча с командующим 1-м Дальневосточным фронтом Маршалом Советского Союза К. А. Мерецковым имела несколько необычное начало. Он осмотрел меня придирчиво и с нарочитой строгостью спросил:

— Почему одеты не по форме?

— Как?! — удивился я, осмотрев свое обмундирование.

— Вы же генерал-лейтенант, и без всякой там артиллерийской приставки, — продолжал Кирилл Афанасьевич, уже улыбаясь. — Надо, брат, читать газеты. Несколько дней назад было опубликовано постановление Совнаркома о присвоении вам звания генерал-лейтенанта.

— Но я же артиллерист...

— Какой вы артиллерист, если почти всю войну занимали общевойсковые должности?.. В общем, перешивайте погоны, меняйте фуражку и принимайте восемьдесят седьмой стрелковый корпус, — приказал маршал. — Корпус,— продолжал он, — находится в моем резерве. Наступать будете либо за армией Белобородова, либо в полосе армии Чистякова...

Попрощавшись с маршалом, я на машине отправился в расположение корпуса. Прежний его командир оставался у меня заместителем.

В дивизиях шла напряженная боевая учеба. Основной упор делался на подготовку штабов. Но по опыту мне было хорошо известно, что, как бы ни были подготовлены штабы, все же успех боя решают войска, четкое и непрерывное взаимодействие подразделений пехоты с артиллерией, танками, инженерными частями. Поэтому я сразу стал готовить показные учения по теме «Наступление стрелкового полка на сильно укрепленную оборону противника в горно-лесистой местности с форсированием водной преграды» и лично провел их. Одновременно сколачивались штурмовые отряды и группы, отрабатывалось блокирование оборонительных сооружений противника, ведение боя в городе. При этом войска ставились в самые тяжелые условия. Все командиры и штабы обучались ориентированию в тайге и горах.

Наряду с боевой учебой в корпусе проводилась целеустремленная партийно-политическая работа. Личному

составу разъяснялась вероломная сущность политики, проводимой японскими правящими кругами по отношению к нашей стране на протяжении многих десятилетий. Всеми средствами пропагандировались героические традиции дальневосточников, начиная со времен гражданской войны.

8 августа 1945 года Советское правительство заявило о вступлении СССР в войну с Японией. Личный состав дальневосточных войск, Тихоокеанского флота и Амурской флотилии узнал об этом в тот же вечер. В частях и на кораблях читались обращения военных советов. Последовали боевые приказы о переходе в наступление.

В ночь на 9 августа советская авиация нанесла первые мощные удары по аэродромам, железнодорожным объектам, укрепленным районам противника, по некоторым его административно-политическим центрам — Муданьцзян, Харбин, Чанчунь, по портам — Расин (Начжин), Юки, Сейсин (Чхончжин). Еще до рассвета в кромешной тьме, при грозовом ливне пересекли границу и передовые отряды наших сухопутных войск.

1-й Дальневосточный фронт наносил главный удар из района Гродеково в общем направлении на Мулин, Муданьцзян с задачей к двадцать третьему дню операции достичь рубежа Боли, Линькоу, Нингута, Дунэинчэн, станция Санчагоу. В дальнейшем нам предстояло выйти на линию Харбин, Чанчунь, Ранан (Нанам).

Ударную группировку фронта составляли 1-я Краснознаменная и 5-я армии. Ими командовали прославленные военачальники, прекрасно проявившие себя в борьбе с немецко-фашистскими войсками, Афанасий Павлантьевич Белобородов и Николай Иванович Крылов. Оба они долго служили на Дальнем Востоке и отлично знали этот край.

Ближайшей задачей этих двух армий являлось овладение Муданьцзяном.

87-й стрелковый корпус тоже готовился к боям на муданьцзянском направлении. Однако 10 августа поступило распоряжение: грузиться в железнодорожные эшелоны и отправляться во Владивосток для последующего десантирования на Южный Сахалин. Командование корпусом возлагалось при этом на генерал-лейтенанта А. С. Ксенофонтова. А мне было приказано принять от него 59-й

стрелковый корпус, действовавший в составе 1-й Краснознаменной армии.

Я прибыл туда в самый разгар боев за Муданьцзян. Оборонявшие этот город войска 5-й японской армии сопротивлялись упорно. Первую атаку противник отбил. Но с подходом артиллерии, еле-еле пробившейся через непролазные таежные дебри, мы усилили натиск, использовали успех 25-й армии генерала И. М. Чистякова, обходившей Муданьцзян с юга, и овладели городом. 5-я японская армия, по существу, сложила оружие. Сдался в плен и ее командующий. Он при мне отдал свой клинок командующему войсками 1-й Краснознаменной армии генерал-полковнику А. П. Белобородову.

После овладения Муданьцзяном одна из дивизий нашего корпуса (39-я стрелковая под командованием генерал-майора Семенова) приняла участие в освобождении Харбина. А другие две (231-я и 365-я) овладели Ханьдаохенцзэ и двинулись на Чанчунь. Но запоздали: в этот город раньше их вошли войска Забайкальского фронта, и Квантунская армия повсеместно капитулировала.

Завершив боевые действия, мы смогли подвести предварительные итоги. За десять дней 59-й стрелковый корпус прошел с боями по труднейшей горно-таежной местности до 400 километров. Уничтожил около 2 тысяч вражеских солдат и офицеров, большое количество боевой техники и вооружения. Пленил свыше 36 тысяч вражеских солдат и офицеров. Захватил также склады с вооружением, боеприпасами, продовольствием.

В целом же советские войска до конца августа полностью разгромили Квантунскую армию. В течение пятнадцати дней враг потерял около 700 тысяч солдат и офицеров, из них 83 737 человек убитыми. Своим всесокрушающим ударом наши Вооруженные Силы в невиданно короткий срок погасили опаснейший очаг второй мировой войны в Азии и на Тихом океане. По тогдашним расчетам и заявлениям правительств США и Англии, без вмешательства Советского Союза война здесь могла затянуться еще на два года. Атомные бомбардировки японских городов Хиросима и Нагасаки не изменили бы положения. Эти жестокие акции по отношению к мирному японскому населению явно преследовали не столько военные, сколько политические цели.

Во время пребывания 59-го Краснознаменного стрелкового корпуса в Маньчжурии у нас установились самые сердечные отношения с местными жителями. Но всех нас прямо-таки ужасали нечеловеческие условия их существования. Больно было смотреть на голодных, босых, закутанных в грязные лохмотья детей, на исхудавших до последней крайности, измученных нищетой женщин и изнуренных непосильным трудом мужчин. Бедняков беспощадно эксплуатировали не только японцы, но и китайская буржуазия.

Мы щедро снабжали население продуктами питания и промышленными товарами из обильных запасов разгромленной Квантунской армии. Наша санитарная служба оказывала китайцам и маньчжурам медицинскую помощь. Больных было множество, смертность высокая. Неспроста, видно, появилась и бытовала здесь горькая шутка: «Японцы помогали китайцам и маньчжурам умирать...»

Трудно переоценить и ту поддержку, которую оказали советские войска народно-освободительному движению Китая. Армии Чжу Дэ было передано все трофейное оружие, вся японская боевая техника, большое количество боеприпасов. В дальнейшем китайские силы освобождения получили от нас и советские танки, и артиллерию, и самолеты. И не случайно сейчас, много лет спустя, приходится лишь удивляться, насколько короткой оказалась память у теперешних руководителей Китая.

*
* *

После окончания боевых действий я вернулся с Востока на Запад. Вся моя жизнь после войны неразрывно связана с нашей Советской Армией. Одна мысль об этом наполняет сердце большим удовлетворением, дает испытать чувство исполненного долга.

СОДЕРЖАНИЕ

ИБ № 678

Георгий Иванович Хетагуров
ИСПОЛНЕНИЕ ДОЛГА

Редактор *М. Д. Конюшенко*
Художник *В. В. Васильев*
Художественный редактор *А. М. Голикова*
Технический редактор *Е. А. Шестернева*
Корректор *Л. А. Чернова*

Г-82291
Сдано в набор 17.5.76 г. Подписано в печать 14.4.77 г.
Формат 84×108/32. Бумага тип. № 1
Печ. л. 6 3/4. Усл. печ. л. 10,34 + 2 вкл. 3/16 печ. л., —
— 0,215 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 11,861.
Изд. № 3/1402. Цена 1 р. 11 коп. Тираж 100000 экз. Зак. 152

Воениздат
103160, Москва, К-160
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3